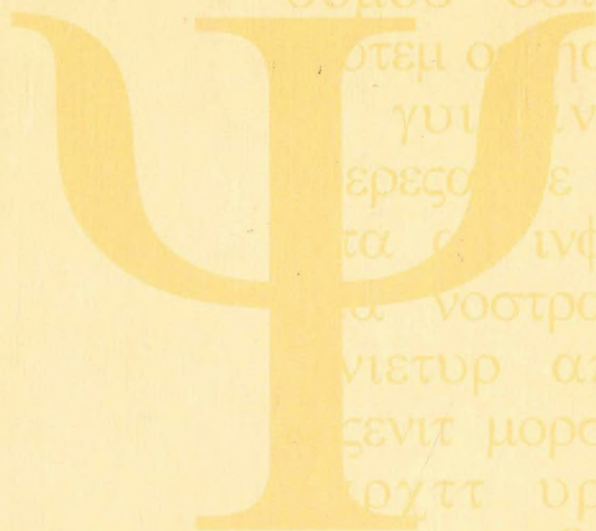

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В СИБИРИ

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Томский государственный университет»

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В СИБИРИ

Материалы VI Всероссийской научной конференции
«Актуальные проблемы классической филологии
и сравнительно-исторического языкознания»
и регионального научно-методического
совета по классической филологии

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

УДК 80181
ББК 81.2
К47

Рецензент – д-р филол. наук З.И. Резанова

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук Л.Т. Леушина (отв. ред.),
канд. филол. наук М.Н. Славятинская, канд. филол. наук
М.П. Алексеева, канд. филол. наук Л.В. Доровских,
канд. филол. наук Л.С. Иванова, ст. преп. Е.Ф. Филиппева,
Л.Б. Прокопьева

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
РГНФ, проект 08-04-14049 «г»*

К47 Классическая филология в Сибири: Материалы VI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии / Под ред. Л.Т. Леушиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 230 с.

ISBN 978 – 5 – 7511 – 1888 – 4

В сборнике помещены статьи участников Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регионального научно-методического совета по классической филологии по проблемам античной литературы, античных рецепций в русской литературе, этимологии, исторической лексикологии, словообразования в классических языках и в русском языке, преподавания античной культуры и древних языков.

**УДК 80181
ББК 81.2**

ISBN 978 – 5 – 7511 – 1888 – 4

© Томский государственный университет, 2008

І. ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ

МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИКОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ФИТОНИМОВ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТА

О.И. Блинова

Томский государственный университет

Сопоставительная мотивология, в рамках которой осуществлено настоящее исследование [1], сформировалась на базе сопоставительного аспекта описательной мотивологии – науки о явлении мотивации слов, изучаемом в разных ракурсах: методолого-онтологическом, функциональном, динамическом, лексикографическом и др. [2]. От описательной мотивологии ею унаследованы основные исходные понятия – «мотивированность» как свойство слова, «внутренняя форма слова» (ВФС) как средство выражения его мотивированности, «мотивационные отношения слов» – речевое проявление мотивированности лексических единиц в текстах и метатекстах, реализующих показания языкового и метаязыкового сознания [2, 3].

Названные и неназванные исходные научные понятия («мотивировочный признак», «виды внутренней формы слова», «типы мотивированности слов» и др.) были избраны в качестве параметров межъязыкового и внутриязыкового сопоставления соотносительных лексических единиц разных языков и форм одного языка (работы А.Д. Адиловой, И.Е. Козловой, А.С. Филатовой, Н.А. Чижик, Е.И. Жериной) [1, 4, 5].

Отличительной чертой выполненных мотивационно-сопоставительных исследований была ориентация на двукомпонентный анализ, что диктовалось потребностями разработки и совершенствования нового аспекта изучения лексики.

В настоящей статье представлена попытка произвести многокомпонентный мотивационно-сопоставительный анализ лексики в двух основных формах национального языка – литературной и диалектной. Особенность предпринятой попытки заключается в том, что сопоставляется лексика моносистемы – системы литературного языка – и лексика совокупности моносистем, то есть полисистемы говоров одной диалектной группировки.

В качестве материала сопоставления выбрана тематическая группа наименований растений, которая уже подвергалась мотивационно-сопоставительному изучению в русском литературном языке в сопоставлении с французским (Козлова И.Е., 1999, 2000 и др.) и английским (Филатова А.С., 2002, 2003, 2004). Лексика флоры Среднего Приобья получила фундаментальное описание в работах В.Г. Арьяновой 60–90-х гг. XX в. и в составленном ею трёхтомном «Словаре фитонимов Среднего Приобья» (СФ), первые два тома которого опубликованы [6]. Словарь включает 3340 номинативных единиц, как однословных, так и составных наименований растений литературного языка и диалекта. СФ содержит 685 словарных статей. В каждой из них заключены данные – эквивалентные фитонимы литературного языка и диалекта, готовые для сопоставления.

Диалектная флора – одна из сложных тематических групп для изучения. Ей свойственна развитая в русских говорах многозначность, при которой одно и то же наименование обозначает разные растения, например, *ветреницей* называется ветреница лесная (*Anemone silvestris*) и ветреница голубая (*Anemone coerulea*), *ромашка* обозначает ромашку дисковидную (*Matricaria matricarioides*), ромашку аптечную (*Matricaria recutita*), ромашку лекарственную (*Matricaria chamomilla*) и ромашку непахучую (*Matricaria inodora*).

Для диалектной флоры, в отличие от литературной, характерна развитая дублетность, как в целом (в макросистеме диалектного языка, диалектной группировки), так и в отдельности (в микросистеме говора). Так, литературному названию *горец* (горец почечуйный) в среднеобских говорах являются эквивалентными – *горец*, *горлянка*, *змеёвик*, *перец*, *почечуй*, *почечуйник*, *семиколенник* и несколько словосочетаний. Двум номинациям литературного языка – *адонис весенний* и *горицвет* – соответствует в диалекте 21 номинация этого цветочного растения, представленная устойчивыми словосочетаниями – *горицвет весенний*, *жёлтый огонёк*, *аленький цветочек* и др., а также однословными наименованиями – *алик*, *белоголовник*, *вонючка*, *горицвет*, *стародубка*, *стародубник*, *черногорка* (СФ. Т. 1. С. 17, 61).

В отдельных говорах Среднего Приобья функционируют два-три дублета, например, дублеты рогоза широколистного – *кащилка*, *куга*, *рогоза* (с. Ново-Рождественка), *камыш*, *чёртовы палочки* (с. Поломошное), дублеты багульника болотного – *багульник*, *клоповник*, *блосник* (*Багульник ещё от клопов, и полыни боятся клопы. Клоповник ещё звали, блосник ещё звали.* Том. Верш.) (СФ. Т. 1. С. 25) и др.

Развитая дублетность фитонимов в макро- и микросистемах диалекта создаёт возможности для поликомпонентного мотивационно-сопоставительного исследования, трудоёмкость и сложность которого очевидны. Как представляется, осуществление такого исследования возможно в несколько этапов.

На первом этапе необходима выборка соотносительных однословных фитонимов литературного языка и среднеобского диалекта. Эта задача решается с опорой на данные заголовочной части словарной статьи СФ, в которой представлены фитонимы литературного языка и говоров Среднего Приобья. «Подавляющее большинство словарных единиц, – отмечает составитель СФ, – являются стилистически нейтральными» [6. Т. 1. С. 6]. Они и составляют основную базу исследования. Эмоциональные и экспрессивно окрашенные фитонимы остаются за его рамками.

На втором этапе определяется разряд фитонимов в их отношении к мотивированности: фитонимы **мотивированные**, имеющие лексическую и структурную мотивированность (ВОЛН/УШКА ‘гриб с волнистой шляпкой’), **полумотивированные**, характеризующиеся либо лексической, либо структурной мотивированностью (багульник ‘вечнозелёный кустарник’, КРАПива ‘растение с «краплёными» листьями’), **немотивированные** (*осот, камыш*).

Мотивированность фитонимов литературного языка определяется приёмом интроспекции и приёмом психолингвистического эксперимента, для определения мотивированности у фитонимов диалекта привлекаются метатексты, представленные в обширной иллюстративной части словарной статьи СФ и в «Мотивационном диалектном словаре: говоры Среднего Приобья» [7]. Примеры: *Петушок вот есть. Красивый такой, листья небольшие, цветок похож на петушиный гребешок* (СФ. Т. 2. С. 78). *Одуванчики растут, их ещё молочниками называют, потому что если сорвёшь его, то белый сок выделяется, как молочко* (СФ. Т. 2. С. 64).

На этом же этапе выявляются другие параметры сопоставления: например, вид **ВФС** (живая – мертвая, вариантная – невариантная, метафорическая – неметафорическая, лексикализованная – нелексикализованная), **тип мотивированности** фитонима (относительный – абсолютный, фонетический – морфологический – семантический и т.д.) [2. С. 256–265].

Третий этап – этап составления литературно-диалектных рядов фитонимов-эквивалентов с последующим их лексикографированием.

Как известно, лексикографическая параметризация языковых единиц является одним из самых продуктивных способов классификации, систематизации материала и получения новых данных для его описания и обобщения.

Первый опыт лексикографирования многокомпонентных рядов фитонимов литературного языка и среднеобских говоров, по данным СФ, осуществлён А.С. Разиной [8] и Ю.И. Исламовой [9]¹.

Образец словарной статьи (приводится в сокращении):

I. ВОЛНУШКА РОЗОВАЯ. *Lactarius torminosus* (Fr.)

ВОЛНУШКА ↔ ВОЛНУХА
ВОЛНУШКА
ВОЛНЯНКА
ВЬЮН и др.

II. Лят.
Волнушка

ВФС¹ ↗ МФ: ВОЛН/УШКА
↘ МЗ: 'гриб <с> волни-
стой <шляпкой>'
ЛМ: волнистый
СМ: свинушка

– У волнушки
шляпка волнистая. //
Знаю грибы рыжики, свинушки,
волнушки, маслята...

III. ВФС: невариант.,
нелекс.,
метаф.

Диал.

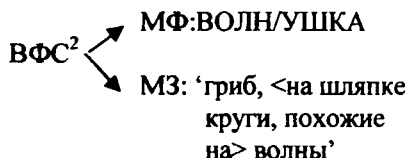
Волнушка (Колп. Типс.;
Крив. Жук.; Том.: Бас., Бог.
Верш., Нелюб., Н. Ишт., Яр.;
Яйск. Кайла; Яшк.: Мох.,
Полом.)

МФ: ВОЛНУшка
ВФС¹ ↘ МЗ: 'гриб <со
шляпкой> вол-
нами'
ЛМ: волнами
СМ: белянка

– Волнушки моховатые,
красивые, всё больше вол-
нами [шляпки]. // Белы грибы
эти года не стали родиться.
Белянки, волнушки, ры-
жики, матрёшки.

ВФС: невариант.,
нелекс.,
метаф.

¹ Работы хранятся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии при Томском государственном университете.

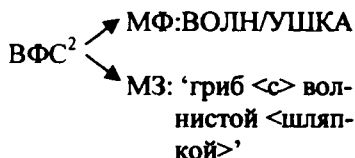
ЛМ: волна

СМ: синюшка

– *Всякие грибы*

*растут: волнушки,
синюшки, белые,
грузди.*

ВФС: невариант.,
нелекс.,
метаф.

ЛМ: волнистый

СМ: чернушка, беланка

– *Белянки на покосах*

*растут, белые, волнуш-
ки – шляпка волниста
така <...> А вот чернушки, я
не люблю их.*

ВФС: невариант.,
нелекс.,
метаф.

IV. Итоговая зона.

Словарную статью открывает заглавная зона (I), в которой указано номенклатурное название растения и приводится литературно-диалектный ряд фитонимов. В следующей зоне (II) представлены компоненты ряда (слева – литературный, справа – диалектный, сопровождаемый ареальными пометами), структура их внутренней формы (ВФС) с мотивационной формой (МФ) и мотивационным значением (МЗ), затем – контексты, иллюстрирующие мотивационные связи компонентов ряда, на основе которых выявляются мотиваторы лексические (ЛМ) и структурные (СМ), определяется мотивационная форма и мотивационное значение фитонима. В завершающей части словарной статьи (III) характеризуется вид ВФС. Вторая и третья зоны повторяются для каждого компонента ряда. Вариантная ВФС нумеруется.

В итоговой зоне (IV) содержится комментарий мотивационно-сопоставительного характера, включающий дополнительные сведения о сопоставляемых лексических единицах.

На четвертом этапе дается описание результатов лексикографической параметризации сопоставительных рядов фитонимов, с последующей систематизацией и обобщением.

В заключение излагаются выводы об общности и специфике фитонимов литературного языка и диалекта по данным лексики флоры.

Предварительные итоги проведённого выборочно мотивационно-сопоставительного поликомпонентного анализа фитонимов следующие.

Общность лексики флоры литературного языка и диалекта составляют:

- 1) наличие в составе фитонимов трёх классов лексических единиц – мотивированных, полумотивированных, немотивированных;
- 2) одинаковый набор мотивировочных признаков, отражающих одни и те же принципы и признаки номинации: по цвету, запаху, вкусу, времени цветения, по использованию, по свойству и т.д. [11];
- 3) преобладание двух типов мотивированности – морфологического и морфосемантического, семантический тип мотивированности наблюдается редко;
- 4) общность средств выражения классификационного признака – принадлежности к разряду растений.

Специфика лексики флоры литературного языка и диалекта проявляется в следующем:

- 1) в неодинаковом количественном соотношении разрядов слов в аспекте их мотивированности: в литературном языке по сравнению с диалектом выше процент полумотивированных фитонимов, в диалекте – выше процент мотивированных названий растений;
- 2) в несовпадающей «приверженности» фитонимов обеих форм языка к тем или иным мотивировочным признакам, что отражает нижеследующая статистика количественного соотношения фитонимов литературных (из 100) и диалектных (из 150): по использованию человеком или животным – 9:34; по месту произрастания – 3:14; по свойству (токсичность, тактильность) – 21:30 [11];
- 3) в диалекте выше процент фитонимов с метафорической ВФ [8]: в литературном языке он равен 455 (из 100 фитонимов), в диалекте – 60 (из 150 номинаций) [11].
- 4) в развитой синонимии в системе отдельного говора. Так, синонимическую пару во многих говорах имеет *белоголовник* 'лабазник вязолистый': его дублетами являются *иван-чай*, *иван кочкин*, *иван головатый*, *иван болотный*, *ванька мокрый*, *полевой чай*, *лабазник*, *кашка*, *медовульник*, *паринник* (*Белоголовник всё медовульником кличут*. // *Белоголовник ещё лабазником называют*. // *А теперь вот кашка, белоголовник называют* <...> *Иван-чай его ещё называют*);

5) в значительном количестве вариантной и вариативной фитонимической лексики, например, гриб волнушка розовая употребляется в разной фонетической огласовке, которая создаётся за счёт лексико-морфологического варьирования (*волбинка/волбянка, волвёнка/волянка/воляшка, волминка/вомянка*) или вариативности (*волнуха, волнушка, волнянка*).

Условные сокращения

вариант. –	вариантный
диал. –	диалектный
ВФС –	внутренняя форма слова
лит. –	литературный
ЛМ –	лексический мотиватор
метаф. –	метафорический
МЗ –	мотивационное значение
МФ –	мотивационная форма
невариант. –	невариантный
нелекс. –	нелексикализированный
СМ –	структурный мотиватор
СФ –	словарь фитонимов
<...> –	знак купюры
// –	граница контекстов
/ –	знак, разделяющий варианты слова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Лексикографическая параметризация сибирского говора: Мотивационный словарь (Т. 1–3)», проект № 07-04-00051а.

Литература

1. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология: Итоги и перспективы // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 5(56). С. 65–68.
2. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
3. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.
4. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. Томск, 1994. Ч. 1. С. 17–24.
5. Адилова А.Д. К сопоставительной мотивологии славянских языков (на материале наименований птиц) // Rossica slovaca I. Yazykovedny zbornik. Bratislava, 1992. С. 3–8.
6. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2007. Т. 1–2.
7. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. Т. 1–2.

8. *Разина А.С.* Мотивационно-сопоставительный анализ фитонимов русского литературного языка и диалекта: Курсовая работа. Томск, 2008. 77 с.

9. *Исламова Ю.И.* Мотивационно-сопоставительное исследование фитонимов русского литературного языка и диалекта: Курсовая работа. Томск, 2008. 68 с.

10. *Блинова О.И.* Лексикографический метод и сферы его применения в диалектологических исследованиях // Язык и культура в евразийском пространстве: Сб. ст. XVI Междунар. науч. конф., 16–20 апр. 2003 г. Разд. 1. Томск, 2003. С. 110–117.

11. *Блинова И.В.* Аспекты сопоставительной ономазиологии // Материалы XXXIV Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс: Филология» / Новосиб. ун-т. Новосибирск, 1996.

«ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ»: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГРЕКО-ЛАТИНСКИХ АССОЦИАЦИЙ НА ЛЕКЦИЯХ

А.Ю. Братухин, Н.А. Козюкова

Пермский государственный университет

Курс «Древние языки и культуры» в Пермском госуниверситете включает в себя следующие темы: индоевропейские языки и иврит, история и географическое положение Греции и греческая литература, история и географическое положение Рима и римская литература, античные мифология, искусство и наука, латинский, древнегреческий и старославянский языки. Знания учащихся проверяются на экзамене. Экзаменационное задание состоит из четырех частей: 1) чтение и перевод древнегреческого слова со словарем; 2) собеседование по одному из прочитанных 18 произведений античных авторов; 3) ответ на теоретический вопрос по древним культурам; 4) перевод латинского предложения со словарем. Основной центр тяжести ложится на греческую составляющую курса, поскольку именно греческая культура оказала огромное влияние на европейскую (через Рим) и на русскую (через Византию) культуру.

Наряду с сообщением студентам необходимой для расширения их кругозора информации, основной задачей курса является выработка у них умения видеть сходство между различными языками, а также находить результаты влияния шумерской культуры на Ветхий Завет, греческой культуры на ближневосточную (эпиграмматистка Сапфо – греческий перевод «Песни песней») и римскую, античной литературы на новую. Подобная работа должна помочь учащимся преодолеть дискретность и стереотипность в восприятии различных языков и культур, увидеть единство в их многообразии.

Если в конце позапрошлого века В. Вересаев жаловался, что его современники при полном невежестве в естественно-научных вопросах знают, как звали коня Александра Македонского, а Евгений Онегин «помнил, хоть не без греха, из ‘Энеиды’ два стиха», то в наше время нередко встречаются люди, вообще не слышавшие имени Вергилия или уверенные в том, что Александр Великий говорил на южнославянском языке. В век постиндустриализма, век цитирования и

«игры в бисер» знания гуманитарного характера часто носят бессвязный, иррациональный характер. Фраза «*momento mori*» (вместо «*memento mori*»), произнесенная одним из героев «Кавказской пленницы», тиражируется широким кругом зрителей. Даже верные сведения, правильно переданные изречения и имена, заученные вне контекста, немного дают нахватавшемуся цитат человеку. Аналитическое мышление разлагает предмет на части, но порой не в состоянии вписать одно явление, автора, произведение, событие в общий исторический контекст. Систематические знания вытесняются «тестовыми». Мозаичность и дискретность сознания некоторых наших современников, а также его перегруженность клише и рекламными стереотипами чем-то неуловимо напоминают эклектичность мировоззрения римлян эпохи упадка.

Древнегреческая и римская культура – культура людей, стоявших у истоков нашей цивилизации. Не поможет ли обращение к этому источнику мертвой и живой воды соединить расползающиеся в разные стороны фрагменты наших представлений об окружающем мире и вернуть былую яркость впечатлениям от увиденного и услышанного? Не случайно во время разрухи, царившей после окончания Великой Отечественной войны, во второй половине 40-х, начале 50-х гг. одна за другой выходят книжки с оригинальными текстами Цицерона, Цезаря, Вергилия, Лукреция, Овидия, словари и учебники по греческому и латинскому языкам и т.д. – возвращение к вечным ценностям приводит в порядок мысли и чувства людей.

Обратимся, прежде всего, к русской литературе. В «Сцене из Фауста» А.С. Пушкина Мефистофель говорит: «*Fastidium est quies* – скука / Отдохновение души». В действительности, *fastidium* – «отвращение» (ср.: англ. *fastidiousness*), *quies* – «покой» (ср.: слова заупокойной католической молитвы: «*requiem aeternam dona eis, Domine* – покой вечный даруй им, Господи»). Первая, тематическая ассоциация возникает с «Фаустом» Гете, а через него с книгой Иова (1:6–12; 2:1–6), «Доктором Фаустусом» Томаса Манна и «Мастером и Маргаритой» М. Булгакова. Вторая, формальная – с катулловской строчкой «*otium, Catulle, tibi molestum (e)st* – отдых (ср.: англ. *otiosity*)», Катулл, тебе тягостен (ср.: англ. *molestful*)» (51, 13). Процитированная строчка Катулла входит в четвертую строфу посвященного его любовнице Лесбии стихотворения, представляющего собой перевод лесбосской поэтессы Сапфо:

Богу равным кажется мне по счастью / Человек, который так
близко-близко / Пред тобой сидит, твой звучащий нежно / Слушает
голос / И прелестный смех. У меня при этом / Перестало сразу бы
сердце биться: / Лишь тебя увижу – уж я не в силах / Вымолвить
слова. / Но немеет тотчас язык, под кожей / Быстро легкий жар про-
бегает, смотрят, / Ничего не видя, глаза, в ушах же – / Звон непре-
рывный. / Пóтом жарким я обливаюсь, дрожью / Члены все охваче-
ны, зеленее / Становлюсь травы, и вот-вот как будто / С жизнью
прощусь я. / Но терпи, терпи: чересчур далёко / Все зашло... (Пер.
В. Вересаева).

Многие русские поэты обращались к этому стихотворению:
А.П. Сумароков, К.Ф. Рылеев, В.А. Жуковский, А.Н. Майков,
Вяч. И. Иванов и др. Остановимся на примере, который, возможно, не
является следствием заимствования, однако имеет много общего с
сапфическим фрагментом:

Тоска любви Татьяну гонит, / И в сад идет она грустить, / И
вдруг недвижны очи клонит, / И лень ей далее ступить. / При-
поднялася грудь, ланиты / Мгновенным пламенем покрыты, / Ды-
ханье замерло в устах, / И в слухе шум, и блеск в очах... <...> / И
между тем луна сияла / И томным светом озаряла / Татьяны блед-
ные красы (А.С. Пушкин. Евгений Онегин, III 16, 1–8; 20, 5–7).

Чувства гречанки конца VII – 1-й пол. VI в. до Р. Хр. и русской
дворянки 1-й пол. XIX в. после Р. Хр. оказываются почти тождест-
венными. Эпохи пересекаются. «Парижанка» из Кносского дворца
напоминает женские портреты импрессионистов, жалобы Дю Белле,
тоскующего в Риме по Франции, воспроизводят некоторые мотивы
«Скорбных элегий» и «Писем с Понта» Овидия, а стихи Пьера Рон-
сара похожи на стихи Горация: «У меня ни золотом, / Ни белой ко-
стью потолки не блещут; / Нет из дальней Африки / Колонн, гиметт-
ским мрамором венчанных <...> (Non ebur neque aureum / mea renidet
in domo lacunar, / non trabes Hymettiae / premunt columnas ultima re-
cisas / Africa <...>» (Гораций. Оды, II 18, 1–5, пер. А.П. Семенова-
Тян-Шанского) – «Убранством золотым мои не блещут стены, / Ни в
мрамор, ни в порфир мой дом не облечен <...>» (Ронсар. Принцу
Франциску, входящему в дом поэта, пер. В. Левики). В горацианской
«Оде», обращенной к чуть не погубившему поэта дереву (ср.: Ронсар.
Реке Луар. «Ответь мне, злой Луар, <...> / Решив перевернуть мой челн
среди теченья, / Ты попросту меня задумал погубить!», пер. В. Левики),
читаем: «Я Прозерпины царство суровое / Чуть не узрел, Эака, что суд

творит, / И край, блаженным отведенный... / Там на лесбийской играя
лире, / На безразличье дев Сафо плачется, / Но ты, Алкей, ты с плек-
тром из золота, / Поешь звончей тяготы моря, / Бегства тяготы, тяготы
брани» (Пер. Г.Ф. Церетели). Похожие слова в соответствующем кон-
тексте находятся в стихотворении Ронсара «На выбор своей гробницы»:
«Там услышу, бледнея, / Гневный голос Алкея, / Сафо сладостных од /
Плавный ход, / О, как счастлив живущий / Под блаженною кущей, / Со-
беседник певцам, / Мудрецам!» (Пер. В. Левики).

В произведениях А.С. Пушкина можно обнаружить множество
любопытных латинских фраз, словосочетаний и слов. (Например,
пушкинский латинский авторский стих «*Musa gloriam coronat,
gloriaque musam* – Муза увенчивает славу, а слава – музу» из «Бори-
са Годунова»: Муза должна была бы прославлять деяния полковод-
ца, каким себя видит Лжедмитрий.) Остановимся лишь на тех, кото-
рые, не будучи изолированными, позволят нам продолжить
ассоциативные странствия по древним и новым литературам.

Как мы помним, Евгений Онегин «знал довольно по-латыне, /
Чтоб эпитафьи разбирать». Один из таких эпитафьев «*O rus! Ног.
О Русь!*», по замечанию В.В. Набокова, «открывает вторую главу»
знаменитого пушкинского романа в стихах [З. С. 116]. Как известно,
поэт взял слова «*O, rus!*» из горацианской строчки «*O rus, quando ego
te adspiciam* – О, деревня, когда я тебя увижу» (Сатиры, II 6, 60).
Пушкин был не одним, кто использовал это место из Горация.
В «Жизни Анри Брюлара» Стендаль пишет: «Не могу припомнить,
учился ли я в Центральной школе четыре года или только три. Я
уверен в дате окончания: экзамен в конце 1799 года, когда в Греноб-
ле ожидали русских. Аристократы и, кажется, мои родные говорили:
‘*O Rus, quando ego te aspiciam*’». Эта латинская цитата представляет
собой эпитафю к первой главе второй части романа «Красное и чер-
ное» того же автора. Глава эта, называющаяся «Сельские развлече-
ния», начинается с описания путешествия Жюльена Сореля, кстати,
знатока латыни, в Париж в компании Сен-Жиро, бегущего от «чудо-
вищной жизни, которую ведут в провинции».

Пушкинский эпитафю обыгрывает в «Других берегах» (X 4)
В.В. Набоков: «Она [Поленька] стояла, опершись о косяк, мягко и
свободно сложив руки на груди — воплощая и *rus* и Русь». Чем, од-
нако, можно объяснить чередование Русь / Россия? Для этого следу-
ет обратиться к книге пророка Иезекииль 38:2–3, где сказано: «Вот,
Я – на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала». Еврейское слово

roš имеет также значение «голова». Отсюда перевод: «Gog, the land of Ma'-gog, the chief prince of Me'-shech and Tu'-bal». М. Лютер оставляет слово *roš* без перевода: «Gog, der im Lande Magog ist und der Fürst von Rosch, Meschech und Tubal». Так же поступили и греческие переводчики Библии: слово *roš* было принято ими за имя собственное и транслитерировано: «Gōg archonta Rhōs, Mosoch <...>». В византийскую эпоху Rhōs Септуагинты был идентифицирован с племенем рус, с Русью [1. С. 295–296; 2. С. 79, 211; 5. С. 6–7]. Византийская форма названия страны, Россия, впервые встречается в 1517 году [6. С. 505].

В пушкинском «Путешествие в Арзрум» (3-я гл.) встречаем еще одну цитату из Горация: «Heu! fugaces, Postume, Postume, / labuntur anni – Увы! Постум, Постум, скоротечные ускользают годы» (Оды, II 14, 1–2). Новое звучание этот фрагмент получает в двух версиях автобиографии Владимира Набокова. В «Других берегах» он пишет: «‘О, как гаснут – по-степи, по-степи, удаляясь, годы!’ <...> розы Пестума, туманного Пестума, отцвели» (XIV 1); в «Speak, Memory» – «They are passing, posthaste, posthaste, the gliding years – to use a soulrending Horatian inflection. <...> the roses of Paestum, of misty Paestum, are gone» (XV 1). В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, которым вполне мог пользоваться Набоков, дается такая статья к слову «Пестум (Paestum)»: «первоначально Посидония (Poseidōnia) – сибарийская колония, основанная в VI в. до Р. Хр. на западном берегу Лукании. <...> единственное, чем он был известен в позднейшее время, – розы, в обилии покрывавшие его окрестности». Ср.: Страбон. География, V 4, 13. По всей видимости, Набоков, подыскивая похоже звучащее слово для замены имени друга Горация, натолкнулся на информацию о розах, которой и не преминул воспользоваться. Любопытна латинская фраза и ее перевод в 18-й гл. второй части «Лолиты»: «o lente currete, noctis equi – о тихо бегите, ночные драконы» (букв.: «кони»). В английском тексте – «O softly run, nightmares! – О, мягко бегите, ночные кошмары» (обычная для Набокова игра слов: англ. *mare* «кобыла»).

Гораций и Пушкин. Два великих поэта, два знаменитых «Памятника»! Не им ли бросает вызов Владимир Маяковский в своей поэме «Во весь голос»? «Мой стих / трудом / громаду лет прорвет / и явится / весомо, / грубо, / зримо, / как в наши дни / вошел водопровод, / сработанный / еще рабами Рима». В самом деле, римский акведук неплохо смотрится на фоне египетских пирамид и Александровской колонны!

Однако всегда ли непогрешим Пушкин? В «Сценах из рыцарских времен» читаем: «Полон чистою любовью, / Верен сладостной мечте, / А. М. D. своею кровью / Начертал он на щите <...> / *Lumen coelum, sancta rosa* / Восклидал он, дик и рыян <...>». В стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный» Пушкин расшифровывает аббревиатуру А. М. D. (*Ave, Mater Dei* – радуйся, Матерь Божья), но ошибку в словосочетании *lumen coelum* не исправляет (букв.: «свет небо»). В Литаниях Пресвятой Богородицы у католиков Дева Мария называется «*Rosa mystica* – Мистическая роза». Отметим, что МР ΘΥ (т.е. *Mētēr Theou*, т.е. «Матерь Божья»), греческая аббревиатура, аналог последних двух букв латинской, встречающаяся на всех православных иконах, где изображена Богородица. На нимбе же Христа обычно сверху пишут церковнославянскую букву «он», слева – «от», справа – «наш». Эти буквы соответствуют греческим «омикрон», «омега», «ню», т.е. *ho* (артиклъ) *dp* «сущий» (отсюда *онтология* – наука о бытии). Вспомним, как именует Себя Бог в книге «Исход» (3:14): «*Ego sum qui sum* – Азь есмь сый (сущий)». Будучи слегка преобразованной, эта фраза превратится в название сборника стихов В.Я. Брюсова «*Me eum esse*» «Это – я», представляющее собой латинский эквивалент английскому *objective with the infinitive* (или *complex object*). Название это вызывает ассоциации с автобиографией Рокуэлла Кента «*It's me o Lord*» и романом Эдуарда Лимонова «Это я, Эдичка».

Вернемся к ляпсусам... Красочные ошибки в греческом и латыни, которые А.П. Чехов заставляет допускать своих героев, придают особый колорит его произведениям. В рассказе «Жизнь в вопросах и восклицаниях» мы читаем: «*Омпочество*. <...> Как будет превосходная степень от *facilis*? *Facilissimus*? Врете!» *Facilis* означает «легкий, нетрудный» (тот же корень, что в словах англ. *difficult*, рус. *факт, инфекция, дефект, факсимиле* и т.д.). Кстати, прилагательное *simile* «похожее», входящее в состав последнего примера, будет образовывать превосходную степень тоже при помощи суффикса *lim*. В рассказе «Архиерей» (I) упоминается «пучок березовых розг, а под ним надпись на латинском языке, совершенно бессмысленная, – *Betula kinderbalsamica secuta*». В примечании к этому месту сказано: «Набор разноязычных слов, означающий примерно: лечебная детская секущая береза». Из рассказа «Случай с классиком» узнаем, что Ваня Оттепелев получил двойку на экзамене по греческому языку, так как допустил ряд ошибок. Он, в частности, образовывая будущее время от глагола *pherō* «несу», сказал вместо *oisomai* «принесу» *op-*

somai «увижу», т.е. образовал будущее время от глагола *horaō* «вижу». Заметим, что корень, представленный в слове *pherō*, присутствует в таких словах, как *Христофор*, *Люцифер*, *семафор*, *светофор*, а также рус. *беру*, нем. *gebären* «рождать», англ. *bear* «носить» и т.д. Однако одним из самых известных ляпсусов в истории перевода является фраза из «Вульгаты»: «И не знал Моисей, что рогатым было лицо его (<...> *et ignorabat <Mouſeū> quod cornuta esset facies sua*)» (Исх. 34:29). Ошибка переводчика «Вульгаты» Иеронима объясняется тем, что глагол *qrn* в породе Qal имел значение «испускать лучи», а в породе Hif'il – «иметь рога». В античной традиции рог рассматривался как символ могущества и власти. Овидий, например, упоминает речного бога Ахелоя, которому Геркулес сломал рога и лишил его этим силы (Любовные элегии, III 6, 35–36). Климент Александрийский пишет об Александре Македонском, что тот «желал казаться сыном Аммона и быть вылепленным скульпторами рогоносным, хлопоча о том, чтобы обезобразить прекрасное лицо человека рогом» (Увещание к язычникам, 4, 54, 2). Перевод Иеронима был признан католической церковью каноничным, в результате чего Микеланджело ничтоже сумняшеся изваял своего Моисея с двумя небольшими рожками на голове (речь идет о статуе для гробницы папы Юлия II. Эта статуя была создана между 1515–1516 гг.; она находится в Риме в церкви Сан Пьетро ин Винколи).

В качестве еще одного примера греко-латинских ассоциаций в отечественной и зарубежной литературе рассмотрим использование античных образов в новозаветных текстах, переведенных практически на все языки мира и оказавших огромное влияние на европейскую литературу. Ср., например, латинские библейские цитаты («et ait illis <Iesus>: videbam Satanā sicut fulgur de caelo cadentem», Lc. 10:18; «princeps potestatis aeris», Eph. 2:2) и фрагмент из Milton's *Paradise Lost*: «<...> Jesus, Son of Mary, second Eve, / Saw Satan fall like lightning down from Heav'n, / Prince of the air <...>» (Book 10) и т.д. В современном издании Нового Завета указываются следующие античные цитаты: «ибо мы Его род (τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν [у Арата – εἰμέν])» (Деян. 17:28 – Арат. Феномены, 5); «критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые (Κρίτες ἀεὶ ψεύδοι, καὶ θηρία, γαστέρες ἀργαί)» (Тит. 1:12 – Эпименид. Об оракулах. Фрагмент 1, ср.: Каллимах. Гимны, I 8); «трудно тебе идти против рожна (σκληρόν σοι πρὸς κέντρα λακτίζειν)» (Деян. 26:14 – Еврипид. Вакханки, 794–795: «я, пожалуй, лучше принесу ему жертву, чем, злобств-

вужа, пойду, смертный, против рожна (θύοιμ' ἂν αὐτῷ μᾶλλον ἢ θυμούμενος / πρὸς κέντρα λακτίζοιμι θνητὸς ὢν θεῷ)», – слова Диониса, обращенные к Пенфею); «вымытая свинья <идет> валяться в грязь (ὅς λουσαμένη εἰς κυλισμὸν βορβόρου)» (2 Петр. 2:22 – Гераклит. Фрагмент 13); «худые сообщества развращают добрые нравы (φθειροῦσιν ἥθη χρηστὰ [у Менандра – χρήσθ'] ὁμιλίας κακαί)» (1 Кор. 15:33 – Менандр. Фаида, фр. 157 [187]; ср. Еврипид. Фрагмент 1024); μακάριόν ἐστιν μᾶλλον διδόναι ἢ λαμβάνειν (Деян. 20:35 – Фукидид. История, II 97, 4 [у Фукидида – λαμβάνειν μᾶλλον ἢ διδόναι]) [10. С. 775]. Однако при внимательном чтении можно выделить достаточно много других «языческих» заимствований в Библии. Сложно сказать, имеем ли мы дело с умышленным использованием апостолами «домостроительства ради» примеров, хорошо знакомых эллинизированным жителям Римской империи, или перед нами образцы интертекстуальных вкраплений, обязанных своим появлением в новозаветном корпусе неосознанному обращению христиан к литературному наследию классической древности.

1) Интересную параллель словам Христа «когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит. Тогда говорит: “возвращусь в дом мой, откуда я вышел”. И, придя, находит его незащитным, выметенным и убранным. Тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12:43–45) находим в платоновском «Государстве»: «<...> затем другие вождения, родственные изгнанным, потихоньку развиваясь вследствие неумелости отца как воспитателя, становятся многочисленными и сильными. <...> В конце концов они, заметив, что акрополь его души пуст, захватывают его у юноши, ибо нет там ни знаний, ни хороших навыков, ни правдивых речей — всех этих лучших защитников и стражей рассудка людей, любезных богам» (Plat. Resp. VIII 560 b, пер. А.Н. Егунова).

2) Словам Медеи из «Метаморфоз» Овидия: «но против воли гнетет меня новая сила. Желаю / Я одного, но другое твердит мне мой разум. Благое / Вижу, хвалю, но к дурному влекусь <...> (sed trahit invitam nova vis, aliudque cupido, / mens aliud suadet: video meliora proboque, / deteriora sequor)» (VII 19–21, пер. С. Шервинского) обнаруживаем соответствие в Послании к римлянам. Апостол Павел пишет: «Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан

греху. Ибо не понимаю, что делаю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (7:14–15).

3) «Самое мудрое – это время, ибо оно всё открывает (σοφώτατον χρόνος, ἀνεύρισκεῖ γὰρ πάντα)» (Фалес. Свидетельства. Фрагмент 1; ср. Менандр. Фрагмент 336 [502]: «скрыть правду невозможно – так уж водится», пер. О. Смыки) – «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Лк. 8:17, ср. Мф. 10:26; Мк. 4:22; Лк. 12:2).

4) Любопытно, что словам пророка Исая (6:9–10), цитируемым в Мф. 13:14–15, находится параллель в трагедии Эсхила. Заглавный герой в «Прикованном Прометее» говорит: «Смотрели раньше люди и не видели, / И слышали, не слыша (οἱ πρότε μὲν βλέποντες ἔβλεπον μᾶτην, κλύοντες οὐκ ᾔκουον)» (447–448) (Пер. А.И. Пиотровского).

Созданное Александром Македонским «единое информационное пространство» от Египта до Индии, сохранившееся после распада его империи, позволило различным народам приобщаться к духовным и материальным ценностям друг друга.

Кроме рассмотрения связей между культурами одной и той же (эллинистической) эпохи и культурами разных эпох, на лекциях по древним языкам и культурам представляется целесообразным демонстрировать родство между собой языков одной языковой семьи (параллели: гоголевский Вий, бог восточных славян Вей, иранский бог ветра и смерти Вайю, осетинские *Вайюги*) и изосемантические ряды в языках разных семей. Например, существование ряда «светлый» > «желтый, зеленый» подтверждают, с одной стороны, др.-ирл. *gel* «белый» [8. S. 147], греч. *χλωρός* «светло-зеленый», «желтоватый», рус. *зеленый*, восходящие к и.-е. **ǵhel-/ǵhlō*, имевшему, вероятно, не только значение «блестеть, сверкать (*glänzen, schimmern*)» [11. S. 429], но и «светлый»; с другой стороны, евр. корень *uṛq*, имеющий соответствия в других семитских языках со значениями «быть бледным», «желтый», «зеленый», «листва», «цвета золы, пепла», «темновато-белый (*dusky-white*)» (о верблюде), «серебряная монета», «золото» [7. P. 438]. Мы видим, что во всех этих случаях одно из значений рассматриваемых слов либо «белый», либо «светлый» – реликт первоначального, ставшего не основным, значения корня. Дело в том, что к желтому и зеленому цветам, занимающим среднее положение между красной (теплой) и фиолетовой (холодной) частями спектра, воспринимаемыми как более темные, глаз чувствительнее. «Кривая видности среднего нормального глаза при дневном

зрении <...> имеет максимум в желто-зеленой части спектра при λ (длине волны) = 555 нм, условно принимаемый за единицу» [4. С. 140]. Еще одним любопытным примером служит изосемантический ряд «облако» > «небо». С одной стороны, имеем рус. *небо* (однокоренные греч. *νεφέλη* и *νέφος* со значением «облако, туча»; лат. *nebula* «туман»; нем. *Nebel* «туман, мгла»), с другой – евр. *šəḥāqīm* «облако», которое в книге Иова (37:18, ср.: Пс. 89:7 и 38) употребляется в значении «небо, небеса». Отметим, что в переводе на иврит первой книги овидиевских «Метаморфоз», выполненном в начале XX в., слово *caelum* (*Ovid. Met. I 5*) переводится формой *schechaqīm*.

Синтетические латинский и греческий языки и созданная на них литература призваны помочь склеить воедино картину мира, которая, как пазлы, рассыпается на бесчисленное множество фрагментов в наш аналитический век.

Литература

1. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1991.
2. *Лев Диакон*. История. М., 1988.
3. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998.
4. *Сивухин Д.В.* Общий курс физики. Оптика. М., 1980.
5. *Тантлевский И.Р.* Введение в Пятикнижие. М., 2000.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003. Т. 3.
7. *Brown F.* The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon. Peabody, Mass.: Hendrickson publishers, 1999.
8. *Curtius G.* Grundzüge der griechische Etymologie. 5. Aufl. Leipzig, 1879. S. 202; ср.: *Pedersen H.* Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1909. Bd. 1.
9. Die Bibel nach der Uebersetzung Martin Luthers. Stuttgart, 1985.
10. *Novum Testamentum Graece et Latine / Textum Graecum post E. Nestle et E. Nestle communiter ediderunt Kurt Aland etc.* Stuttgart, 1987.
11. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München: Francke Verlag, 1959. Bd. I.
12. The Holy Bible in the King James Version. Nashville, 1984.

СУБСТАНТИВНАЯ СИНЛЕКСИКА В РУССКОЙ И ЛАТИНСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Т.В. Вяничева

Сибирский государственный медицинский университет

В последние десятилетия (начиная с 1970-х гг.) одним из актуальных и активно развивающихся направлений современной русистики в рамках Томской лингвистической школы является так называемая **синлексикология** – относительно новый раздел лексикологии, объектом рассмотрения которого является так называемая **синлексика** (термин Г.И. Климовской) – весьма многочисленный и разнообразный по частеречной принадлежности пласт составных номинативных единиц русского языка.

Синлексы – это композитивные (раздельнооформленные), устойчивые по составу и порядку следования лексических элементов воспроизводимые единицы номинативного состава языка, характеризующиеся функциональной и семантической цельностью и экспрессивно-стилистической нейтральностью и по выполняемой «чисто» номинативной функции по отношению к одному отдельному факту объективной действительности являющиеся эквивалентами одного слова.

Одной из функционально-стилевых и семантических разновидностей синлексов являются **составные термины**. «Специфика их заключается, во-первых, в том, что они легко опознаются и носителями языка и тем более прямыми адресатами научных текстов – исследователями, так как за ними стоят повышено изолированные и суверенные факты номинации, границы которых и их релевантность по отношению к другим фактам того же рода выявлены и очерчены научным мышлением. С другой стороны, отвечая потребностям расчлененной номинации, научные составные термины обладают, как правило, высокой мотивированностью обоих составляющих элементов, что несколько ослабляет степень их отдельности от свободных словосочетаний. Итак, составные термины обладают, по сравнению с синлексами других семантических типов, большей смысловой ясностью, отчетливостью внутренней формы, почти очевидной свя-

зью их общего цельного значения со значением их семантических элементов» [1. С. 201].

Тот способ образования номинативных единиц, с помощью которого создаются синлексы, представляет собой семантическую конденсацию лексосочетаний при сохранении грамматической и графической раздельнооформленности и может быть назван термином **синлексикализация**.

Синлексикализация является древнейшим, очень продуктивным и не заменимым другими способом образования новых средств номинации. Синлексика представляет собой одну из языковых универсалий, свойственных всем развитым индоевропейским языкам, как современным (английский, немецкий, французский), так и древним (латинский, древнегреческий, старославянский).

В латинском языке имеется значительный синлексический слой, представленный единицами различной функционально-семантической природы, пока еще не получивший целостного научного описания.

Данная статья посвящена сопоставительному анализу латинских и русских синлексов – медицинских терминов.

Медицинская терминология представляет собой комплекс терминологий большого числа медицинских дисциплин, традиционно изучаемый по трем разделам: (1) анатомическая и гистологическая номенклатура, включающая преимущественно термины трех основных разделов анатомии: остеологии, миологии и спланхнологии; (2) клиническая терминология, включающая термины различных специальностей: терапии, хирургии, акушерства и гинекологии, неврологии, офтальмологии, психиатрии и др., в число которых входят названия болезней, патологических состояний, синдромов и симптомов, операций, методов обследования и лечения, а также названия различных приборов и инструментов, применяемых в медицине; (3) фармацевтическая терминология, включающая названия лекарственных форм, лекарственных средств, химическую номенклатуру на латинском языке, названия лекарственных растений и их частей.

В разделе **анатомической терминологии** широко представлены как однословные, так и составные термины. При сопоставлении русских и латинских анатомических терминов можно выделить три типа соответствий между ними:

1. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС.

1.1. Структурно идентичные синлексы:

1.1.1. Наиболее многочисленны субстантив-адъективные синлексы (единственным отличием русского и латинского синлексов является порядок слов: в русском языке прилагательное препозитивно, а в латинском постпозитивно): *vesīca fellea* – желчный пузырь, *vesīca urīnaria* – мочевой пузырь, *ductus choledōchus* – желчный проток, *nodus lymphaticus* – лимфатический узел, *tuba auditīva* – слуховая труба, *glandūla thyreoidea* – щитовидная железа, *saccus lacrimālis* – слезный мешок, *sulcus palatīnus* – небная борозда, *processus styloideus* – шиловидный отросток, *substantia compacta* – плотное вещество, *columna vertebrālis* – позвоночный столб, *pelvis renālis* – почечная лоханка, *medulla spinālis* – спинной мозг, *nervus vagus* – блуждающий нерв, *velum palatīnum* – небная занавеска, *digītus anulāris* – безымянный палец, *textus osseus* – костная ткань, *linea alba* – белая линия, *corpus luteum* – желтое тело, *tractus gastrointestinālis* – желудочно-кишечный тракт, *liquor cerebrospinālis* – спинномозговая жидкость, *intestīnum tenue* – тонкая кишка, *intestīnum crassum* – толстая кишка и т.п.

1.1.2. Субстантив-субстантивные синлексы: *collum costae* – шейка ребра, *vincūla tendīnum* – связки сухожилий, *manubrium sterni* – рукоятка грудины, *cavum cranii* – полость черепа, *basis cranii* – основание черепа, *cervix utēri* – шейка матки, *cruces pilōrum* – перекрест волос, *fundus ventricūli* – дно желудка, *arcus vertebrae* – дуга позвонка, *spina scapūlae* – гребень лопатки и т.п.

1.2. Структурно не совпадающие синлексы:

1.2.1. Латинскому субстантив-субстантивному синлексу соответствует русский субстантив-адъективный: *medulla ossium* – костный мозг, *bulbus oculi* – глазное яблоко, *vena portae* – воротная вена, *os ischii* – седалищная кость, *os coxae* – тазовая кость, *os pubis* – лобковая кость, *os femōris* – бедренная кость, *fossa cranii* – черепная ямка, *arcus pubis* – лобковая дуга, *crista galli* – петушиный гребень, *meātus nasi* – носовой ход, *cavum tympani* – барабанная полость, *chorda tympani* – барабанная струна, *cavum oris* – ротовая полость, *pulpa dentis* – зубная мякоть, *systema nervōrum centrāle* – центральная нервная система, *linea nuchae suprēma* – наивысшая выйная линия и т.п.

1.2.2. Примеры обратного соотношения (латинскому субстантив-адъективному синлексу соответствует русский субстантив-субстантивный) единичны: *dens serotīnus* – зуб мудрости.

2. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ

ТЕРМИН: *thorax* – грудная клетка, *maxilla* – верхняя челюсть, *mandibula* – нижняя челюсть, *radius* – лучевая кость, *fibula* – малоберцовая кость, *tibia* – большеберцовая кость, *calcaneus* – пяточная кость, *humerus* – плечевая кость, *ulna* – локтевая кость, *talus* – таранная кость, *mamma* – молочная железа, *prostata* – предстательная железа, *pancreas* – поджелудочная железа, *parotis* – околоушная железа, *thymus* – вилочковая железа, *urethra* – мочеиспускательный канал, *anus* – задний проход, *ganglion* – нервный узел, *olecranon* – локтевой отросток, *acromion* – плечевой отросток, *calvaria* – крыша черепа, *hallux* – большой палец стопы, *pollex* – большой палец кисти, *index* – указательный палец, *auricula* – ушная раковина, *hymen* – девственная плева, *myocardium* – сердечная мышца, *acetabulum* – вертлужная впадина, *patella* – коленная чашка, *thalamus* – зрительный бугор, *zygoma* – скуловая дуга, *glottis* – голосовая щель, *varix* – венозный узел и т.п. В латинском языке многие наименования кишок и оболочек представляют собой субстантивированные прилагательные, в русском языке им соответствуют субстантив-адъективные синлексы: *colon* – ободочная кишка, *ileum* – подвздошная кишка, *caecum* – слепая кишка, *jejunum* – тощая кишка, *duodenum* – двенадцатиперстная кишка, *rectum* – прямая кишка; *conjunctiva* – соединительная оболочка глаза, *decidua* – отпадающая оболочка и т.п.

3. РУССКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС (такие примеры немногочисленны): *atrium cordis* – предсердие (букв.: «преддверие сердца»), *dens caninus* – клык (букв.: «собачий зуб»), *dens incisivus* – резец, *digitus minimus* – мизинец, *spatia intercostalia* – межреберье, *orbita oculi* – глазница, *os coxae* – копчик, *mons pubis* – лобок, *os sacrum* – крестец, *glandula suprarenalis* – надпочечник и т.п.

Большинство латинских **клинических терминов** представляют собой сложные слова, искусственно созданные по стандартным словообразовательным моделям из морфем преимущественно греческого происхождения, называемых терминоэлементами. Они подразделяются на префиксы, суффиксы, начальные и конечные корневые терминоэлементы, обладающие типовым терминологическим значением: *-itis* – «воспаление», *-oma* – «опухоль», *-osis* – «дегенеративное заболевание невоспалительного характера»; *a-* – «отсутствие, отрицание», *dys-* – «расстройство, нарушение», *hypo-* – «ниже нормы»,

hyper- – «выше нормы»; *-logia* – «наука, раздел научной дисциплины», *-scopia* – «инструментальный осмотр», *-tomia* – «рассечение», *-ectasia* – «расширение»; *chol-* – «желчь», *haem(at)-* – «кровь», *ger(ont)-* – «старик», *bary-* – «тяжелый» и т.п. В русской медицинской терминологии латинским сложным словам соответствуют интернациональные однословные транслитерированные термины и их русские составные эквиваленты, употребляемые в качестве терминологических синонимов: *colītis* – *колит* – *воспаление толстой кишки*, *pharyngītis* – *фарингит* – *воспаление глотки*, *myōma* – *миома* – *мышечная опухоль*, *adenōma* – *аденома* – *опухоль из железистого эпителия*, *claustrophobia* – *клаустрофобия* – *боязнь замкнутого пространства*, *haemostāsis* – *гемостаз* – *остановка тока крови*, *lymphostāsis* – *лимфостаз* – *застой лимфы*, *hypertensio* – *гипертензия* – *повышенное артериальное давление*, *amnesia* – *амнезия* – *потеря памяти*, *apnoë* – *апное* – *остановка дыхания*, *myocardium* – *миокард* – *сердечная мышца*, *pericardium* – *перикард* – *околосердечная сумка*, *metabolismus* – *метаболизм* – *обмен веществ*, *tachycardia* – *тахикардия* – *учащенное сердцебиение*, *dysenteria* – *дизентерия* – *расстройство кишечника*, *dyspepsia* – *диспепсия* – *расстройство пищеварения*, *hydrocephalia* – *гидроцефалия* – *водянка головного мозга* и т.п.

Наряду с терминами, созданными по стандартным словообразовательным моделям, в латинской терминологии употребляются и так называемые традиционные термины, например, названия воспалений, не содержащие суффикса *-ītis*: *pneumonia* – *воспаление легких*, *angīna* – *воспаление зева*.

Часть интернациональных терминов латинского происхождения известна большинству носителей русского языка и употребляется чаще, чем их собственно русские неоднословные эквиваленты, например: *гастрит*, *гепатит*, *энцефалит*, *артрит*, *артроз*, *остеохондроз*, *дистрофия*, *амнезия*, *дизентерия*, *дистрофия*, *шизофрения*, *неврастения*, *невралгия*, *геморрой* и т.п. Другая же часть транслитерированных терминов употребляется только в специальной медицинской литературе и известна только специалистам, а в качестве их общеупотребительных аналогов выступают русские синлексы: *cholelithiāsis* – *желчекаменная болезнь*, *urolithiāsis* – *мочекаменная болезнь*, *lithotomia* – *удаление камней*, *lithotripsia* – *дробление камней*, *onychorrhēxis* – *ломкость ногтей*, *nephroptōsis* – *опущение почки*, *angiospasmus* – *спазм сосудов*, *autopsia* – *вскрытие трупа*, *ectopia* – *врожденное смещение органа*, *anoxia* – *кислородное голодание*, *os-*

teomalacia – *размягчение костей*, bradykinesia – *замедленность движений*, cephalalgia – *головная боль*, odontalgia – *зубная боль*, glossoptōsis – *западение языка*, hypomnesia – *ослабление памяти*, asrocyanōsis – *синюшность конечностей*, hyperthermia – *перегревание организма*, pneumoconiōsis – *запыление легких*, palatoschisis (urano-schisis) – *небная расщелина*, osteotomia – *рассечение кости*, hyperaciditas – *повышенная кислотность*, xerodermia – *сухость кожи*, xerostomia – *сухость во рту*, thermoplegia – *тепловой удар (солнечный удар)*, hemiplegia – *односторонний паралич*, cardioplegia – *паралич сердца*, aphonia – *потеря голоса*, syndactylia – *сращение пальцев*, monophobia – *боязнь одиночества*, aërophobia – *боязнь сквозняков* и т.п.

Наряду с однословными сложносоставными терминами, сконструированными из терминоэлементов греческого происхождения, в латинской медицинской терминологии в ряде случаев параллельно используются неоднословные термины, построенные на базе исконно латинской лексики. Таким терминам в русском языке также соответствуют синлексы: cardiorrhēxis = ruptūra cordis – *разрыв сердца*, hysterorrhēxis = ruptūra utēri – *разрыв матки*, enterolithus = concrementum intestināle – *кишечный камень*, rhinolithus = concrementum nasāle – *носовой камень*, nephrolithus = concrementum renāle – *почечный камень*, phlebolithus = concrementum venōsum – *венный камень*, odontolithus = tartārus dentium = calcūlus dentālis – *зубной камень*, dacryolithus = calcūlus lacrimālis – *слезный камень*, gastrospasmus = spasmus ventricūli – *судорога желудка*, megalomania = mania grandīosa – *мания величия*, anischuria = incontinentia urīnae – *недержание мочи*, hysteroptōsis = metropōsis = descensus utēri – *опущение матки*, colpoptōsis = descensus vagīnae – *опущение влагалища*, mastectomia = amputatio mammae – *удаление молочной железы*, hysterectomia = exstirpatio utēri – *удаление матки* и т.п.

Некоторые клинические понятия (названия разновидностей заболеваний, их симптомов, микроорганизмов – возбудителей заболеваний, методов обследования и лечения и т.д.) выражаются и в латинской и в русской терминологии только синлексами, так как они в силу своей расчлененности наиболее подходят для конкретизации названий заболеваний и других понятий.

В клинической терминологии, как и в анатомической, можно выделить три типа соотношений между латинскими и русскими терминами:

1. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС.

1.1. Структурно идентичные синлексы:

1.1.1. Субстантив-адъективные синлексы: *pneumonia croupōsa* – *крупозная пневмония*, *pneumonia focālis (lobulāris)* – *очаговая пневмония*, *asthma bronchiāle* – *бронхиальная астма*, *insufficiētia renālis acūta* – *острая почечная недостаточность*, *herpes tonsūrans* – *стригущий лишай*, *bacillus dysentericus* – *дизентерийная палочка*, *exitus letālis* – *смертельный исход*, *facies Hippocratīca* – *гиппократово лицо* (лицо умирающего), *paralýsis infantilis cerebrālis* – *детский церебральный паралич*, *abortus criminālis* – *криминальный аборт*, *fremitus vocālis* – *голосовое дрожание*, *corpus aliēnum* – *инородное тело*, *labōres parturientes* – *родовые схватки*, *lupus erythematōsus* – *красная волчанка*, *diabētes mellitus* – *сахарный диабет*, *diabētes insipidus* – *несахарный диабет*, *variōla vera* – *натуральная оспа*, *periōdus incubatīva* – *инкубационный период*, *neuralgia intercostālis* – *межреберная невралгия*, *dystonia vegetovasculōsa* – *вегетососудистая дистония*, *embolia adipōsa* – *жировая эмболия*, *paralýsis progressīva* – *прогрессивный паралич*, *sclerōsis dissemināta* – *рассеянный склероз*, *sectio caesarea* – *кесарево сечение*, *delirium tremens* – *белая горячка* и т.п.

1.1.2. Субстантив-субстантивные синлексы: *transfusio sanguinis* – *переливание крови*, *commotio cerebri* – *сотрясение мозга*, *vitium cordis* – *порок сердца*, *tuberculōsis pulmōnum* – *туберкулез легких*, *oedēma pulmōnum* – *отек легких*, *emphysēma pulmōnum* – *эмфизема легких*, *ulcus ventriculī* – *язва желудка*, *perforatio ulcēris* – *прободение язвы*, *retroflexio utēri* – *загиб матки*, *prolapsus utēri* – *выпадение матки* = *пролапс*, *infarctus myocardiī* – *инфаркт миокарда*, *Iersinia pestis* – *возбудитель чумы*, *sclerōsis vasōrum cerebri* – *склероз сосудов головного мозга*, *causa mortis* – *причина смерти*, *decursus morbi* – *течение болезни*, *cirrōsis hepātis* – *цирроз печени*, *implantatio dentis* – *вживление (имплантация) зуба*, *replantatio digiti* – *приживление (реплантация) пальца*, *erosio cervicis utēri* – *эрозия шейки матки*, *trepanatio cranii* – *трепанация черепа*, *transplantatio cordis (renis, ...)* – *пересадка сердца (почки, ...)*, *hydrops gravidārum* – *водянка беременных* и т.п.

1.1.3. Смешанные трехкомпонентные синлексы: *syndrōmum arteriae anonýmae* – *синдром безымянной артерии*, *morbus cordis ischaemicus* – *ишемическая болезнь сердца*, *dyskinesia ductuum biliferōrum* – *дискинезия желчевыводящих путей*, *paralýsis nervi faciālis* – *паралич лицевого нерва* и т.п.

1.2. Структурно не совпадающие синлексы: *herpes zoster* – опоясывающий лишай, *insufficiētia cordis* – сердечная недостаточность, *restitutio cum defectu* – неполное выздоровление, *praesentatio capitis* – головное предлежание, *encephalitis acarinarum* – клещевой энцефалит, *otitis media* – воспаление среднего уха, *syndrōmum abstinentiae* – похмельный синдром и т.п.

К этой группе синлексов относятся многие названия микроорганизмов, возбудителей заболеваний: *escherichia coli* – кишечная палочка, *salmonella typhi* – тифозная палочка, *clostridium tetani* – столбнячная палочка, *vibrio cholerae asiaticae* – холерный вибрион и т.п.

2. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН: *abrasio* – крошение зубов, *ascites* – брюшная водянка, *parēsis* – неполный паралич, *volvulus* – заворот кишок, *naevus* – родимое пятно, *placenta* – детское место, *pollinosis* – сенная лихорадка, *varicella* – ветряная оспа, *ileus* – непроходимость кишечника, *indigestio* – несварение пищи, *anthrax* – сибирская язва, *streptomycetes* – лучистый гриб, *saccharomycetes* – дрожжевой гриб, *penicillium* – плесневый гриб и т.п.

3. РУССКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС: *caries dentium* – кариес, *apthae epizooticae* – ящур, *abortus spontaneus* – выкидыш, *circulatio sanguinis* – кровообращение.

В фармацевтической терминологии можно выделить 4 большие тематические группы терминов: (1) названия лекарственных форм; (2) названия лекарственных растений; (3) названия лекарственных средств; (4) медицинская химическая номенклатура. Рассмотрим каждую из этих групп.

I. НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ФОРМ.

1. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС.

1.1. Структурно идентичные синлексы: *lamella (membranula)* *ophthalmica* – глазная пленка, *guttae ophthalmicae* – глазные капли, *charta cerata* – воощенная бумага, *emulsum oleosum* – масляная эмульсия, *emulsum seminale* – семенная эмульсия, *remedium abstringens* – вяжущее средство, *capsula gelatinosa* – желатиновая капсула, *suppositorium vaginale* – вагинальная свеча, *suppositorium rectale* – ректальная свеча, *tinctura aquosa* – водная настойка, *emplastrum bactericidum* – бактерицидный пластырь, *extractum fluidum* – жидкий экстракт, *tabletae enterosolubiles* – кишечнорастворимые таблетки, *tabletae linguales* – язычные таблетки и т.п.

1.2. Структурно не совпадающие синлексы: *remedium corrigens* – *лекарство, исправляющее вкус*, *guttae naristillae* – *капли для носа*, *emplastrum ad clavos* – *мозольный пластырь*, *tabulettae obductae* – *таблетки, покрытые оболочкой*, *tabulettae sublinguales* – *таблетки под язык*, *massa pilularum* – *пилюльная масса* и т.п.

2. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН: *butyrum* – *твердое масло*, *oculentum* – *глазная мазь*, *nasoguttae* – *капли для носа*, *oculoguttae* – *глазные капли*, *otoguttae* – *ушные капли*, *auristilla* – *ушные капли*, *collyrium* – *глазная примочка*, *collutorium* – *промывание для рта*.

3. РУССКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС: *charta sinapiŋa* – *горчичник*.

II. НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ.

В латинском языке существуют параллельно употребляемые частично или полностью различающиеся наименования одного и того же растения, используемые в ботанике, с одной стороны, и в фармакогнозии и номенклатуре лекарственных средств – с другой. В биологии принят биномиальный (бинарный) принцип названия растений. «Согласно ему, название вида является биномиальным (двуименным), поскольку оно состоит из двух слов: названия рода, к которому принадлежит вид, и следующего за ним видового эпитета» [2. С. 111]. Например: *Artemisia absinthium* – *полынь горькая*, *Achillea millefolium* – *тысячелистник обыкновенный*, *Ascorus calamus* – *аир болотный*, *Allium cepa* – *лук репчатый*, *Atropa belladonna* – *красавка-белладонна*, *Betula alba* – *береза белая*, *Capsella bursa-pastoris* – *пастушья сумка*, *Datura stramonium* – *дурман обыкновенный*, *Dryopteris filix-mas* – *папоротник мужской*, *Hypericum perforatum* – *зверобой продырявленный*, *Matricaria chamomilla* – *ромашка аптечная*, *strychnos nux-vomica* – *чилибуха (рвотный орех)*, *Urtica dioica* – *крапива двудомная*, *zea mays* – *кукуруза (маис)* и т.п.

В фармакогнозии же часто используются сокращенные наименования растений:

1) только родовое наименование без видового эпитета (если лечебный эффект имеет только один вид данного рода или если применяемые 2–3 вида, принадлежащие к одному и тому же роду, обладают одинаковыми лечебными свойствами): *Calendula officinalis* (бот.) – *Calendula* (фарм.) – *календула (ноготки)*, *Ephedra equisetina* (бот.) – *Ephedra* (фарм.) – *хвойник (эфедра)*, *Leonurus cardiaca* (бот.) – *Leonurus* (фарм.) – *пустырник* и т.п.;

2) только видовой эпитет без родового наименования (если он выражен именем существительным и если несколько видов, принадлежащих к одному и тому же роду, оказывают различное лечебное действие): *Artemisia absinthium* (бот.) – *Absinthium* (фарм.) – *полынь горькая*, *Atropa belladonna* (бот.) – *Belladonna* (фарм.) – *красавка* и т.п.

Если же видовой эпитет выражен прилагательным, то в фармакогнозии используется полное ботаническое название растения: *Mentha piperita* – *мята перечная* и др.

В настоящей статье мы рассмотрим соотношение латинских и русских названий растений, применяемых в фармакогнозии.

1. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС.

1.1. *Структурно идентичные синлексы*: *Mentha piperita* – *мята перечная*, *Filix mas* – *мужской папоротник*, *Nux vomica* – *рвотный орех*, *Aronia melanocarpa* – *черноплодная рябина*, *Trifolium fibrinum* – *водяной трилистник*, *Ribes nigrum* – *черная смородина*, *Arachis hypogaea* – *земляной орех*, *Viburnum opulus* – *калина обыкновенная*, *Rumex confertus* – *щавель конский*, *Sambucus nigra* – *черная бузина*, *Abies sibirica* – *сибирская пихта*, *Rhodiola rosea* – *родиола розовая*, *Convallaria majalis* – *майский ландыш*, *Schizandra chinensis* – *лимонник китайский*, *Adonis vernalis* – *горичец весенний*, *Helichrysum arenarium* – *бессмертник песчаный*, *Juglans regia* – *грецкий орех*, *Menyanthes trifoliata* – *вахта трехлистная*, *Padus racemosa* – *черемуха кистистая*, *Scilla maritima* – *морской лук*, *Rhamnus cathartica* – *жостер слабительный* и т.п.

Для многих синлексов из данной группы характерна ограниченная сочетаемость: *Ledum palustre* – *багульник болотный*, но *Gnaphalium uliginosum* – *сушеница топяная*; *Nuphar luteum* – *кубышка желтая* (в остальных случаях: *flavus*); *Erysimum canescens* – *желтушник серый* (в остальных случаях: *cinereus*); *Paraver somniferum* – *макснотворный* (в остальных случаях: *hypnoticus*).

1.2. *Структурно не совпадающие синлексы*: *Uva ursi* (букв.: «виноград медведя») – *медвежье ушко* / *толокнянка*; *Bursa pastoris* – *пастушья сумка*; *Polygnum hydropiper* – *водяной перец* / *горец перечный*; *Primula veris* – *весенний первоцвет*; *Theobroma cacao* – *шоколадное дерево* и т.п.

2. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН: *Foeniculum* – *аптечный укроп* / *фенхель*, *Saponaria* – *мыльный корень* / *мыльнянка*, *Capsicum* – *стручковый перец*, *Laminaria* – *морская капуста*, *Orthosiphon* – *почечный чай*.

3. РУССКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС: *Rubus idaeus* – малина, *Secāle cornūtum* (букв.: «рогатая рожь») – спорынья / маточные рожки, *Vitis idaea* – брусника, *Inūla helenium* – девясил, *Fragaria vesca* – земляника, *Nerium oleander* – олеандр, *Humūlus lupūlus* – хмель, *Allium sativum* – чеснок, *Daucus carōta* – морковь, *Polygōnum bistorta* – змеевик / змеиный горец, *Polygōnum aviculāre* – спорыш / птичий горец, *Solānum tuberōsum* – картофель, *Carum carvi* – тмин и т.п.

III. НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ.

1. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС.

1.1. Структурно идентичные синлексы: *gummi arabicum* – арабийская камедь, *Methylēnum coeruleum* – метиленовый синий, *adeps suillus* – свиное сало, *Viride nitens* (букв.: «зелень блестящая») – бриллиантовая зелень, *aqua purificāta* (букв.: «очищенная вода») – дистиллированная вода, *aqua aromatica* – ароматная вода, *bolus alba* – белая глина, *oleum camphoratum* – камфорное масло, *sapo medicinalis* – медицинское мыло, *gargarisma guttūris* – полоскание горла, *oleum cadipum* – можжевельниковый деготь, *sal carolinum factitium* – карловарская искусственная соль, *elixir pectorale* – грудной эликсир и т.п.

1.2. Структурно не совпадающие синлексы (латинскому субстантив-субстантивному синлексу соответствует русский субстантив-адъективный): *gummi Armeniācae* – абрикосовая камедь, *oleum Ricini* (букв.: «масло клещевины») – касторовое масло, *liquor Ammonii anisatus* – нашатырно-анисовые капли, *solutio Ammonii caustici* – нашатырный спирт, *unguentum Zinci* – цинковая мазь, *pasta Zinci* – цинковая паста, *oleum Anisi* – анисовое масло, *oleum Persicorum* – персиковое масло, *oleum Amygdalarum* – миндальное масло, *oleum Olivarum* – оливковое масло / прованское масло, *oleum Helianthi* – подсолнечное масло, *oleum Hyoscyami* – беленное масло, *aqua Amygdalarum amararum* – горькоминдальная вода, *oleum jecoris Aselli* (букв.: «масло печени трески») – рыбий жир, *sirupus Sacchari* – сахарный сироп, *guttae Menthae* – мятные капли, *aqua Menthae* – мятная вода, *amylum Tritici* – пшеничный крахмал, *amylum Orýzae* – рисовый крахмал, *emplastrum Plumbi* – свинцовый пластырь, *emplastrum Capsici* – перцовый пластырь, *tinctura Convallariae* – ландышевая настойка, *sirupus Althaeae* – алтейный сироп, *aqua Rosae* – розовая вода, *spiritus Vini* – винный спирт, *gemmae Betulae* – березовые почки, *stigmata Maýdis* – кукурузные рыльца и т.п.

2. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН: Tannoidum – *дубильное вещество*, vitellus – *яичный желток*, benzoë – *бензойная смола / росный ладан*.

3. РУССКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС: res rudes – *сырье*, oleum Terebinthinae (букв.: «масло живицы») – *скилидар*, pix liquida (букв.: «жидкая смола») – *деготь*.

IV. ХИМИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА.

1. РУССКИЙ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС.

1.1. Структурно идентичные синлексы.

1.1.1. Субстантив-адъективные синлексы (в основном это названия кислот, спиртов, растворов): Acidum citricum – *лимонная кислота*, Acidum formicum – *муравьиная кислота*, Acidum tartaricum – *винная кислота*, Acidum hydrochloricum – *соляная кислота*, Acidum hydrocyanicum – *синильная кислота*, Acidum hydrofluoricum – *плавиковая кислота*, Acidum lacticum – *молочная кислота*, Acidum oxalicum – *щавельная кислота*, Acidum butyricum – *масляная кислота*, Acidum succinicum – *янтарная кислота*, spiritus aethylicus – *этиловый спирт*, spiritus camphoratus – *камфорный спирт*, solutio isotonica – *изотонический раствор*, solutio oleosa – *масляный раствор*, solutio spirituosa – *спиртовой раствор*, Sulfur depuratum – *очищенная сера*, Ferrum romatum – *яблочнокислое железо* и т.п.

1.1.2. Субстантив-субстантивные синлексы (названия оксидов, пероксидов, гидроксидов и солей, образованные в соответствии с «международным» способом): Zincī oxīdum – *оксид (окись) цинка*, Hydrogenii peroxīdum – *пероксид (перекись) водорода*, Natrii sulfas – *сульфат натрия* и т.п.

1.2. Структурно не совпадающие синлексы. К данной группе относятся названия закисей, образуемые в латинском языке только «старым» способом, например: Ferrum oxydulatum (букв.: «железо закисное») – *закись железа* и т.п., а также, например: Ferrōsi sulfas – *сульфат закиси железа*, Acidum arsenicōsum anhydricum – *мышьяковистый ангидрид*.

2. РУССКИЙ ОДНОСЛОВНЫЙ ТЕРМИН – ЛАТИНСКИЙ СИНЛЕКС. К этой группе относятся названия эфиров, например: Amylii nitris – *амилнирит*, Chlorālī hydras – *хлоралгидрат* и т.п.

3. РУССКОЕ СЛОЖНОЕ СЛОВО ИЛИ СИНЛЕКС – ЛАТИНСКОЕ СЛОЖНОЕ СЛОВО. К этому типу относятся названия натриевых и калиевых солей, например: Laevorīnum-natrium –

леворина натриевая соль / леворин-натрий, Furaginum-kalium – фурагина калиевая соль / фурагин-калий и т.п.

Большинство синлексов – медицинских терминов, как и синлексов других лексико-семантических групп, как в русском, так и в латинском языке, представляют собой неметафорические сочетания. Но ряд синлексов, в особенности анатомических терминов, обнаруживают стертую, неактуализованную метафоричность, лежащую в основе их внутренней формы.

Например:

а) **анатомические термины:** *bulbus* (букв.: «луковица») *oculi* – *глазное яблоко*, *manubrium sterni* – *рукоятка грудины*, *columna vertebralis* – *позвоночный столб*, *crista galli* – *петушиный гребень*, *spina* (букв.: «остие, шип») *scapulae* – *гребень лопатки*, *velum palatinum* – *небная занавеска*, *tympanum* – *барабанная перепонка*, *chorda tympani* – *барабанная струна*, *calyces renales* – *почечные чашки*, *vermis cerebelli* – *червь мозжечка*, *calcar avis* – *птичья шпора*, *crus fasciculi Histi* – *ножка пучка Гиса*, *velum medullare* – *мозговой парус*, *petiolum epiglottidis* – *стебелек надгортанника*, *frenulum linguae* – *уздечка языка* и т.п.;

б) **клинические термины:** *caput Medusae* – *голова медузы*, *cor bovinum* – *бычье сердце*, *facies Basedovici* – *базедово лицо*, *facies Hippocratica* – *гиппократово лицо*, *angina pectoris* – *грудная жабa* и т.п.;

в) **названия лекарственных растений:** *Uva ursi* – *медвежье ушко*, *Bursa pastoris* – *пастушья сумка*, *stigmata Maïdis* – *кукурузные рыльца* и т.п.

Переносные значения, лежащие в основе данных терминов, лишены каких-либо экспрессивных оттенков и не воспринимаются носителями языка как образно-фигуральные, так как данные единицы употребляются в терминологическом значении и выполняют функцию «чистой», ничем не осложненной номинации.

В массиве субстантивных синлексов – медицинских терминов выделяется класс параметрических (групповых, или серийных) номинем, представляющих собой видовые компоненты в составе родовидовых блоков и имеющих в своем составе общий грамматически ведущий лексический элемент. Данные синлексы создают двучленные и многочленные парадигмы, которые могут совпадать в латинском и русском языках, но могут и не совпадать. Такие парадигмы представляют собой подобия словообразовательных гнезд, причиной

образования которых служит тенденция к созданию новых композитивных номинативных единиц по аналогии с уже имеющимися.

Примеры совпадающих двучленных парадигм: *vesīca fellea* – *желчный пузырь* / *vesīca urinaria* – *мочевой пузырь*; *dura mater* – *твердая мозговая оболочка* / *pia mater* – *мягкая мозговая оболочка*; *membrum inferius* – *нижняя конечность* / *membrum superius* – *верхняя конечность*; *tuba auditīva* – *слуховая труба* / *tuba uterīna* – *маточная труба*; *dosis therapeutīca* – *лечебная доза* / *dosis toxīca* – *ядовитая доза*; *suppositorium vagināle* – *вагинальная свеча* / *suppositorium rectāle* – *ректальная свеча*; *dolor animae* – *душевное страдание* / *dolor corpōris* – *физическое страдание* и т.п.

Пример несовпадающей двучленной парадигмы: *maxilla* – *верхняя челюсть* / *mandibūla* – *нижняя челюсть*.

Примеры многочленных парадигм:

1. В анатомической терминологии:

▪ *Vas lymphaticum (sanguineum, capillāris)* – *лимфатический (кровеносный) сосуд, капилляр*.

▪ *Medulla ossium (flava, rubra), medulla spinālis, medulla oblongāta* – *костный мозг (желтый, красный), спинной мозг, продолговатый мозг*.

▪ Названия позвонков: *vertebra thoracīca (lumbālis, cervicālis, sacralis)* – *грудной (поясничный, шейный, крестцовый) позвонок*.

▪ Названия костей: *os trapezium (frontāle, sacrum, sphenoidāle, scaphoideum, palatinum, hyoideum, occipitāle, coccygis, ilium, pisiforme, innominativum, lacrimāle, pubis, ...)* – *трапецевидная (лобная, крестцовая, клиновидная, ладьевидная, небная, подъязычная, затылочная, копчиковая, подвздошная, гороховидная, безымянная, слезная, лобковая, ...) кость*. В русском языке в данную парадигму входят такие названия костей, как *лучевая, малоберцовая, большеберцовая, пяточная, плечевая, локтевая, таранная кости*, которым в латинском языке соответствуют однословные термины.

▪ Названия зубов образуют в латинском языке многочленную парадигму, а в русском некоторым из них соответствуют однословные термины: *dens lacteus (deciduus, cadūcus, primarius)* – *молочный зуб*, *dens permanens* – *постоянный зуб*, *dens serotinus* – *зуб мудрости*, *dens caninus* – *клык*, *dens incisivus* – *резец*, *dens molāris* – *моляр (большой коренной зуб)*, *dens premolāris* – *премоляр (малый коренной зуб)*.

▪ Названия желез: *glandūla pineālis* (sudorifera, thyreoidea, sebacea, lacrimālis, sine ductibus, ...) – *шишковидная (потовая, щитовидная, сальная, слезная, эндокринная, ...)*. В латинскую парадигму входит также *glandūla suprarenālis* – *надпочечник*, а в русскую – *молочная, предстательная, поджелудочная, вилочковая железы*, названия которых в латинском языке являются однословными терминами.

▪ Названия пальцев: *digitus anulāris* (quartus) – *безымянный палец*, *digitus medius* (tertius) – *средний палец*. В латинскую парадигму входит также *digitus minimus* (quintus) – *мизинец*, а в русскую – *большой палец, указательный палец*, в латинском языке называемые однословными терминами.

▪ Названия оболочек: *tunīca musculāris* – *мышечная оболочка*, *tunīca fibrōsa* – *фиброзная оболочка*, *tunīca serōsa* – *серозная оболочка*, (*tunīca*) *mucōsa* – *слизистая (оболочка)* и т.п. Часть названий оболочек в одном из языков или в обоих являются однословными терминами: *iris* – *радужная оболочка глаза / радужка*, *cornea* – *роговая оболочка глаза / роговица*, *arachnoidea* – *паутинная оболочка мозга*, *conjunctīva* – *соединительная оболочка глаза / конъюнктива*, *retīna* – *сетчатая оболочка глаза / сетчатка*.

2. В клинической терминологии:

▪ *Typhus exanthematicus* – *сыпной тиф*, *typhus abdominālis* – *брюшной тиф*, *typhus recurrens* – *возвратный тиф* и т.п.

▪ *Febris continua* – *постоянная лихорадка*, *febris haemorrhagica* – *геморрагическая лихорадка*, *febris urticata* – *крапивная лихорадка*, *febris intermittens* – *перемежающаяся лихорадка*, *febris flava* – *желтая лихорадка* и т.п.

▪ *Injectio intravenōsa* – *внутривенная инъекция*, *injectio subcutanea* – *подкожная инъекция*, *injectio intramusculāris* – *внутримышечная инъекция*.

▪ *Vulnus punctum* (*incisum*, *laceratum*, *sclopetarium*, *caesum*, *purulentum*, ...) – *колотая (резаная, рваная, огнестрельная, рубленая, гнойная, ...) рана*.

▪ *Fractūra aperta* (*clausa*, *complicata*, *spirālis*, *impacta*, *intraarticulāris*, *oblīqua*, *marginālis*, *multiplex*, *comminūta*, *transversa*, *longitudinālis*, *conquassata*, ...) – *открытый (закрытый, осложненный, винтообразный, вколоченный, внутрисуставной, косой, краевой, множественный, оскольчатый, поперечный, продольный, раздробленный, ...) перелом*.

▪ *Praesentatio capitis* (occipitalis, genus, faciei, frontis, pedis, pelvis, natum, ...) – *предлежащее плода головное (затылочное, коленное, лицевое, лобное, ножное, тазовое, ягодичное, ...).*

3. В фармацевтической терминологии:

▪ *Oleum Anisi* (*Persicorum, Amygdalarum, Olivarum, Helianthi, Hyoscyami, Ricini, Terebinthinae, ...*) – *анисовое (персиковое, миндальное, оливковое, подсолнечное, беленное, касторовое, ...) масло, скипидар.*

▪ *Species antiasthmaticae* (*carminativae, cholagogae, diaphoreticae, diureticae, sedativae, stomachicae, vitaminosae, aromaticae, amarae, antihaemorrhoidales, laxantes, pectorales, expectorantes, pro balneo, ...*) – *противоастматический (ветрогонный, желчегонный, потогонный, мочегонный, успокоительный, желудочный, витаминный, ароматический, горький, антигеморроидальный, слабительный, грудной, отхаркивающий) сбор, сбор для ванны...*

▪ *Charta cerata* (*paraffinata, pergamenta*) – *вощенная (парафинированная, пергаментная) бумага.*

▪ *Capsula mollis* (*elastica, gelatinosa, amylacea, dura operculata*) – *мягкая (эластичная, желатиновая, крахмальная, твердая с крышечкой) капсула.*

▪ *Extractum spissum* (*fluidum, siccum*) – *густой (жидкий, сухой) экстракт.*

▪ *Tinctura aquosa* (*spirituosa, aetherea*) – *водная (спиртовая, эфирная) настойка.*

▪ *Emplastrum bactericidum* (*simplex, compositum, ad clavos*) – *бактерицидный (простой, сложный, мозольный) пластырь.*

▪ *Pulvis divinus* (*indivinus, grossus, subtilis, subtilissimus, simplex, compositum*) – *дозированный (недозированный, крупный, мелкий, мельчайший, простой, сложный) порошок.*

▪ *Tabulettae stomachicae* (*enterosolubiles, linguales, sublinguales, transbuccales, obductae, solvellae, implantantae*) – *желудочные (кишечнорастворимые, язычные, под язык, защечные, покрытые оболочкой, растворимые, для имплантации) таблетки.*

Таким образом, сопоставительный анализ латинских и русских субстантивных синлексов – медицинских терминов подтверждает возможность применения к данному функционально-семантическому разряду синлексимики общих принципов описания синлексимики русского языка, выработанных в рамках томской синлексикологической школы.

Литература

1. *Климовская Г.И.* На путях к синлексу: иностранные языки как источник русской синлексики (на материале перевода XVIII века) // Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии: Сб. статей памяти Г.М. Шатрова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. С. 197–205.
2. *Чернявский М.Н.* Латинский язык и основы фармацевтической терминологии: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1994. 384 с.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ НОМИНАЦИЙ ИЗ ОБЛАСТИ ГОРОДСКОГО БЫТА

Н.А. Гончарова

Белорусский государственный университет

Современные глобальные общественно-политические и экономические перемены в странах СНГ привели к увеличению интереса к культурам других народов. Межкультурная коммуникация является результатом происходившего в этих странах процесса интеграции культур. Выбор эстетических ориентиров обусловлен возросшим уровнем образования, тягой к высшим ценностям мировой культуры и, прежде всего, античной. Максимально широкий контекст античного влияния проявляется не только в науке и культуре последних десятилетий, но и в бытовой сфере. Характерно, что процесс проникновения античной культуры в социальную жизнь больших городов становится все активнее. С каждым днем он неуклонно возрастает. Это находит свое проявление в том, что, в частности, улицы города Минска заплотили многочисленные вывески и рекламные щиты с греко-латинскими названиями. В названиях различного рода торговых заведений, клубов, салонов, выставочных центров, кафе, баров, ресторанов, казино, фирм и учреждений широко используется греко-латинская стилистика в качестве добавочно-экспрессивного средства выражения. Таким путем в этой сфере происходит обновление языковых средств. На смену утратившим ореол свежести и новизны словам «Салон красоты» для парикмахерской, «Салон свадебной одежды», «Рыбный магазин» появились новые – «Афродита», «Юнона», «Нептун» и т. п. С точки зрения пользователей эти названия более изящно, и главное, по-новому выражают смысл конкретного общественного заведения.

В задачу данной статьи входит выяснить, какие именно лексические средства латинского языка используются в сфере предпринимательской деятельности, насколько корректно это происходит, и высказать предположение о причинах феномена. Оказалось, что наиболее часто в лексике корпоративного языка используются имена греко-римских богов: *Юнона* – салон свадебной и вечерней одежды и аптека; *Юнона-престиж* – салон-магазин женской одежды; *Гефест*

– магазин бытовой техники; *Нептун* – рыбный магазин, издательский отдел; *Hermes* – магазин парфюмерии; *Афродита* – салон красоты; *Афина* – салон красоты; *Венера* – аптека; *Гелиос* – аптека, серия косметических средств; *Меркурий* – торговый кооператив; *Аполлон* – стоматологическая клиника; *Apollo* – ночной клуб; *Fortuna* – парикмахерская; *Дионис* – ряд продовольственных магазинов; *Веста* – гостиница и аптека; *Антей* – клуб; *Фемида* – юридическая фирма; *Диана* – свадебный салон-магазин и химчистка; *Аврора* – клуб-бар и кинотеатр; *Athlas* – магазин.

Далее идут имена героев, мифологических и литературных персонажей: *Одиссей* – игральный клуб; *Поллукс* – ресторан; *Аргус* – юридическое бюро; *Амазонки* – кафе-бар; *Медея* – центр женского здоровья и выставочный центр; *Минотавр* – казино; *Даная* – свадебный салон; *Ментор* – юридическая контора; *Пизмалион* – модельная студия; *Ариадна* – пиццерия; *Orion* – ресторан-клуб; *Амалфея* – книжное издательство; *Нимфа* – салон красоты; *Одиссея* – туристическое агентство.

Возможны топонимы: *Парнас* – казино; *Olympus* – торгово-выставочный центр, фитнес-клуб, парикмахерская; *Roma* – пиццерия; *Эллада* – сеть бутиков по продаже люстр и светильников, фитнес-клуб. А также: *Пантеон* – туристическая компания; *Coliseus* – бар-ресторан и магазин обуви; *Колизей* и *Акрополь* – ресторан.

Иногда встречаются имена исторических лиц: ресторан «Цезарь», кинотеатр «Спартак».

Наряду с именами собственными широко используется лексика апеллятивного характера. В этой группе слов пальма первенства принадлежит именам существительным: *Корона* – универсам; *Триумф* – магазин; *Легион* – спортивное кафе; *Columbus* – бутик; *Domus* – мебельный магазин; *Триклиний* – ночной клуб; *Universonum* – общеобразовательный центр; *Вотум* – юридическая фирма; *Адверсус* – центр правовой помощи; *Atrium* – кафе; *Status* – магазин одежды; *Aurum* – ювелирный магазин; *Versus* – кафе-пиццерия и магазин одежды; *Библос* – ресторан; *Экспансия* – кафе.

Среди имен существительных в отдельную семантическую группу можно выделить существительные, обозначающие должностное лицо: *Император* – магазин мужской одежды; *Претор* – правовой центр; *Consul* – магазин и кафе; *Консул* – юридическая контора; *Квестор* – биржа; *Арбитр* – юридическая контора; *Princeps* – магазин одежды.

Список прилагательных невелик, но встречаются они достаточно часто: *Максимус* – торговый центр; *Optima* – рекламный щит; *Bonus* – магазин модной одежды; *Omnia* – женское белье; *Bellus* – модельный дом; *Vonum* – аптека; *Флогиос* – магазин канцтоваров.

Однажды встретилось числительное – *bis* (кафе-бар) и местоимение – *ego* (парикмахерская).

Номинативную функцию могут выполнять глаголы: *Gaudeamus* – студенческое кафе и книжный магазин; *Эврика* – магазин подарков и магазин светильников; *Credo* – магазин; *Mone* – салон красоты.

Наряду с отдельными лексемами достаточно часто используются словосочетания (в основном фразеологические): *Homo legens* – книжный магазин; *Mens sana in corpore sano* – надпись на аптеке; *Status quo* – букмекерская контора; *Alter ego*; *Ars legis* и *Золотое руно* – юридическая фирма; *Нота bene* и *Lege artis* – адвокатская контора; *Modus vivendi* – модельная студия; *Anno domini* – рекламное агентство; *Terra medica* – медицинский центр.

Как показали наблюдения, слова греко-латинского происхождения пишутся в основном по-русски, хотя встречаются и такие, которые написаны латинскими буквами. В числе исследуемых наименований преобладают лексемы латинского происхождения. Грецизмы встретились всего лишь три раза (*эврика*, *флогиос*, *библос*).

Было выявлено, что в сфере обслуживания действуют факторы, не имеющие отношения к общественным или языковым закономерностям. Скорее это вкусовые предпочтения, желание организовать свой личный мир по-своему, стремление к проявлению индивидуального и своеобразного. Традиционные способы оформления города отступают под натиском проникновения наименований античного происхождения. Очевидно преднамеренное, сознательное употребление элементов античной культуры для создания эффекта новизны, необычности, загадочности, в отличие от признанных понятий, образцов, бытовавших в прежние годы.

Насколько грамотно и уместно протекает процесс вхождения элементов античной культуры в социальную жизнь большого города? Если, к примеру, названия *Юнона* для салона свадебной одежды, *Гепест* для магазина бытовой техники, *Афродита*, *Афина*, *нимфа* для салонов красоты, *Фемида*, *Ментор*, *Аргус* для юридических фирм и контор, *Меркурий* для торгового кооператива, *Одиссей* для игрового клуба, *Одиссея* для туристического агентства и т. д.

можно считать отвечающими своему прямому назначению, то назвать аптеку именами *Юнона*, *Веста* или *Венера*, стоматологическую клинику – *Аполлон*, свадебный салон-магазин – *Диана* или *Даная*, ресторан – *Поллукс*, туристическую компанию *Пантеон* могли те, кто не знаком с античной мифологией и, как говорится, слышали звон... Среди наименований существительных нарицательных есть также много таких, которые вызывают чувство легкого недоумения. Взять хотя бы такие, как *Columbus* (бутик), *Экспансия* (кафе), *Versus* (кафе-пиццерия и магазин одежды), *Библос* (ресторан) и некоторые другие. Гораздо удачнее и точнее используется греко-римская афористика.

Сама по себе ностальгия по классическому, тяга к эталонным формам культуры, к античной стилистике – явление благоприятное и оптимизирующее. Увлечение греко-римскими названиями имеет под собой основание еще и потому, что «античное слово-образ, слово-символ – это ключ к целой области человеческой культуры и человеческого духа» (А.Ф. Лосев). В этом случае уместно привести слова Т.Н. Грановского, который, имея в виду классические ценности, писал в свое время: «Истинно великие произведения духа человеческого отличаются именно своей неисчерпаемостью. В этом-то и заключается тайна их бессмертия».

Наблюдаемое явление вызывает естественный вопрос: какова причина столь бурного и неудержимого интереса к античному наследию со стороны людей определенного социального круга – предпринимателей?

Очевидно, правильным будет предположить, что это мода, веяние времени, отзвук греко-римской образованности, востребованной временем. Слова незнакомого языка несут в себе особый стилистический отпечаток новшества. Семантика используемых слов выражает исключительность, высокое качество, престижность (*bonus*, *флогнос*, *princeps*, *максимус*, *optimus*, *status*, *persona* и т. д.). Именно те качества, которые важно подчеркнуть. Особенно выразительна в этом отношении коннотация наименований-теонимов или антиконимов. Однако отсутствие специальных знаний из области античности у деловых людей часто приводит к определенным издержкам, использованию лексических средств *sub sua propria specie*. Казалось бы, потребность в номинации могла использоваться за счет ресурсов родного языка. Но в таком случае будет потерян элемент неожиданности, эмоциональности, метафоричности. Где уж тут считаться с

тем, что у большинства населения отсутствует общекультурный опыт, необходимый для понимания античных наименований. Важнее обратить на себя внимание, заинтриговать клиентуру. Справедливо будет отметить, что, несмотря ни на что, в основном использование средств латинского языка в качестве средств номинации носит характер вполне осмысленного и целенаправленного процесса. Все наименования имеют конкретный источник – латинский язык. Семантическое освоение лексем проявляется в специфическом переосмыслении слов, новой коннотативной акцентуализации, использовании переносных употреблений, необходимых для каждого отдельного случая. Наряду с метафорическим употреблением происходит терминологизация значений используемых слов.

Вместе с тем нельзя не вспомнить и о том, что описываемое явление само по себе не ново. В культуре европейских городов издавна существовала связь между эстетической и социальной сферами, и античные реминисценции находили и находят свое отражение в быту. Например, вполне обычным делом являются латинские надписи на вывесках и стенах домов в г. Кракове (*Legis* – бюро по сбору налогов, *Hestia* – гостиница, *Incola* – бюро по управлению строительством, *Libido* – клуб, *Et ... cetera* – ресторан, *Vector* – магазин техники, *Aqua Sancti Stanislai* – фонтан и др.). На рекламных щитах магазинов, клубов, ресторанов красуются афоризмы: *Carpe diem*, *Tempus fugit*, *Nota bene* и т. п.

И еще: фасады старинных зданий города Львова (фронтоны, порталы, окна) буквально изобилуют латинскими сентенциями морально-нравственного, назидательного или богословского характера, цитатами из произведений Вергилия. Например, *Deus meus et omnia*, *Nunquam discrepat utile a decoro*, *Probus invidet nemini*, *Ubi opes ibi amici*, *Time dominum et recede a malo*. На центральном барельефе «здания Календаря» изображен Сатурн и под ним написано: «*Aureus hanc vi(am) in terris Saturnus agebat*» (Vergilius. Georgica, liber II, v. 538). Нередки сентенции и на современных зданиях: *Hic mortui vivunt, et muti loquuntur* – надпись на фасаде библиотеки технической литературы; *Patriae decori, civibus educandis* – на фасаде главного корпуса Львовского национального университета имени Ивана Франко. Высоко в небе над центральным универмагом города большими буквами написано – *magnus*. Следовательно, есть основания предполагать, что в городах СНГ, а также в Минске имеет место пре-

цепция западноевропейской традиции, чему способствуют политические, торговые и культурные контакты между странами.

И наконец, следует учесть факт повышения удельного веса дисциплин классической филологии в образовательных учреждениях нашей страны. И как следствие, факт культурно-исторических реминисценций античности в различных сферах современной жизни. Глобальный интерес к греко-римской культуре в городах нашей страны, несомненно, может быть связан с тем, что на всех гуманитарных и даже естественных факультетах высших учебных заведений, во многих колледжах, гимназиях, лицеях введены курсы латинского языка, мифологии, античной культуры. В Беларуси впервые за всю ее историю в двух крупнейших университетах городов Минска и Гродно открылись отделения классической филологии, а на ряде факультетов высших учебных заведений на факультативных началах читаются курсы классических языков, мифологии или античной культурологии.

ИЗ ОПЫТА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Е.В. Грищенко, М.В. Лебедева

Новосибирский государственный медицинский институт

Современное научное познание порождает ряд онтологических проблем, которые связаны с обоснованием теоретического фундамента новых направлений и методологических подходов. В связи с этим актуальным является вопрос о терминологическом аппарате. В течение последних десятилетий растет потребность в словарях медицинской терминологии, несмотря на наличие уже имеющихся проверенных источников. Это связано с тем, что в системе медицинских терминов происходят изменения, обусловленные значительными достижениями медицинской науки последних лет, в первую очередь появлением новых методов исследования и лечения определенных болезней, современных способов профилактики заболеваний и др. Необходимость создания словарей, включающих этимологический анализ лексических единиц и описания современной структуры медицинской терминологии, обусловлена и потребностями методики преподавания медицинских дисциплин. Словарь медицинских терминов позволит сократить время понимания и запоминания лексических единиц студентами, что является важным в условиях обилия информации и недостатка времени.

При выборе материала была проделана большая совместная работа кафедры латинского языка и основ медицинской терминологии и кафедры пропедевтики детских болезней Новосибирского медицинского института. Объектом исследования явились термины, употребляемые в педиатрии. В процессе этой работы были изданы методические рекомендации для студентов по дисциплинам «Латинский язык и основы медицинской терминологии» и «Пропедевтика детских болезней» (разделы «Неврология», «Кожа и костно-мышечное развитие детей», «Кардиология», «Пульмонология», «Гастроэнтерология», «Эндокринология», «Гематология», «Нефрология», «Обмен веществ»), из которых были выбраны термины и составлены тематические толковые словари медицинских терминов. Порядок подачи слов в словаре алфавитный.

В большинстве случаев в качестве главного слова словарной статьи приводится русскоязычный термин, затем его латинский перевод. Латинские слова приводятся с наиболее близким значением, затем дается этимологический анализ латинского термина, словообразовательные аффиксы с указанием их значения и толкование термина на русском языке. Греческие слова и аффиксы даются в латинской транскрипции.

Например: **Альтернирующий пульс** (*pulsus alternans*; лат. *pulsus* – пульс, удар, толчок от лат. *pello* – ударять, бить; лат. *alternans* – меняющийся от лат. *alterno* – чередовать, перемежать) – альтернирующий или меняющийся пульс, обусловленный сокращением сердца и движением крови в магистральных сосудах, правильным чередованием слабых и сильных ударов.

Или: **Атриовентрикулярная блокада** (*infiltratio atrioventricularis*; лат. *infiltratio* – проникновение, лат. *atrium* – зала, центральная часть римского двора, в древнеиталийских домах помещение, почерневшее от копоти, в медицинской терминологии – предсердие от лат. *ater* – темный, лат. *ventricularis* – желудочковый от лат. *venter* – живот, желудок, утроба) – блокада импульсов проводящей системы в предсердно-желудочковой перегородке.

Терминология каждой области медицинской науки (кардиологии, неврологии и т.д.) отражает ее традиционную двуязычность, дублетность и гибридность. Во главе словарной статьи наряду с русскими стоят латинские термины, если их употребление без перевода достаточно распространено. Например:

Valva bicuspidalis (лат. *valva* – клапан, лат. *bicuspidalis* – двустворчатый от лат. *bis* – два раза, дважды, лат. *cuspis* – отверстие, острая вершина) – двустворчатый клапан.

Русскоязычные термины могут происходить от латинских слов, например:

Акцидентальный шум (*murmur accidens*; лат. *murmur* – бормотание, шум; лат. *accidens* – случайный) – случайно обнаруженный функциональный шум.

Термины могут быть образованы от греческих слов и терминологических элементов, например:

Реокардиография (*rheocardiographia*; гр. *rheos* – ток, поток; гр. *cardia* – сердце; гр. *graphia* – регистрация) – метод исследования кровообращения, в основе которого лежит регистрация пульсовых

колебаний сопротивления тела человека переменному электрическому току звуковой частоты.

Некоторые термины гибричны, т.е. состоят из латинских и греческих элементов одновременно, например:

Мерцательная аритмия (*arrhythmia fibrillaris*; гр. *arrhythmia* – неритмичность от гр. *a* – не, гр. *rhythmos* – равномерность; лат. *fibrillaris* – мерцательный, подергивающий от лат. *fibra* – волокно, нить) – неритмичные сокращения сердца с частотой несколько сот сокращений в минуту. Син. **Полная аритмия** (*arrhythmia completa*; лат. *completus* – полный), «Бред сердца».

В словаре представлены синонимы. Источником синонимии являются дублетные термины латинского и греческого происхождения, а также русского и даже французского происхождения.

Например: **Irregularis pulsus** (лат. *irregularis* – нерегулярный; лат. *pulsus* – удар, толчок, пульс от лат. *pello* – бить, ударять) – пульс с неодинаковыми промежутками времени между отдельными ударами. Син. **Пульс аритмичный** (*pulsus arrhythmicus*; гр. *arrhythmicus* – неритмичный)

Кошачье мурлыканье (франц. *fremissement* – трепет, дрожь, шелест; франц. *cataire* (бот.) – мятный котовник) – вибрация передней грудной стенки при пальпации. Син. **Fremissement cataire**.

Пляска каротид (*chorea carotidis*; гр. *choreia* – пляска, лат. *carotis* – сонная артерия от гр. *karoo* – погружать в глубокий сон) – усиленная пульсация сонных артерий. Син. **Пляска сонных артерий**, **Танец каротид**.

Пополняют синонимичные ряды медицинской терминологии эпонимы. Например:

Артериальный проток (*ductus arteriosus*; лат. *ductus* – проток от лат. *duco* – вести, отводить; лат. *arteriosus* – артериальный от гр. *aer* – воздух, гр. *tereo* – захватывать) – проток между легочной артерией и аортой. Син. **Боталлов проток** (*ductus arteriosus (Botalli)*; *L. Botallo* (1530–1600) – итальянский хирург и анатом).

Боткина точка (*С.П. Боткин* (1832–1889) – отечественный терапевт) – участок поверхности передней грудной стенки в IV межреберье между левыми стеральной и парастеральной линиями. Син. **Эрба точка** (*W.H. Erb* (1840–1921) – немецкий врач), пятая точка аускультации сердца.

Эпонимы выделены также в особый раздел в конце словаря.

Тематический словарь медицинских терминов адресован студентам, аспирантам, преподавателям медицинских вузов, а также будет интересен практикующим врачам и терминологам-лингвистам.

В теоретическом плане данная работа представляет определенный интерес с точки зрения систематизации лексического материала и выявления закономерностей формирования определенной терминологической системы.

СОГЛАСНЫЕ МОРФОНЕМЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА: ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

Н.И. Данилина

Саратовский государственный университет

Понятие и термин «морфонема» являются в лингвистике XX в. сколь общеупотребительными, столь и дискуссионными. Подробный обзор различных точек зрения по этому вопросу представлен, например, в работе Н.Е. Ильиной [2. С. 7–27]. В настоящей статье мы будем пользоваться термином «морфонема» как удобным обозначением класса фонем (в терминологии МФШ) или фонемных рядов (в терминологии Р.И. Аванесова), занимающих одно и то же место в разных алломорфах одной морфемы, находящихся в отношении дополнительного распределения в формах одной лексемы и образующих историческое чередование (не являющееся позиционным с точки зрения фонологии). Из предлагаемого определения следует, что параметрами описания морфонемы должны являться набор и дистрибуция ее составляющих. Описание какого-либо участка морфонологической системы языка должно включать также упорядоченный перечень морфем и условий их употребления (лексических или морфологических).

Поскольку морфонологически релевантными мы признаем только исторические чередования фонологических единиц, то на этапе, предваряющем собственно морфонологическое описание, следует отделить фонетически позиционные чередования от фонетически непозиционных, в результате чего может быть получен набор членов («ступеней чередования» в терминологии Н.Е. Ильиной [2. С. 33]) каждой морфонемы, т.е. составляющих ее фонем.

Понятие дистрибуции тесно связано с понятием позиции. В морфонологии под позицией подразумевается, как правило, морфологическая позиция, т.е. положение фонемы (фонемного ряда), точнее, ее репрезентантов, в той или иной грамматической форме [2. С. 27]. В то же время очевидно, что количество морфологических позиций значительно превышает количество составляющих морфем, поэтому одну из задач дистрибуционного морфонологическо-

го анализа мы видим в выделении собственно морфонологических позиций, их мы предлагаем определить как группы морфологических позиций, в которых каждая морфонема репрезентируется определенной ступенью чередования.

Очевидно, что морфонологической значимостью обладают только те морфологические позиции, которые являются фонологически сильными. Для древнегреческих согласных таковы положения перед гласными и ρ, λ, ν. Альтернанты, представленные в фонологически слабых морфологических позициях, формируют единую фонему (фонемный ряд) с одним из альтернантов фонологически сильных позиций, т.е. связаны с ним отношением фонетического позиционного чередования.

В глагольной парадигме древнегреческого языка среди морфологических позиций фонологически сильными являются положение в аористе 2 перед соединительными гласными, в футуруме 2 перед основообразующим комплексом -ησ-, в аористе 1 глаголов с корнями на сонорный (в результате фонетического процесса выпадения σ согласный корня оказывается перед гласным), в презенсе и образуемых от презенсной основы формах перед соединительными гласными или перед основообразующими суффиксами, начинающимися на гласный или ν, в перфекте 2 и образуемом от той же основы плюсквамперфекте 2 активного залога перед личными окончаниями с вокальной инициальнойю.

В отношении консонантного состава корня перечисленные позиции могут быть сведены к нескольким группам, содержащим в пределах одной глагольной лексики разные сильные фонемы, а именно:

- 1) аорист 2, футурум 2, аорист 1 глаголов с корнем на сонорный;
- 2) презенсная система;
- 3) перфект и плюсквамперфект 2 активного залога.

Например, 'εκόβεν и κοπήσομαι при κόπτω, κέκοφα; редкие формы 'έτυλον, 'ετύλην и поздняя τύψω при τύπτω, τυπτήσω; 'επλάκτην при πλέκω, πέπλεχα, 'εβλάβην, βλάβτω, βάβλαφα.

Слабые фонемы, представленные в остальных морфологических позициях, являются результатами нейтрализации нескольких сильных фонем аористой морфонологической позиции, образуя соответствующие фонемные ряды, формируемые фонетически позиционными чередованиями. Так, сигматический аорист 1 и футурум 1 представляют позицию корневого согласного перед σ (активный и медиальный залого) или θ (пассивный залог), перфект и плюсквам-

перфект 1 – позицию перед к, медиопассивный перфект – позицию перед согласной инициальной личных окончаний (μ, σ, τ). Например, ἑυράφην, γραφήσομαι, γράψω, γέγραμμαι, γέγραψαι, γέγραπται, γέγραφθε, ἐπάγην, παγήσομαι, πῆξω, ἔπηξα, ἐπῆχθην, πέπηγμαι.

Сильные фонемы презенсного и перфектного алломорфов корня не могут считаться связанными позиционным фонетическим чередованием со слабыми фонемами других морфологических позиций и должны быть рассмотрены как фонемные ряды, состоящие из одной сильной фонемы. В пользу этого утверждения свидетельствуют следующие аргументы.

Статус позиции презенса как фонологически сильной безусловен по двум причинам.

Во-первых, несколько глаголов с корнем на согласный имеют в презенсе суффикс -σκ-, значение которого носит явно деривационный (итеративность), а не реляционный, основообразующий характер, однако в других видо-временных формах этот суффикс утрачивается, так как значение итеративности несовместимо с результативными значениями перфекта и аориста (многие глаголы с этим суффиксом вообще употребляются только в формах презенса и имперфекта); таким образом, презенс упомянутых глаголов выступает как явление словообразования и формообразования одновременно. Немногочисленность глаголов данного типа (διδάσκω – ἐδίδαξα, δέδισα; λάσκω – ἔλαχον; χάσκω – ἔχανον, κέχηνα; πάσχω – ἔπαθον, πέπονθα) и промежуточное положение фонологически слабого презенса позволяют не принимать их во внимание при построении общей морфонологической модели. От суффикса -σκ- следует отличать его алломорф -ισκ-, также могущий занимать промежуточное положение между формо- и словообразованием, однако создающий фонологически сильную позицию в презенсе. Количество глаголов с утрачиваемым презенсным -ισκ- довольно велико, например, ἀραρίσκω – ἤραρον, εὐρίσκω – εὐρήσω, εὐρήκα; ὀφλίσκᾱνω – ὠφλον. Часто утрачивается и суффикс -σκ- в основах на гласный: βιβρώσκω – βέβρωκα, ἐβρώθην; θρώσκω – ἔτορον; πιτράσκω – ἐπράθην.

Во-вторых, в фонологически слабой позиции находятся конечные губные корней с исторически йотированным презенсом, где губной + j > πт.

Если считать τ основообразующим суффиксом данной группы глаголов, то позиция презенса для них должна быть расценена как морфонологически нерелевантная и при построении общей морфонологической модели все глаголы должны быть разделены на две группы: с морфонологически релевантным и морфонологически нерелевантным презенсом. Возможна и иная трактовка рассматриваемой ситуации: презенсным альтернантом считать не π , фонетически позиционно чередующееся с другими губными, а $\pi\tau$, морфонологически чередующееся с губными, ср. [2. С. 35], что позволяет сохранить за презенсом данной группы глаголов статус морфонологически релевантной позиции. В этом случае морфонологическая модель принимает более симметричный характер: фонемы $\langle\zeta\rangle$ и $\langle\sigma\rangle$ в парадигме глагола также представлены только в формах презенса и единично могут чередоваться не с зубными или заднеязычными, а с губными ($\pi\epsilon\sigma\sigma\omega$ – $\pi\epsilon\psi\omega$ при позднем $\pi\epsilon\pi\tau\omega$; $\nu\acute{\iota}\zeta\omega$ – $\nu\acute{\iota}\psi\omega$ при позднем $\nu\acute{\iota}\pi\tau\omega$, ср. также эпическое и поэтическое $\lambda\acute{\alpha}\zeta\omicron\mu\alpha\iota$ при $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$). Аналогичную трактовку целесообразно предложить и для чередования аористного λ с презенсным $\lambda\lambda$ ($\acute{\eta}\gamma\gamma\epsilon\lambda\eta\nu$ \ ' $\alpha\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$).

Наконец, позиция презенса не для всех глаголов является морфонологически единой. Она может распадаться на позицию в спрягаемых формах индикатива и позицию в других формах, образуемых от презенсной основы (оптатив, конъюнктив, инфинитив, причастие). Так, с одной стороны, глагол $\lambda\acute{\iota}\sigma\sigma\omicron\mu\alpha\iota$ (аорист 2 $\epsilon\lambda\acute{\iota}\tau\omicron\mu\eta\nu$) имеет оптатив $\lambda\acute{\iota}\tau\omicron\mu\eta\nu$ и инфинитив $\lambda\acute{\iota}\tau\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ (впрочем, отмечено и настоящее время $\lambda\acute{\iota}\tau\omicron\mu\alpha\iota$, образованное от аориста [3. С. 181]), глагол $\alpha\lambda\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ (аорист $\eta\lambda\acute{\alpha}\mu\eta\nu$) – оптатив $\alpha\lambda\omicron\acute{\iota}\mu\eta\nu$ и причастие $\alpha\lambda\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$; с другой стороны, глагол $\epsilon\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}\zeta\omega$ имеет инфинитив $\epsilon\acute{\iota}\kappa\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota\nu$, глагол $\alpha\rho\pi\acute{\alpha}\zeta\omega$ – причастие $\alpha\rho\pi\acute{\alpha}\zeta\omega\nu$, глагол $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ (аорист $\epsilon\beta\alpha\lambda\omicron\nu$) – инфинитив $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\iota\nu$, причастие $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega\nu$. Очевидно, морфонологическое неединство презенсных форм может быть свойственно только глаголам с исторически йотированным презенсом, где в спрягаемых формах индикатива конечный согласный корня находился перед суффиксом j , а в остальных формах презенсной системы – перед соединительным гласным. Примеры подобного рода дают в основном глаголы с корнями на $-p$, $-v$, хотя собственно консонантный состав корня в них неизменен: $\alpha\acute{\iota}\rho\omega$ – $\alpha\rho\acute{\iota}\mu\eta\nu$, $\alpha\rho\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota$; $\epsilon\gamma\epsilon\acute{\iota}\rho\omega$ – $\epsilon\gamma\rho\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota$, $\theta\epsilon\iota\nu\omega$ – $\theta\acute{\epsilon}\nu\omega$, $\theta\epsilon\nu\epsilon\acute{\iota}\nu$; $\kappa\rho\alpha\acute{\iota}\nu\omega$ – $\kappa\rho\eta\eta\nu\alpha\iota$; $\kappa\tau\acute{\epsilon}\iota\nu\omega$ – $\kappa\acute{\tau}\acute{\epsilon}\omega$, $\kappa\acute{\tau}\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu$; $\chi\alpha\acute{\iota}\rho\omega$ – $\chi\alpha\rho\acute{\omega}$, $\chi\alpha\rho\epsilon\acute{\iota}\eta\nu$, $\chi\alpha\rho\eta\eta\nu\alpha\iota$ и

др. Так как не для каждого глагола засвидетельствованы все формы парадигмы, то определить, какими правилами (если таковые вообще имеются) регулируется единство или неединство презенсной системы, не представляется возможным. Для абсолютного большинства глаголов позиция презенса морфонологически едина, будем считать ее таковой и при построении общей морфонологической модели, оговаривая, по мере необходимости, исключения.

Морфонологическая позиция активного перфекта (и плюсквам-перфекта) 2 является позицией нейтрализации: в ней представлены только придыхательные фонемы; условия нейтрализации не носят фонетического характера. Имеются и перфекты 2 без нейтрализации: *λέλαπτα*, *λέλοιπα*, *σέσηπα*, *τέθηπα*, *πέπληα*, *’ερ’ρ’ωα*, *πέφευα*, *πέπληα*, *πέπραα*, *κέχανδα*. Наличие их можно трактовать как существование двух морфонологических моделей: с морфонологически релевантным перфектом 2 и морфонологически нерелевантным, примыкающим к аористной позиции. Исторически первичной является вторая модель [3. С. 162–164]. Число глаголов, следующих ей, невелико, но и назвать единичными эти примеры нельзя. На рассматриваемом временном этапе доминирующей является первая модель: ей следует большинство глаголов, имеющих перфект 2, хотя в целом перфект 2 менее продуктивен, чем перфект 1. Возможно наличие у одной лексемы двух типов перфекта: *πέπραα* и *πέπραα*.

Итак, можно констатировать, что разным группам конечных согласных морфонемам глагольных корней свойственны разные «морфонологические парадигмы» – наборы морфонологических позиций и типы реализации морфонемам в каждой из этих позиций.

В соответствии с типичными наборами морфонологических позиций выделяются морфонеми однопозиционные (во всех формах словоизменения конечный согласный корня находится в одной и той же морфонологической позиции – перед словообразующим суффиксом), двухпозиционные (морфонологически релевантными являются позиции аориста 2 и презенса, перфект 2 либо отсутствует, либо морфонологически примыкает к аористу, т.е. содержит непридыхательный альтернант), трехпозиционные (морфонологически релевантны позиции аориста 2, презенса и перфекта 2).

По количеству морфонологически чередующихся альтернантов (ступеней чередования) могут быть выделены морфонеми одночленные (все морфонологические позиции содержат одну и ту же сильную фонему), двухчленные (сильная фонема аориста отличается

от сильной фонемы презенса) и трехчленные (сильные фонемы аориста, презенса и перфекта различны).

Все однопозиционные морфемы одночленны. Среди двухпозиционных морфем выделяются двухчленные, содержавшие в диакронии презенсный *j* (рефлексы *ζ*, *σσ*, *πτ*, *λλ*), и одночленные, не содержавшие такового. Трехпозиционные морфемы могут быть одночленными (придыхательные), двухчленными (непридыхательные в глаголах с исторически нейотированным презенсом) или трехчленными (непридыхательные в глаголах с исторически йотированным презенсом). Поскольку системная значимость каждого члена морфемы определяется его принадлежностью той или иной морфонологической позиции, трехпозиционные придыхательные можно рассматривать и как двухчленные, так как двухчленными являются соответствующие непридыхательные и групповая нейтрализация морфем наступает только в перфекте 2.

Приведем списки морфем, составленные на основе данных по словоизменению, фиксируемых словарем [1].

Однопозиционные:

{ρ} 'αθερίζω < 'αθηρ; {λ} 'αγκυλόω < <'αγκύλη; {μ} 'ανεμίζω < 'ανεμος; {ν} βασανίζω < βάσανος; {β} 'αραβέω < 'αραβος; {π} 'αμβλυωπέω < 'αμβλυωπός; {φ} νευρο'ρ'ραφε'ω < νευρο'ρ'ράφος; {γ} 'αλγέω < 'αλγος; {κ} 'αδικέω < 'αδικος; {χ} 'αγελαρχέω < 'αγελάρχης; {δ} 'οδο'ω, 'οδο'ω < 'οδος; {τ} 'αιματο'ω < αιμα, τος; {θ} 'ακολουθέω < 'ακόλουτος; {σ} μουσίζω, μουσώ < μουσα; 'αδοξέω < 'αδοξος; {ττ} νεοττεύω, νεοσσεύω < νεοττός.

Двухпозиционные одночленные:

{γγ} 'ε'ρ'ράγην, 'ε'ρ'ρωγα – 'ρήγνυμι; {κκ} 'εδρακον, δέдорка – δέρκομαι; {χχ} 'ετυχον, τέτυκα – τυγχάνω; {ππ} 'ελιπον, λέλοιπα – λείπω; {δδ} 'εαδον, 'εαδα – 'ανδάνω; 'εχαδον, κέχανδα – χανδάνω; {ττ} 'αμαρτήσομαι, 'ημάρτηκα – 'αμαρτάνω; {θθ} 'εκυθον, κέκευθα – кеύθω; {λλ} 'ωλόμην, 'ολωλα – 'оллуми; {ρρ} 'εφθόρην, 'εφθора – φθείρω; 'επτύρην – πτύρω; {νν} 'εξηνα – ξαίνω; 'εκτεινα, 'εκτονα – κτείνω; {μμ} 'ενειμα, νενε'μικα – νε'μω.

Двухпозиционные двухчленные:

{γ ζ} ἔκραγον, κέκραγα – κράζω; {γ σσ} ἐπλήγην, πέπληγα – πλήσσω; {κ ζ} ἔκρικον – κρίζω; {δ ζ} πέφραδον – φράζω, ὁδῶδα – ὀζω; {τ σσ} ἐλιτόμην – λίσσομαι; {λ λλ} ἐστάλην, ἔσταλκα – στέλλω.

Трехпозиционные двухчленные:

{γγ χ} ἠγαγον, ἠγω – ἦχα; {κκ χ} ἐπλάκην, πλέκω – πέπλεχα; {χχ χ} ἔλαχον, λαγχάνω – εἰληχα; {ββ φ} ἔλαβон, λαμβάνω – εἰληφα; {ππ φ} ἔτραπον, τρέπω – τέτροφα; {φφ φ} ἐτράφην, τρέφω – τέτροφα.

Трехпозиционные трехчленные:

{γ ζ χ} παίζομαι – παίζω – πέπαιχα; {γ σσ χ} ἐτάγην – τάσσω – τέταχα; {β πт φ} ἐβλάβην – βλάπτω – βέβλαφα; {π πт φ} ἐκλάπην – κλέπτω – кέκλοφα; {φ πт φ} ἐσκάφην – σκάπτω – ἔскафа.

Опишем распределение морфем по лексическим группам. Древнегреческие глаголы в большинстве своем производны и, соответственно, содержат однопозиционные морфемы. Двух- и трехпозиционные морфемы представлены в глаголах непродуктивных классов, причем двухпозиционность морфонологически более универсальна, чем трехпозиционность: для корней на сонорный трехпозиционность в принципе невозможна, так как сонорные в фонологической системе древнегреческого языка не имеют придыхательного оппози́та, в корнях же на переднеязычный трехпозиционность лексически не представлена (вероятно, не по системным, а по узусным причинам).

Заднеязычные морфемы имеются как в группе двухпозиционных, так и в группе трехпозиционных, причем глаголов с трехпозиционными заднеязычными несколько больше, чем глаголов с двухпозиционными. Трехпозиционные заднеязычные морфемы представлены в глаголах: {κκ χ} δείκνυμι – δέδειχα, πλέκω – πέπλεχα; {γγ χ} ἠγαγ – ἦχα, εἰργα – ἐρχαται, λέγω – εἰλοχα, ὀρέγω – ὀρωρέχαι; {γ σσ χ} πράσσω – πέπραχα, τάσσω – τέταχα, ἀλλάσσω – ἀπῆλλαχα, εἰλίσσω – εἰλίχατο, μάσσω – μέμαχα. К этой же группе мы предлагаем отнести глаголы с корнями на придыхательные. Двухпозиционные заднеязычные морфемы содержат глаголы: {γγ} ἀγνυμι – εαγα, ἄνωγα, πῆγνυμι – πέπηγα, ῥέγνυμι – ἐρῶγα, στέργω – ἔστοργα,

φεύγω – πέφευγα; {γ σσ} πλήσσω – πέπληγα, πράσσω – πέπραγα; {γ ζ} κράζω – κέκραγα, κλάζω – κέκλαγα, τρίζω – τέτριγα, а также глаголы τρέχω, τυγχάνω, не имеющие перфекта 2, и глаголы с корнями на -к, у которых перфект 2 не отличим от перфекта 1: δέρκομαι – δέдорка, тήκω – τέτηκα, τίκτω – τέτοκα.

Губные морфемы трехпозиционны, за исключением двухпозиционной одночленной глухой, представленной, впрочем, в нескольких глаголах.

Глаголы с трехпозиционными губными: {β πт φ} βλάπτω – βέβλαφα; {β β φ} λαμβάνω – 'ειληφα, τρίβω – τέτριφα; {π πт φ} κλέπτω – кέκλοφα, κόπτω – кέκοφα; {π п φ} πέμπω – πέπομφа, трέπω – τέτροφα; {φ φ φ} τύφω – τέτυφα, трέφω – τέтрофа, στρέφω – 'εстрофа, πέφамαι – πέφαται, γράφω – γέγραφα, 'αλείφω – 'αλήλιφα; {φ πт φ} θάπτω – τετάφαται, σκάπτω – 'εскафа.

Глаголы с двухпозиционной морфемой: {π π} 'ελπω – 'εολλα, λάμπω – λέλαμπα, λείπω – λέλοιπα, σήπω – сέσηπα, τέθηπα.

Таким образом, количество морфонологических позиций для морфемы в той или иной конкретной лексеме может быть обусловлено как внутренними морфонологическими факторами (фонемным составом корня), так и внешними, морфологическими (способ образования перфекта).

Количество альтернантов каждой морфемы на рассматриваемом синхронном срезе обуславливается только внешними факторами, точнее, является лексикализированным, однако имеет морфологическую обусловленность в диахронии (способ образования презенса).

В словарном материале, относящемся к словоизменению, далеко не для всех глаголов представлены формы активного перфекта, поэтому определить трех- или двухпозиционность конечного корневого согласного оказывается невозможным. Во многих случаях аористная ступень чередования также не установима (или установима лишь на материале словообразования), так как словарь дает только сигматические формы, где все переднеязычные реализуются нулем звука, заднеязычные – ξ. Последнее замечание относится в основном к глаголам на -ζω, в большинстве которых ζ принадлежит не корню, а словообразовательному суффиксу и сигматические формы испытывают неэтимологические колебания [3. С. 213–214, 151–152].

Неполная представленность губных в группе двухпозиционных морфонем может быть связана с недостаточностью словарного словоизменительного материала. То же следует сказать и о передне- и заднеязычных в группе двухчленных двухпозиционных морфонем. В некоторых случаях словоизменительный материал может быть дополнен словообразовательным. Например, возможны чередования к/σσ (θαῦκος/θάσσω), χ/σσ (μέλιχος/μελίσσω), τ/ζ (τέρας, – ατος/τεράζω).

Морфонологическая модель не может считаться полной без определения взаимных отношений между разными степенями чередования морфемы и, соответственно, разными морфонологическими позициями.

В фонологической теории сила \ слабость позиции связывается, как правило, с двумя факторами: количеством единиц, различающихся в данной позиции, и наличием \ отсутствием процессов нейтрализации. На рассматриваемом участке древнегреческой морфонологии эти факторы действуют неоднаправленно.

С одной стороны, позицией нейтрализации может считаться презенс, поскольку трехпозиционные трехчленные губные морфемы репрезентируются в нем общим альтернантом πτ, двухпозиционные двухчленные и трехпозиционные трехчленные передне- и заднеязычные морфемы – общим альтернантом ζ или σσ. В основе этих нейтрализаций лежит историческая конвергенция фонем (точнее, их позиционных альтернантов) перед исчезнувшей впоследствии фонемой j.

С другой стороны, с синхронной точки зрения можно усматривать процесс морфонологической нейтрализации в имеющем место в аористе попарном совпадении трехпозиционных трехчленных морфем с трехпозиционными двухчленными, а также с двухпозиционными двухчленными (для передне- и заднеязычных). В этом случае позицией нейтрализации следует считать аорист 2.

В итоге общее число морфем, различающихся в презенсе (17), больше числа морфем, различающихся в аористе (13). С этой точки зрения сильной позицией является презенс.

Таким образом, из трех выделенных морфонологических позиций слабой (и даже факультативной) является перфект 2. Репрезентация каждой морфемы в нем однозначно определяется презенсным или аористным альтернантом. Морфонологические позиции презенса и аориста 2 можно признать в равной мере сильными, не обладающими

ни взаимоднозначным соответствием, ни однонаправленной предсказуемостью в каком-либо направлении (от презенса к аористу или наоборот).

Подведем итоги. Данная статья содержит описание одного из участков морфонологической системы древнегреческого языка – согласных морфем, функционирующих в глагольном словоизменении. Определен набор этих морфем и состав каждой морфемы: количество, качество, дистрибуция и диахрония ее членов; предложена соответствующая классификация морфем. Описано распределение выделенных морфем на лексическом материале, выявлены внутренние и внешние факторы, обуславливающие такую дистрибуцию. Введено понятие морфонологической позиции, отличной как от фонетической, так и от морфологической; определены состав морфонологических позиций на рассматриваемом участке языковой системы и их соотношение друг с другом; описаны явления нейтрализации, имеющие место в каждой из позиций. За пределами статьи осталось явление расширения глагольных корней на согласный гласными *ε*, *η* (считающееся обычно характерным признаком глаголов 7 класса, но нередко встречающееся и у других глаголов – явление, безусловно, морфонологическое (не имеющее строгой морфологической или фонетической закреплённости), связанное со структурой словоформы (потенциальный стык согласных на морфемной границе), но не имеющее непосредственного отношения к согласным морфемам как структурированным образованиям.

Литература

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
2. Ильина Н.Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.
3. Шантрэн П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.

**«ПОВЕСТВОВАНИЕ О СИБИРИ»
(«HISTORIOLA DE SIBIRIA») Ю. КРИЖАНИЧА
КАК ПАМЯТНИК НОВОЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII В.
(I. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. НЕКОТОРЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ОРФОГРАФИИ)**

Л.В. Доровских

Уральский государственный университет

В 1983 г. славянские народы отметили 300-летие со дня гибели во время осады турками Вены капеллана войска польского короля Яна Собесского Юрия Крижанича [ок. 1618–1683] – хорвата по национальности, мыслителя по складу ума, провозвестника славянского единства.

В сентябре 1983 г. в Загребе состоялся научный симпозиум, посвященный Юрию Крижаничу, проведенный Югославской академией наук и искусств, участники которого говорили о широте интересов и различных – исторических, экономических, философских, лингвистических, теологических и церковных, музыкально-теоретических, географических – аспектах деятельности великого славянина и замечательного представителя XVII в., о его жизненном пути и проблемах той эпохи.

Имя Юрия Крижанича прозвучало и на IX Международном съезде славистов, прошедшем в Киеве (сентябрь 1983 г.). В докладе В.В. Зеленина «Юрий Крижанич в контексте своего времени» был озвучен – в хронологическом порядке – список из 18 работ [б. С. 78–86], составляющих творческое наследие Ю. Крижанича, пять из которых были написаны на латинском языке, в том числе заключающая список «Historia de Sibiria» (1677–1680)¹.

Этот список подтверждает то главное в Юрии Крижаниче, что отмечают исследователи его жизни и творчества. Главное в нем – энциклопедичность интересов и знаний [4. С. 187]. Политик и писатель, экономист и историк, философ и богослов, публицист и социо-

¹ На латыни написаны также отдельные фрагменты главного, по мнению исследователей, сочинения Ю. Крижанича, известного сейчас под названием «Политика» (1663–1666 гг.). См.: Юрий Крижанич. Политика. М.: Наука, 1965.

лог, фольклорист и музыковед – вот области, которых так или иначе коснулся Ю. Крижанич в своей деятельности.

Главные труды Ю. Крижанича уже в 1675 г. поступили на Московский печатный двор и взятые оттуда «к государю» позднее числились в описи книг царской библиотеки XVII в. Известные царскому семейству и придворным деятелям второй половины XVII в. сочинения Ю. Крижанича были в библиотеках князя В.В. Голицына, патриарха Иоакима, писателя и ученого Сильвестра Медведева [4. С. 187], однако к широкому русскому читателю его произведения пришли только в первой трети XIX в. И, по всей видимости, первым в ряду опубликованных в XIX в. сочинений Юрия Крижанича было «Повествование о Сибири», увидевшее свет в 1822 г. (СПб.: Типография Департамента народного просвещения)¹.

Латинский текст с «русским переводом и примечаниями» издал Григорий Спасский, бывший, как сказано на титульном листе, «Императорской С. Петербургской Академии Наук Корреспондентом и разных Ученых Обществ Членом». В предисловии издателя сказано, что в «Императорской С.П.бургской Публичной Библиотеке... хранятся две рукописи на Латинском языке, содержащие в себе сведения о Сибири»: одна, датированная 1681 г. (*scripta anno 1681*), имеет пометы, свидетельствующие о ее принадлежности Смоленскому епископу Котовичу (*Ex libris Eustachii Kotowicz, episcopi Smolensis m. p.* (т. е. *manu propria*. – Л. Д.)) и Виленскому Миссионерскому обществу (*Domus Vlnensis congregationis Missionis*); в заглавии второй рукописи сказано, что она написана около 1680 г. скрывшим свое имя автором (*Anonymi autographum circa annum MDCLXXX*); в этой рукописи есть помета, указывающая на ее принадлежность Петру Дубровскому (*Ex Musaeo Petri Dubrowsky. № 233*) [2. С. 116], и тексту предпослано письмо автора, адресованное Гильдебрандту фон Горну, секретарю его датского величества, заканчивающееся фразой «*Scriptis quem nosti*». По каким-то причинам автор не называет себя, и первый издатель «Повествования о Сибири» Гр. Спасский публикует текст как анонимный. Считая ру-

¹ Другие из пришедших к российскому читателю в XIX в. сочинения Юрия Крижанича увидели свет значительно позднее. Ср.: Граматично изказание об руско-му језику попа Јурка Крижаница. – Первоначально в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» (1848. Кн. 1), потом – М.: Унив. типография, 1859; Русское государство в половине XVII в.: Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Безсонов. М., 1859; О промысле (Божием). Сочинение того же автора, как и «Русское государство в половине XVII в.». М., 1860.

копись, принадлежавшую Котовичу, подлинной или, «по крайней мере, вернейшим списком», Гр. Спасский осуществил издание текста на основе именно этой рукописи, но с учетом списка из собрания Петра Дубровского [1. С. V–VI].

Второе издание памятника вышло спустя почти 70 лет: А.А. Титов включил латинский текст и его перевод в сборник «Сибирь в XVII веке» (М., 1890).

В предисловии к этой публикации говорится, что «*Historia de Sibiria*» «замечательна как по своему богатому фактами содержанию, так и по личности автора [2. С. VIII]. «Сочинитель “Истории о Сибири”, – сказано в предисловии, – не назван в подлиннике, но это несомненно – знаменитый славянский патриот XVII века, уроженец Хорватии, католический священник Юрий Крижанич. Как известно, он приехал в Москву в 1659 году, а в 1661 был отправлен в ссылку в Тобольск, где и оставался до 1676 года. В течение пятнадцати лет он, конечно, мог собрать много сведений о Сибири. <...> Всего же более принадлежность “Истории о Сибири” Крижаничу доказывается тем, что почерк поправок в рукописях... совершенно сходен с почерком Крижанича, который известен...» [2. С. VIII–IX].

М.П. Алексеев, собравший и опубликовавший в 30-е гг. прошлого века известия западноевропейских путешественников и писателей о Сибири, считал, что Юрий Крижанич написал «Повествование о Сибири» по поручению датчанина Гильдебрандта фон Горна, дипломата и политического деятеля, письмо к которому предваряет рукопись 1680 г.: фон Горн, выступивший посредником окончательного освобождения Ю. Крижанича после его возвращения из тобольской ссылки, пожелал «воспользоваться глубокою ученостью Крижанича и его сведениями о Сибири, как долговременного жителя там и очевидца, в вопросе столь интересном для тогдашней Европы» [3. С. 76].

Однако теперь имеет место другое объяснение причин, побудивших Ю. Крижанича к созданию сочинения о Сибири [4. С. 172–179]¹.

Выехавший из Москвы вместе с датским посольством Юрий Крижанич весной 1678 г. оказался в Вильне, где был большой доминиканский монастырь с богатой по тем временам библиотекой. Оказавшись в незнакомом городе без средств к существованию,

¹ Далее вся информация о работе Ю. Крижанича над «Повествованием о Сибири» излагается по исследованию Л.Н. Пушкарева [4. С. 171–179].

Ю. Крижанич, как миссионер – «и по образованию, и по своему призванию», обратился за помощью в доминиканский орден. Доминиканцы заинтересовались побывавшим в Московии и даже в далекой Сибири Крижаничем, и виленский провинциал предложил ему постричься в монахи в их орден, пообещав безбедное существование и возможность работы над материалами о его пребывании в Русском государстве. Приняв предложение доминиканцев, Ю. Крижанич тем самым отрекся от своей прошлой жизни и получил новое имя – Августин, под которым он фигурирует в документах, относящихся к последним годам его жизни [4. С. 173].

Работу по описанию Сибири Ю. Крижанич начал по указанию виленского провинциала: видимо, доминиканцы предполагали заняться в Сибири миссионерством.

Естественно, что Ю. Крижанич писал свое сочинение на латинском языке¹. Хотя ему был выделен переписчик, который переписывал набело написанное и после авторской правки изготовлял несколько копий, работа продвигалась медленно и трудно. Но слухи о том, что побывавший в Сибири монах пишет для доминиканцев историю этой страны, распространялись, видимо, самим тщеславным виленским провинциалом. Очевидно, дошли эти слухи и до находившегося в Париже Горна, который послал Ю. Крижаничу письмо с просьбой об этой самой «Истории Сибири». Располагая несколькими готовыми списками, Ю. Крижанич, сделав правку одного из них, предпослал ему обращенное к фон Горну письмо, из которого следует, что автор «Повествования о Сибири» откликнулся на просьбу своего «благодетеля» (*Benefactor meus*) и «освободителя» (*Liberatori meo*) – так именуется в письме фон Горн помнящим обстоятельства своего отъезда из Москвы Ю. Крижаничем..

¹ Ю. Крижанич освоил латынь, обучаясь в Загребской семинарии, выдержал проверку на знание латыни при поступлении в коллегию Конгрегации пропаганды веры [4. С. 10–11]. Предлагая свои услуги царю Алексею Михайловичу, в прошении на имя царя, поданном 27 сентября 1659 г., Ю. Крижанич сообщает, что он в совершенстве знает славянский, латынь, немецкий и итальянский языки, а четырьмя – древнегреческим, новогреческим, польским, венгерским – владеет, т. е. умеет читать и писать, но не может разговаривать [4. С. 85]. И, видимо, не случайно, будучи в ссылке в Тобольске, книгу о посольстве в Китай голландца Петра Ван-Горна для Спафария, по поручению Посольского приказа, Крижанич перевел именно на латынь [4. С. 150–151].

Этот список¹ сохранился и находится в фондах Российской национальной библиотеки (шифр Лат. Q. IV. 66). Именно он стал основным при издании текста «Истории Сибири» А. Титовым (см. выше).

Один из списков «Истории Сибири» был преподнесен автором польскому королю Яну Собескому. Этот список не сохранился, но в литературе есть свидетельство, что данный факт имел место [4. С. 178].

Что касается другого дошедшего до нас списка «Повествования о Сибири», принадлежавшего смоленскому епископу Евстахию Котовичу, то последний получил его благодаря посредничеству своего брата Александра Котовича, настоятеля Виленского собора, с которым Ю. Крижанич познакомился еще в 1647 г., во время первой поездки в Москву. Эта рукопись, также сохранившаяся до наших дней², была основной при первом издании данного сочинения Ю. Крижанича Гр. Спасским, который считал, что посвятительное письмо из этой рукописи было вырезано³.

Появление сочинения Юрия Крижанича о Сибири свидетельствовало о том интересе, который вызывала Сибирь в Западной Европе того времени, поэтому, по мнению исследователей, «Повествование о Сибири» не только (а может быть, и не столько. – Л. Д.) результат научного интереса автора, но и ответ на запросы тогдашней Европы [5. С. 170].

Юрий Крижанич назвал свое описание Сибири «*Historiola de Sibiria*», т. е. «поверхностный очерк» [5. С. 170], а Горну он пишет: «*Sibiriam igitur Tibi, Liberatori meo, non tam describo, quam delibo*» [1. С. VII], т. е. «не описываю Сибирь, а лишь слегка касаюсь». Такова скромная («уничижительная», по мнению В.Г. Мирзоева [5. С. 171]) оценка автором своего труда, который считается историками лучшим из всего, что было написано о Сибири в XVII в., не утратившим ценности и в XX в., ибо «История Сибири» Ю. Крижанича – это

¹ Гр. Спасский и А. Титов владельцем этой рукописи называют П. Дубровского, в книге же Л.Н. Пушкарёва сказано, что список принадлежал Петру Дубовицкому [4. С. 178]. Это расхождение Л.Н. Пушкарёв никак не комментирует, видимо, здесь досадная описка, так как именно Петр Петрович Дубровский, служивший секретарем и переводчиком при русской миссии в Париже, собрал много рукописей, которые были подарены им Александру I и таким образом оказались в Императорской публичной библиотеке [10. С. 218].

² Хранится в Российской национальной библиотеке (шифр Лат. Q. IV.65) [4. С. 179].

³ По мнению Гр. Спасского, об этом говорят остатки двух листов после заглавия [1. С. 6].

«энциклопедическая статья, написанная опытной рукой ученого». «Само построение работы напоминает современные статьи: ... сначала географические факторы и естественные ресурсы страны, затем... экономические и исторические сведения, а также сведения относительно сибирских народностей» [5. С. 171]. Как полагает В.Г. Мирзоев, «своим рассказом Крижанич должен был блестяще оправдать надежды своих заказчиков: Сибирь представлена им во всем многообразии ее климатов, природных богатств и народностей в рамках самого сжатого очерка, отдельные картины которого просто, но мастерски выписанные, придают повествованию живость и занимательность» [5. С. 171].

Будучи образованным человеком, Ю. Крижанич «многое знал, многое видел и еще больше слышал», и его произведение только на первый взгляд может показаться заметками, сделанными для общего ознакомления с малоизвестной страной. В действительности же «Повествование о Сибири» имеет корни в главном сочинении Ю. Крижанича, известном сейчас под названием «Политика»¹: проблематика «Политики» примеряется к Сибири [5. С. 171].

Несколько слов об источниках сведений, сообщаемых Ю. Крижаничем.

В письме к Горну, объясняя, почему он «не описывает Сибирь», а лишь «слегка касается», Ю. Крижанич пишет: «*Neque enim cum ibi essem, horum quidquam literis consignabam. Neque tangam ea, quae hactenus ab aliis prodita sunt: sed quae ipsemet observabam, et debilis retinuit memoria*» – «Потому что я в бытность мою там никаких не вел записок. Не касаюсь и того, что издано в свет другими, а только что я сам заметил и что в слабой моей памяти сохранилось» [1. С. VII]. Безусловно, сочинение Ю. Крижанича оригинально и не несет следов заимствования или компиляции, характерных для писателей того времени [5. С. 172], однако и «изданное в свет другими» было ему, конечно, известно.

Много занимавшийся изучением творческого наследия Ю. Крижанича А.Л. Гольдберг в статье «Сочинения Юрия Крижанича и их источники» [7. С. 117–130], перечислив книги, которыми тот пользовался при работе над «сибирскими сочинениями» [7. С. 129], подчеркивает, что подбор книг, сохраненных Крижаничем в ссылке, не был случайным, а определялся замыслами, сложившимися у него

¹ «Политика» впервые была опубликована П.А. Бессоновым под названием «Русское государство в половине XVII в.». См. выше прим. 2.

еще до приезда в Россию. Состав «тобольской библиотеки» Крижанича свидетельствует об уровне его знаний и той базе, на которую он опирался в своих книгах: с одной стороны, эта библиотека дает возможность увидеть важное для характеристики самого Ю. Крижанича «умение извлекать необходимый материал из самых разнообразных сочинений, критически подойти в этим сочинениям, вскрыть слабые стороны автора и опровергнуть его ошибочные положения, умение подкрепить свои взгляды ссылками на авторитетный труд» [7. С. 130], а с другой – «позволяет с... точностью установить, что именно в трудах Крижанича является безусловно оригинальным и поэтому представляет ... наибольший интерес» [7. С. 130].

Начав работу над «Повествованием о Сибири», Ю. Крижанич не обнаружил в библиотеке доминиканского ордена литературы, которая была бы ему полезна, поэтому он написал о том, чему был очевидцем и что слышал от очевидцев [4. С. 176]¹. В тексте есть упоминание о некоторых из тех людей, с кем автор общался, хотя и без указания имен.

Ср., например: «*Vidi ipse hominem, qui primus supra Lenam munitionem extruxit provinciamque illam suo Regi tributariam fecit*» – «Я сам видел того человека, который первый построил на реке Лене город и сделал тамошнюю область подвластною своему царю» [1. С. 5]; «... *miles quidam gregarius... collegit turmam sociorum, ... pervenerunt ad flumen Selengam, ... munitionem extruxerunt... ad Regem miserunt nuntios cum muneribus (in quibus erat ipsemet negotii auctor a nobis visus et nobis collocutus)*» – «... один рядовой солдат..., он собрал роту товарищей, ... достиг с ними до реки Селенги, ... выстроили крепость... отправили к царю с подарками послов (между которыми был и сам начинщик дела, мною виденный и со мною разговаривавший» [1. С. 40]; «*Referam hic de quodam Calmaco historiolum, quam ab eximiae auctoritatis et fidei viro teste oculato recitatum audiavi*» – «Я помещу здесь известие о некотором калмыке, слышанное мною от почтенного и достоверного мужа, бывшего очевидным тому свидетелем» [1. С. 11]; «*Quidam autem curiosus enix-*

¹ Некоторые исследователи, хотя и признают, что основным источником для Ю. Крижанича были свидетельства очевидцев, предполагают все же, что Крижанич «записывал многое из тех сведений, которые получал», так как «его «слабая память» не удержала бы и десятой доли тех обильных сведений (не говоря уже о цифровых), которые он приводит, особенно если иметь в виду его подорванное годами и ссылкой здоровье» [5. С. 171].

ius illud probare conatus est et affirmabat...» – «Некто из любопытных старался испытать оное подробнее и утверждает...» [1. С. 19].

Ср. также: «*Exemplum fidelitatis Calmacorum insigne vidi* (здесь и далее выделено мною. – Л. Д.)» – «Я видел особенный пример верности калмыцкой» [1. С. 16]; «*Ipse vidi vasa argentea eo modo effosa*» – «Я сам видел выкопанные таким образом серебряные сосуды» [1. С. 22]; «*Presbyter quidam erat Ienisseii, nomine Demetrius, a natura abstemius et integerrimus vir, mihi familiariter notus; a cuius filio adolescente permodesto optimeque educato haec audiebam*» – «В Енисейске был некоторый священник, именем Димитрий, муж от природы воздержный и очень честный, с которым я был коротко знаком, и от сына его, скромного и хорошо воспитанного юноши, о сем слышал» [1. С. 12]; «*Hinc quidam Taisae (et me quidem ibi praesente duo)... pacti sunt Domino Moscorum Regi tributum pendere*» – «Ныне некоторые Тайши (и даже в бытность мою там двое)... обязались Государю Московскому Царю платить дань» [1. С. 14]; «*Erat Mosquae Medicus quidam, mihi notus familiariter*» – «В Москве был некоторый коротко мне знакомый Медик» [1. С. 25].

Сочинение Ю. Крижанича о Сибири представляет интерес не только с содержательной стороны: будучи памятником неолатинского языка XVII в. «*Historia de Sibiria*» заслуживает анализа как образец ученой латыни того времени. Не случайно в свое время Н.Д. Численко, полагая, что «новолатинские чтения» открывают «связи русской образованности с длительной традицией европейской культуры», и говоря о необходимости изучения неолатинских сочинений русских и украинских писателей, среди прочих заслуживающих внимания имен назвала и Юрия Крижанича [8. С. 481].

Остановимся на особенностях орфографии¹ в «*Historia de Sibiria*».

Обращает на себя внимание некоторый разноречивый в использовании диграфа *ae*.

Отмечается написание *ae* в приставке *prae-*: *praecipisti* [VII]²; *praenobilem* [VII]; *praestantiores* [5]; *praestantissimi* [8]; *praedicto* [10];

¹ При этом мы целиком доверяемся первому издателю текста Гр. Спасскому, который в предисловии своем пишет, что «при списывании» держался рукописи, «почитаемой... подлинной» [1. С. VI].

² Здесь и далее все ссылки на латинский текст сочинения Юрия Крижанича даются по изданию Гр. Спасского 1822 г. Цифра в скобках – номер страницы в этом издании.

praedicti [22]; *praememoratum* [24]; *praescriptus* [30] и др. Ср. также: *prae aliis* [2], *prae nostratibus* [14].

Регулярно пишется *ae* в окончаниях существительных и прилагательных I склонения: *incolae* (*vescuntur*; *vestiuntur*) [5]; *leucae ferecentum* [1]; *rotundae naues* [6]; *vulpinae (pelles)* [8]; *agriculturae et mercaturae student* [18]; *coram curiae ministris* [21]; *quidam Taisae* [14; 17]; *a misericordiae operibus* [29]; *singulae gemmae (sunt)* [20]; *a fonte Turae fluminis* [1] и т. д.

В то же время есть написание *e* вместо классического *ae*: *equipollet* [2]; *presidiorum* [7]. Ср.: *adaequet* [20]; *praesidiis* [4]; *Moscicum praesidium* [6]; *praesidium alio deductum* [6]. Но *redibat ad caenas* [28] вместо классического *cena*.

Вариант *fecibus* [19] предпочитается форме *faecibus*, но *faeni* [7], *faenum* [14] — варианту *fenum*.

В ряде случаев *ae* пишется вместо классического *oe*: *ad praelia deueniebant* [4]; *procedunt ad praelia optime armati* [14]; *oppugnare milites caeperunt* [37]; *maenibus cinctum* [41]; *ad exigendas... paenas* [15]; *quasi Phaenicem* [27]; *quasi ad pacis tractanda faedera euocatus* [4]; *de tranquilla vicinitate faedus* [39]; *faederis de futura negotiatione ineundi* [39]; *ex faedo facinoris commotus* [40]. Ср. *de coelo* [10] при правильном *caelitus* [27] и *caelites* [27].

Постоянно смешиваются в написаниях *v* и *u* (последняя, как известно, была введена еще в XVI в. для обозначения гласного звука).

V вместо *u*: *ut* [11; 12; 13; 14; 20; 30; 32]; *vnaquaque* [8]; *in Vrbe* [27]; *urbem regiam Pekinum* [41]; *vtrum* [17]; *vtramque* [8]; *vtroque* [8]; *vtisque* [9]; *vsque* [13; 38]; *sev* [7]; *vtuntur* [10; 14]; *suo vsu* [8]; *vsus pecuniae* [17]; *vnus* [15]; *vnium... Taisam* [14]; *vno loco* [13]; *vno continuo Oceano* [41]; *vnium habebant Principem* [15]; *vna secum* [12] и др. Ср.: *urbem* [28]; *in hac vestra urbe* [28]; *per viam Urbanam* [29]; *in suburbio* [15]; *in suburbio Germanico* [25]; *unaquaqueque* [4]; *utantur* [18]; *usum* [19]; *una cum... radicibus* [20]; *utrinque* [18]; *seu* [14; 20]; *una hora* [12]; *unus venator* [8]; *ut* [3; 27; 28; 29].

U вместо *v*: *naues* [6]; *nauium* [17]; *naugia* [17]; *nauigatur* [1]; *in nauibus* [19]; *aues* [8]; *niuem* [10; 14]; *stiuas* [7]; *oues* [13]; *ad fluium* [3]; *aduersum* [2]; *noui* [32]; *diuersorum* [28]; *arma igniuoma* [4]; *tormenta igniuoma* [7]; *breuiiores* [8]; *breuioribus* [14]; *leuissimo* [17]; *leuissimis* [5]; *exulau* [VII]; *reuisere* [2]; *cerui* [5]; *ceruinam carnem* [5]; *auellanae nucis* [20]; *ciuitatem* [28]; *clauem* [28]; *interuallum* [1]; *deuitantes* [2]; *obturaerat* [24]; *avidus* [27]; *puluerem* [28]; *captiuus*

[25]; *reuerendissime* [27]; *reuelaturum* [25]; *prouicialibus* [40]; *curuatis* [14]; *expediuit* [29]; *exclamauit* [30]; *suauiissimum (odorem)* [19]; *asse-ruamus* [10]; *saluari* [11]; *saluatorem* [12].

Ср.: *prouincia* [многократно] и *provincias* [4]; *perueniunt* [1], *superueniente* [4], *euenturis* [7], *aduenisti* [39], *proueniunt* [8], *adueniret* [16], *aduenerat* [22], *interueniret* [23], *inuentam* [23], но *venerat* [30], *pervenissent* [3], *superuenit* [30], *invenitur* [30]; *absoluitur* [17], *soluunt* [18] и *resolvas* [27]; *uolidam* [2] и *valde* [1]; *priuilegia* [3] и *privilegiis* [2]; *tresue* [13, 38], *siue* [2; 3; 15; 17; 20] и *terve* [6], *sive* [17]; *inuoco* [30] и *vocatur* [9], *vocant* [8]; *aduersum* [2], *aduerso* [17], *diuersorium* [15] и *adversus* [32], *versus* [2], *conuersus* [11]; *prouidentia* [1] и *vidisset* [3], *vidi* [16]; *aduectant* [19; 20] и *advectant* [19].

Ср. также: *Voieuodae* [7]; *uiuos* [4], *e uiuis* [4]; *uiuunt* [2], *superuiuens* [12], *uiuentibus* [15], *uiuo* [30], *conuiuus* [22], но *vivacissimi* [8], *conviva* [23] и *conuiuam* [23].

Установить какие-то закономерности в использовании букв *v* и *u* трудно, хотя можно заметить, что в окончаниях, как именных, так и глагольных, всегда пишется *u* (*-us*, *-um*, *-ibus*, *-tur*), а в основе перфекта *u* часто заменяет *v* (*expediuit* [29], *exclamauit* [23; 30]; *errauit* [32]; *fabricauerunt* [3]; *ablegauit* [4]; *noui* [32], *audiui* [11]; *decreuerat* [12]; *excreuerunt* [14]; *inaudiuerunt* [16]; *postulauerint* [17]; *repleuerat* [24] и др.), причем не только в регулярных глаголах.

Есть путаница в использовании двойных согласных. При многочисленных правильных написаниях в ряде слов пишется один согласный *u*, наоборот, в некоторых словах используются две согласные вместо одной.

См.: *quatuor* [8, 38]; *imo* [32]; *litteras* [39]; *solertiae* [16]; *cinnamonum* [19]; пожно посчитать ошибкой написания *appelunt* [17] и *vasa effosa* [22], поскольку есть *appellunt* [9], *appellere* [42] и *vasa effossa* [22]; перфектные формы *reperunt* [2], *reperisse* [21], *reperi* [28] считаются вариантными. Ср. *solennioribus* [10] (при классическом *sollemnis*), где имеют место два процесса: упрощение *-ll-* и удвоение *-nn-* в результате ассимиляции в группе *-mn-*.

С другой стороны, отмечены формы, которые можно считать своего рода гиперкоррекцией: *littora* [13], *littore* [17; 18], *(in) littoribus* [42]; *illico* [12; 21] – возможно, под влиянием *illic* [5], *illinc* [4; 18], *illuc* [10; 14], где *-ll-* в написании было обычным; *tria millia* [2], *octo millia* [22] – под влиянием *mille*. Ср. также: *oportere* [12]; *Vassallus* [2] и *vassalum* [3]; *supra flumen Isettum* [21].

Имеет место рекомпозиция приставок: *adlatum* [28], *adpersit* [28], *adsutum* [10], *adstruent* [30], *adferrent* [22], *adfuisse* [39] (ср. *adsum* [27]). Ср.: *alluitur* [5], *allui* [41], *alluit* [41]; *assumpsit* [5], *assumptos* [16], *assumam* [39]; *asseruant* [10]; *assereret* [29; 31]; *assignatur* [15]; *affirmabat* [19], *affirmarunt* [19].

Есть пример упрощения групп согласных (с последующей ассимиляцией): *tentassent* [22], *tentationem* [31] вместо *temptassent*, *temptationem*. Ср.: *redemptionem* [4], *promptum* [15; 17], *assumptos* [16].

Не всегда отражается ассимиляция носового *m* перед зубным *d* в местоимениях: *quemdam* [2; 11; 13; 28; 39], *quamdam* [12]. Ср.: *eamdem* [13], *eundem* [24]. В положении же перед *qu* в местоимениях и наречиях регулярно пишется *n*: *quanquam* [8], *quandocumque* [16]; *quocumque* [16]; *utrinque* [18]; *quotiescunque* [30]; *tanquam* [30]; *nunquam* [8].

Еще один пример ассимиляции – *connomento* [30] (*quemdam Graecum connomento Spatharium*). Ср. *cognomento* [2] (*quemdam salis negotiatorem, hominem locupletem, cognomento Strogonem*).

Особый интерес представляет написание нелатинских слов, в частности русских, употребление которых обусловлено темой сочинения.

Звук [к] передается в таких словах буквами *k* и *c*, звук [г] – буквами *g* и *h*, звук [х] – сочетанием *ch*.

а) *Ad flumen Kamam* [1] и *ad Camam* [2], *ad oppidum dictum Salinae Camensis* [1]; (*in Krasnoiaro* [40], *Krasnoiarum* [7; 17]; *Kuzencii* [7]; *cedrum vocant* [8] и *Kidr* [8, в сноске]; *Kreczetos (vocant)* [8]; *tuguria, quae Kibit vocant* [13]; *pannos..., quos Mosci Kitaicas vocant* [19]; *et Turcicum Kaue* [19]; *nomine Azbakeium* [20]; а *Calmacia* [1], *Calmaci* [9] и другие формы этих наименований пишутся только через *c*; *kocz* [6]; ср. также: *Paulo Potocio Castellano Camenecensi* [25]; *in Crimea* [13]; *Kitaj* [41], *Kitajum* [41], *ad Katajum* [42], *ex Cataio* [42], *usque ad Cataium* [13], *in Cataium* [16, 17], *Rex Cataii* [38], *ad Cataium* [39], *Cataium* [18]; *Cataienses* [19]; *Tabacum Cataiensem* [19], *Cataiensis Tabaci folia* [19]; *Pekino* [39], *Pekinum* [41]; *urbem Kambalik* [41]; *Nikaniem* [41]; *Nikaniae* [42]; *Cozaci* [3; 4], *cum cozacis* [4], *a cozacis* [4] и а *Kozacorum praetore* [4]; *Cuczum* [4]; *in Casanensibus campis* [11]; *Ostiaci* [6]; *Knezios* [6].

Этноним *Mosci* [4; 5], многократно употребленный в различных падежных формах, и его производные пишутся только через *c*.

6) *Vagulci* [6]; *slugam* [3]; *Strogonem* [2]; *Mangasia* [6]; *Selengae* (Gen.) [42]; *ad flumen Selengam* [40]; *circa ripas Selengae fluminis* [16]; *supra fluvium Singalum* [37]; *per Singali ostium* [42]; *Mahometani* [9], *Mahometanae* [18]; *ex Hollandia* [23] (ср. также *Humnos* [15]; *Herulos* [14]).

Во фразе «*ho, ho, domine Pontificie, recte aduenisti*» [30], возможно, «*ho, ho*» отражает русское «хо-хо», и тогда написание *Astrachaniae finibus* [13] может быть вариантом, а не опiskой (см. ниже).

в) *Astrachaniam* [1; 21; 39], *ad fines Astrachaniae* [8], *ad Astrachaniam* [28]; *oppidum Verchoturiam* [1; 7], *a Verchoturiam* [1; 9]; *Turuchano* (Abl.) [5]; *Buchari* (Nom. Pl.) [20], *Buchari natio* [18], *Bucharorum negotiatores* [18], *alium Bucharum* [20], *quidam Bucharus* [22]; *cholospos* (Acc.) [3]; (*vocatur*) *Patriarcha Kutuchta* [9]; *a portu Sancti Michaelis Archangeli* [41].

Ср. также *ad Chinam* [6], *Chinam* [41] «Китай»; *Alchimistae* [27], *ad Alchimiae studium* [28], *ad Alchimiam* [28], *de Alchimistis fabella* [25], *Alchimistarum* [27].

Написания *sachari* (Gen.) [19] и *sacharo* (Abl.) [19] можно, видимо, считать русификацией латинского *saccharon* (-um) «сахар» [9. С. 679].

Русские шипящие передаются по-разному: [ш] через *s* и *sc*, [ч] через *c* и *cz*.

а) *Supra fluvium Singalum* [37], *per Singali ostium* [42], *circa Singali... aut alterius fluminis ostia* [42]; *Taisa selengensis* [16] (многokратно зафиксированы разные падежные формы); *Samani* [6], *Samanus* [7]; *Seitannici* [6], но *Irtiscus* [1], *in Irtisci ripa* [1], *in Irtiscum* [3], *per Irtiscum* [6], (*secundo*) *Irtisco* [9], (*aduerso*) *Irtisco* [9].

6) *ad... Nercinum* [2], *Nercin* [38], *ad Nercine praefectum* [38], *a Nercino* [38], *cum potestate Nercincundorum finium* [39], (*Provinciae*) *Nercinensis* [41]; *ad oppidum Vicegdam* [2]; *ciaj* [19] «чай», но *Kreczetos* (*vocant*) [8], *Kocz* [6], *in curia Czartkovo* [25], *Kuczum* [4].

Русское [ц] передано сочетанием *tz*: «*num auditu aut lectu percipissem famam de Altin Tzar*» [15].

Русское [з] передается буквой *z*: *nouam Zemlam* [6]; *Ziriane* [6]; *supra fluvium dictum Abazin* [40]; *Abazini* (Gen.) [42]; *mandza* [9; 10]; (*de*) *Vezurta Taisa* [15]; *cozaci* [3; 4 и др.] и *Kozacorum* [4]; *quos Knezios vocant* [6]; *ab Brezouia* [41]. Ср. также *baptizari* [11, 12], *baptiza* [12]; *cathechizatum* [12], *cathechizari* [12]; *nomine Azbakeium* [20] и *Asbakeius* [21].

Русское [в] передается через *b*: *Monachus... vocabulo Iob* [21; 22]; *presbyter* [11]. Возможно, здесь отражается влияние новогреческого языка, как и в имени *Spatharius* [39].

Есть особенности и в обозначении русских гласных.

Так, русское [ы] передается через *i*: *Irtiscus* [1], *Vicgdam* [2], *urbem Kambalik* [37], *Altin Tzar* [15]; *imeniti liudi* [2].

Сочетания *ia*, *iu* после согласных соответствуют русским *я*, *ю*:

а) *ciaj* [19]; *ostiaci* [6], *ziriani* [6]; ср., однако: *(per) Obiam* [6], *in Obiam* [9], *ab ostio fluminis Obiae* [41]; *Badian* [19];

б) *liudi* [2].

Но ср. *Tumenum* [7], *Luterus* [31], в которых русское *ю* передано латинской буквой *u*.

Буква *y* в русских словах передает [и] и [й]: *syrota* [2], *syrotam* [3]; *twoy* [2], где используется такая же буква *w*. Ср. также *quantocyus* [12], где *y* заменяет *i*, и *Gossipium*, *Gossipinos* [19] «хлопчатник», где *i* написана вместо *y* (см. [9. С. 351]).

Привлекает внимание название сибирского города *Березов*: *Bre-souia* (Abl.) [5] и *ab oppido Brezouia* [41], где на месте полногласного *-epe-* обнаруживается неполногласное *-pe-* (*re*). Очевидно, здесь отражается южнославянское неполногласие родного языка автора.

Таковы особенности орфографии Юрия Крижанича, зафиксированные в первом издании рукописи «*Historiola de Sibiria*» (1822 г.).

Литература

1. Повествование о Сибири: Латинская рукопись XVII столетия, изданная с российским переводом и примечаниями Григорием Спасским. СПб., 1822.
2. Титов А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.
3. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск, 1941.
4. Пушкинцев Л.Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1984.
5. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. М., 1960.
6. История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов, Киев, сентябрь 1983 г.: Доклады советской делегации. М., 1983.
7. Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6.
8. Численко Н.Д. Новолатинская литература и университетское образование // Античность и современность: К 80-летию Федора Александровича Петровского. М.: Наука, 1972. С. 477–481.
9. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 1986.
10. Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1898. Т. 11.

ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РИМСКОГО СОЦИУМА ПЕРВОГО ВЕКА

А.А. Елагина

Омский институт терминологии и перевода

Основным литературным источником изучения римского *socium*'а первого века являются работы Плиния Младшего, которые также можно дополнить материалами произведений других авторов литературного сообщества I в. н. э. Плиний Младший, уделивший большое внимание историческому наследию Тацита, был ближайшим его современником и другом. Плиний Младший был моложе Тацита (Plin. Epist. VII. 20)¹. Он родился в 61/62 г. н. э. в небольшом городе Комо (Como), расположенном на берегу озера Лария (ныне озеро Комо), в состоятельной семье. О своих родителях Плиний Младший упоминает в письме к Фабату (деду жены), в котором пишет о продаже части наследства в окрестностях Ларии сестре Плиния Младшего – Кореллии. В связи с этим он сообщает: «Я предложил ей любое из многих поместий и за любую цену, кроме доставшихся мне от матери и от отца» (Plin. Epist. VII. 11). Этот пример говорит о том, что Плиний Младший, почитая родителей, дорожил наследством, от них полученным.

Начальное образование Плиний Младший получил в своем родном городе Комо. Затем, как это было принято, для продолжения образования переехал в город Рим и стал учиться не у частных риторов, а в государственной риторической школе, где его учителем риторики был Марк Фабий Квинтилиан. Плиний Младший, как известно, учился и у прославленного греческого ритора Никета Сацердота (Plin. Epist. VI. 6)².

Плиний Младший был племянником знаменитого естествоиспытателя Плиния Старшего Гая Секунда (Plinii Caecilius Secundi), осо-

¹ Соколов В.С. Плиний Младший: Очерк истории Римской культуры времен империи. М., 1956. С. 128–129; Тронский И.М. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит: В 2 т. Л.: Наука, 1969. Т. 1. С. 204; Письма Плиния Младшего. М.: Наука, 1984. С. 274.

² Кузнецова Т.И. «Панегирик Траяну» Плиния Младшего // Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М.: Наука, 1976. С. 211.

бенно известного своим произведением «Естественная история» («*Historia naturalis*») в XXXVII книгах. Плиний Старший погиб при извержении Везувия в 79 г. н. э. Его племянник, Плиний Младший, очевидец этого извержения, наблюдал за огнедышащей горой с противоположной стороны Мизенского залива. «Ему тогда было всего восемнадцать лет, и он только что блестяще окончил школу красноречия самого Квинтилиана. Весь Мизенум, где тогда жили Плинии, был в волнении... а Плиний спокойно читал Тита Ливия, делал из него выписки»¹ по рекомендации дяди. Плиний Младший пишет: «Дух мой содрогается, о том вспоминая» (Plin. Epist. VI. 20).

Известно, что по завещанию Плиний Младший был усыновлен Плинием Старшим. После его гибели он унаследовал имя своего дяди и стал именоваться Гай Плиний Цецилий Секунд – *Gaius Plinius Caecilius Secundus* (Iunior), или просто – Плиний Младший. После всех этих событий Плиний Младший переехал в Рим. Еще совсем юным он практиковался в судебных делах, застав Тацита во главе адвокатуры². Опекуном Плиния Младшего был Вергиний Руф. Известен также друг Плиния Младшего – Юний Маврик, брат Арулена Рустика³.

В Риме Плиний Младший продолжает думать и беспокоиться о своем родном городе Комо, хлопотать об открытии там школы, одновременно занимаясь поиском преподавателей для нее из среды многочисленных литераторов (Plin. Epist. IV. 17). Известно также, что Плиний Младший подыскивал учителя для сына Кореллии Гиспуллы, дочери Кореллия Руфа: «Надо поискать латинского ратора, школа которого известна строгостью нравственных правил и прежде всего целомудрия» (Plin. Epist. III. 3), рекомендуя сына Юлия Генитора.

Плиний Младший писал судебные и политические речи, они не сохранились, так же как и его поэтические произведения. Основные его труды, которые дошли до наших дней и характеризуют римское общество, особенно его элиту, это «Письма» и «Панегирик импера-

¹ Успенский К.Н. У наместника провинции во II по Р. Х. // Книга для чтения по древней истории. Ч. III. Рим – Империя. Для III – IV классов средне-учебных заведений: Сборник статей / Под ред. А.М. Васютинского, М.Н. Ковалевского, В.Н. Перцева и К.В. Сивкова. М.: Историческая Комиссия Учебного Отдела О.Р.Т.З.; Задруга, 1915. С. 260.

² Письма Плиния в изложении А. Черча и У. Бродриппа // Сборник древних классиков для русских читателей. СПб., 1876. С. 79.

³ Там же.

тору Траяну»¹. И.М. Тронский называет «Панегирик императору Траяну» «царской речью»². Плиний Младший «высоко ценил занятия историей, считая, что среди всех видов литературы лишь она одна доставляет истинную и прочную славу»³. Особенно интересна для нашего исследования X книга «Писем» («Epistulae») Плиния Младшего, содержащая его переписку с императором Траяном. Книга дает описание материальной и духовной жизни высших слоев римского общества, его элиты, конца I – начала II в. н. э.⁴ Плиний Младший как литературный деятель выдвинулся при Нерве, преемственном императором в 96 г. н. э., и при Траяне, который унаследовал императорскую власть. В 98 г. н. э. Плиний Младший получил известность как судебный оратор. К 100 г. н. э. он достиг высокой государственной консульской должности, при вступлении в которую он произнес хвалебную речь в честь императора – «Панегирик». Эта речь затем была литературно обработана, дополнена и издана как «Панегирик императору Траяну», состоящий из 95 глав, полных прославления «монархической» власти императора Траяна. Кроме «Панегирика», написанного в жанре «царской речи», как мы уже заметили, Плиний Младший трудился и в эпистолярном жанре. Его «Письма» сохранились в десяти книгах. Важно отметить переписку Плиния Младшего с императором Траяном в 111–113 гг. н. э., когда Плиний Младший был императорским легатом на востоке Римской империи – наместником провинции Вифинии. В этот период как раз и была создана названная книга, в которую вошли письма, написанные по специальному поручению императора Траяна. Они являются богатым источником изучения римского общества императорского периода. Что же касается стиля, то Плиний Младший в основном является поклонником Цицерона. Время, описываемое Плинием Младшим, – это правление императора Траяна, который, покровительствуя занимающимся литературой, создал библиотеку в Риме, в «Базилике Ульпия», в специально построенном помещении. Плиний

¹ См., например: *Сергеенко М.Е.* О Плинии Младшем // *Письма Плиния Младшего.* С. 274–282; *Соколов В.С.* Панегирик Плиния Траяну // *Письма Плиния Младшего.* С. 283–285.

² *Тронский И.М.* История античной литературы. 3-е изд., испр. Л.: Учпедгиз, 1957. С. 453.

³ *Маркиш С.П.* Плиний Младший // *СИЭ.* М.: Сов. энцикл., 1968. Т. 11. С. 223; см. также: Плиний Младший – литературный деятель времен Нервы и Траяна: Исследование на степень магистра С. Опацкого. Варшава, 1878. 273 с.

⁴ См.: *Сергеенко М.Е.* Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. С. 354.

Младший был хорошего мнения об императорах, особенно Траяне, при котором образованные люди получили возможность свободно заявлять о себе, своих убеждениях, как, например, это сделал Публий Корнелий Тацит в своих «Анналах» и «Историях»¹.

Плиний Младший, как уже отмечалось, ценил занятие историей, поэтому не случайно он особенно восторгался историком Тацитом, переписывался с ним, отсылал ему свои труды для критики, и всегда был доволен авторитетной оценкой Тацита: «Nunc a te librum meum cum adnotationibus tuis exspecto. O iucundas, o pulchras vices!» (Plin. Epist. VII. 20). В то же время Тацит посылал Плинию Младшему некоторые свои работы для ознакомления. Плиний Младший прозорливо сулил историческому труду своего современника Тацита бессмертие, называя его знаменитым историком (Plin. Epist. VII. 33), и, как представитель эпистолярного жанра того времени, посвятил ему одиннадцать писем² и в четырех³ его упомянул. Плиний Младший положительно оценивал работы Тацита, отмечал их важность. Историк римского общества Тацит, к которому обращено наибольшее количество писем Плиния Младшего, обрисован им как крупный общественный и литературный деятель того времени⁴. Плиний Младший обращается к своему другу, коллеге с просьбой увековечить и его имя, особенно в связи с выступлением на процессе Бебия Массы, наместника провинции Бетика, привлеченного к суду в 93 г. н. э. по жалобе провинциалов. Это выступление Плиний Младший расценивал как проявление доблести и гражданского мужества (Conf.: Tac. Agr. 45; Tac. Hist. IV. 50; Plin. Epist. III. 4). Плиний Младший писал: «Предсказываю – и мое предсказание не обманывает меня, – что твои «Истории» будут бессмертны, тем сильнее я желаю (откровенно сознаюсь) быть включенным в них». – «Auguror, nec me fallit augurium «historias tuas immortales futuras»; quo magis illis (ingeniae fatebor) inferi cupio» (Plin. Epist. VII. 33). Для этой же цели он сообщает в письме к Тациту обстоятельства гибели своего дяди Плиния Старшего при извержении Везувия 24 августа 79 г. н. э. и свои собственные переживания в тот момент, лет тридцать спустя: «Ты просишь меня описать тебе гибель моего дяди; хочешь точнее

¹ Письма Плиния Младшего в изложении А. Черча и У. Бродриппа. С. 206.

² Plin. Epist. I. 6,20; IV.13; VI. 9,16,20; VII. 20, 33; VIII.7; IX. 10,14.

³ Plin. Epist. II. 1, 11; IV. 15; IX. 33.

⁴ Соколов В.С. Плиний Младший. Очерк истории Римской культуры времен империи. С. 126.

передать о нем будущим поколениям. Благодарю; я знаю, что смерть его будет навеки прославлена, если ты расскажешь о ней людям» (Plin. Epist. VI. 16)¹. Плиний Младший, отмечая работы Тацита, подчеркивал важность их для истории. Он верил, что и в последующие времена будет высок авторитет Тацита как историка. Это единственные известные нам отклики современника Тацита на его историческую деятельность.

Плиний Младший занимался не только перепиской с друзьями на исторические и литературные темы, он был еще и членом императорского совета, присутствовал в Риме на их заседаниях. Но все же основным его увлечением была литература. Плиний Младший писал о своих современниках, воссоздавая их «портреты» и вместе с тем «облик» самой описываемой эпохи, самого римского общества, его верхов, римской элиты. Литературные произведения Плиния Младшего, особенно его «Письма» – это своего рода «документ» событий, которые происходили и в Риме и в восточных провинциях Римской империи, таких как Вифиния и Понт, в период его наместничества по направлению императора. Из «Писем» Плиния Младшего известно в некоторой степени его семейное положение. Он был женат. Его отношение к супруге – образец отношения мужа к жене в римском обществе. Об этом можно судить по его письму к тетке и воспитательнице его жены, полному уважения к женщине (Plin. Epist. IV. 19)², а также по письму к императору Траяну, написанному из восточных римских провинций о том, что он выписал без предварительного согласования с Траяном служебный пропуск своей жене на проезд по семейным делам³. Плиний Младший пишет: «Я счел жестокостью отказать в пропуске моей жене, когда, узнав о смерти деда, она пожелала уехать к своей тетке: услуга эта обеспечивала ей быструю езду, и я знал, что ты одобришь путешествие, предпринятое по велению родственной судьбы» (Plin. Epist. X. 120). Император Траян, как известно, поддержал использование Плинием Младшим служебного пропуска для жены в личных целях в сложившейся ситуации: «Жене твоей, конечно, надлежало облегчить путь пропусками, которые я дал тебе для служебного пользования» (Plin. Epist. X. 121).

¹ Conf.: Syme R. Tacitus. Oxford, 1958. P. 118.

² См.: Сергеев М.Е. О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего. С. 281.

³ См.: Елагина А.А. Личные связи императора Траяна и наместника Вифинии (по Плинию Младшему) // Известия Алтайского гос. ун-та. Барнаул, 2007. Т. 4, №2. С. 55.

Политические и философские взгляды и убеждения Плиния Младшего близки к традиционным взглядам сенатской знати, которая в основном была оппозиционно настроена по отношению к императорам правящих династий Юлиев-Клавдиев и Флавиев, но в конце концов он, по-видимому, примирился с властью императоров, особенно Нервы и Траяна. В исследовании истории римского общества I в. н. э. основным источником наряду с историческими трудами Публия Корнелия Тацита являются и литературные труды Плиния Младшего¹, который сотрудничал не только с Тацитом, но и с другими коллегами, «рассчитывая найти союзника» (*habere socium*) (Plin. Epist. VI. 17) в своей литературной работе.

¹ О Плинии Младшем см.: *Елагина А.А.* Римское общество в историко-литературных источниках I в. н. э. Омск: Омский гос. ун-т, 1998. С. 3, 10–15, 19–22, 25–29, 45, 66, 77, 79, 80, 87, 89–92, 94, 95, 97–99, 102–112, 133, 138–140, 151, 176–178.

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В.П. Завьялова

Московский государственный университет

Александрийская поэзия, как известно, не только определенный этап в историческом развитии античной литературы, но и определенное направление, школа, сложившаяся в ходе исторического литературного процесса, представляющая собой особый *эстетический феномен*, характеризующий новый, по сравнению с классикой, стиль в эволюции эстетической культуры, эстетических форм. Сам термин «александрийская поэтическая школа» (Alexandrian school)¹ был введен в антиковедение в 50-е гг. XIX в. Дональдсоном, широко распространен в XIX – начале XX в. и имел такое же толкование, как «немецкая школа», «французская школа» и т.д.

Александрийская поэзия отражает смену ценностных ориентиров в греческом мире при переходе от классики к эллинизму. Дух учёности и ремесла, внимание к слову, тщательность отделки стиха, использование художественного опыта предшественников – всё это становится творческой установкой поэта. Утончённый эстетизм, *cupiditas rerum novarum* (страсть к новому) порождают в поэзии *эстетический рационализм*, когда поэт стремится к оригинальности, эффекту, монументальности и в то же время «тонет» в передаче бытовых мелочей повседневной жизни (недаром ряд учёных, например Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф [2. S. VI], сравнивали эпоху Птолемея со временем европейского барокко). Эллинистическая поэзия, базируясь на всей предшествующей греческой литературной традиции, в то же время наиболее антитрадиционна: меняется культурная ориентация господствующей идеологии, а с ней не только жанровая и стилистическая структура литературы, но – и это главное – самый *вектор оценки* литературного творчества. Александрийская поэзия – это городская книжная поэзия, порож-

¹ В настоящее время наряду с термином «александрийская поэтическая школа» в науке широко используются термины «раннеэллинистическая» и «эллинистическая» поэзия.

денная культурой большого города и обращенная к интеллектуальной элите, когда в условиях изменившегося общекультурного фона, изменившегося городского языкового быта письменная речь становится престижнее устной, что влияет на развитие самого языка. Усложняется внутренняя система языка; медленный процесс накопления нового семантического качества приводит к расширению его смысловой перспективы. Впервые в поэзии александрийцев главный акцент переносится на *слово*, его полисемию и диалогичность, как мы бы сказали в наши дни. Потребности эллинистической поэзии были специфически послеклассическими, речь шла, как писал один из современных исследователей [3. С. 329], о пробуждении слов, затертых обиходом и застывших в традиции.

Раннеэллинистическая поэзия, как известно, во все времена считалась поэзией книжной, ученой. Она создавалась поэтами, которые в силу исторических условий были в то же время первыми профессиональными критиками. Впервые в истории античной литературы возникающая оппозиция «автор – критик» еще не разводит автора и интерпретатора в разные стороны, ставя перед ними свои собственные для каждого цели и задачи, но они объединены в одном лице, представляя собой определенный тип творческой индивидуальности, александрийский ποιητὴς ἄμα καὶ κριτικός (букв.: «поэт, способный разбирать, судить, оценивать»). Именно так впервые Страбон (Strab. XIV, 11, 19) называет первого александрийского поэта Филета Косского. Столетия спустя римляне таких поэтов назовут *poetae docti* (Cic. De natura deorum, I, 60). Идеино-эстетические принципы новой поэтики, сформулированные Неоптолемом (ок. 225 г. до н.э.), по свидетельству Порфирия, легли в основу поэтики Горация. Но ни сам труд Неоптолема, ни наработки александрийцев в виде некоего свода в этой области до нас не дошли. Однако само творчество александрийцев, их суждения, оценки по тем или иным поэтическим вопросам позволяют нам зарождение *эстетической критики* связывать именно с ними.

Александриец Каллимах, признанный глава поэтической школы, скорее всего, впервые формулирует новый принцип «артистической» критики, способной в литературном произведении видеть прежде всего «прекрасные и вечные» начала, свободные от злобы дня. Александрийцы впервые подходят к созданию эстетической программы – демонстративной, эпатажирующей независимости творчества от всякого груза утилитаризма, в конечном счете артистиче-

ской «вещи в себе» и «для себя», к поэзии интеллектуальной элиты. Они впервые дают оценку литературного произведения с позиции его эстетической значимости, выдвинув одним из основных критериев поэтического творчества λεπτότης (тонкость, художавость, в переносном смысле: тонкость, утонченность ума). В эпиграмме на поэму Арата Каллимах говорит об этом ясно: «χαίρετε λεπταὶ ῥήσεις» (Call. ep. AP, IX, 507) букв.: «да здравствуют тонкие, изящные выражения». Еще более эксплицитно этот тезис выражен в его же «Прологе против тельхинов» (перевод О.В. Смыки):

Всякую жертву, певец, подобает вскормить потучнее,
Только не Музе – она тонкое любит, дружок.

Θύος πάχιστος и Μοῦσα λεπταλέη (тучная жертва и тонкая Муза) толкуют обычно как антитезу, в которой Каллимах отдает предпочтение λεπτός. Стихи κατὰ λεπτόν (тонко отделанные) – такова литературная программа Каллимаха и поэтов его круга.

Критерий оригинальности и оценки для александрийского поэта – новое и тонкое слово, независимо от масштаба и древности автора. При этом оригинальность, к которой стремится поэт, состоит не в том, чтобы сказать что-то новое, а в том, чтобы сказать так, «как никто другой не умеет» (выражение эпиграмматиста Андроменида). Отсюда – особое пристрастие к иносказаниям всякого рода. Метафорика почти любого александрийца строится не только на собственном поэтическом вымысле, но и на активном обыгрывании «чужого» слова. Это дает простор читательскому «домысливанию», читательскому «сотворчеству» в понимании поэтической образности.

Усложненность взаимоотношений между творчеством и восприятием служила, скорее всего, главному в их поэзии – передаче литературного подтекста, передаче скрытого смысла посредством косвенных описаний. Мифология впервые становится аллегорией, служит материалом для перифрастических описаний. Эксперименты с иносказанием – излюбленная манера александрийцев; самыми разными вариациями с иносказанием, начиная с тропов, они пользуются постоянно.

Когда Каллимах, например, пишет свой первый гимн «К Зевсу», то сквозь сложные мифологические ассоциации читателю предлагается «угадать» непростую ситуацию вступления Птолемея II на престол, прежде чем он поймет энкомий Птолемею во второй половине гимна. Уже на языковом уровне задача для александрийского поэта, пользуясь словами С.С. Аверинцева [4. С. 136–137], «задать уму загадку». Такая «закодированность» касается, конечно, не

только отдельных словоупотреблений, редких глосс и именовании. Целые пассажи, помимо прямого (чаще мифологического) значения, приобретают завуалированный намек, требующий текстуальной и интертекстуальной «расшифровки».

Тонкий, изящный стиль требует, по мнению александрийцев, совершенного владения «чеканным словом». Когда Каллимах говорит, что пророческие слова Аполлона самые веские, то из всего обилия возможных эпитетов он выбирает: ἔρῳ τι τοῦτέρον (Call. IV, 94) – «я говорю что-то более точное», букв.: «более чеканное». Чеканное слово – τορεῦτον ἔπος – может быть только кратким. Отсюда следующий, основной принцип александрийцев – συντομία (краткость). Συντομία λόγων – постулат, восходящий к Платону (Plat. Phaedr., 267), был подробно разработан Феофрастом, который считал краткость одним из четырех достоинств речи. Александрийцы на разные лады, каждый по-своему, осуждают «кикликов стих», «громыхающие поэмы», «толстые поэмы» и т.д. В эпиграмме «Состязание поэтов» (AP. IX, 566) Каллимах говорит об этом предельно ясно (перевод Ю. Голубца): «Мне, о владыка, пошли речь покороче всегда». Сочетание многознания и краткости приводит к особой «скороговорке», когда поэт в немногих стихах хочет сказать сразу о многом. Особая роль в таких случаях отводится многочисленным перечислениям, именованиям, что приводит к особой «плотности», «насыщенности» письма, к особому динамизму стиля александрийцев.

Новое понимание функции слова, когда оно, по выражению М.Л. Гаспарова [5. С. 5], перестаёт быть лишь «подспорьем» для передачи содержания, приводит к открытию, пользуясь словами М.М. Бахтина [6. С. 317], «новых моментов в слове, в средствах речевого выражения... к раскрытию глубинного диалогизма слова». Введение тончайших нюансов, вариативности, новизны языка меняло традиционные формы и образы, приспособлявая их к оригинальному замыслу поэта. Акцент на стиле и форме, иногда даже абсолютизация формы стали для эллинистических поэтов одним из проявлений антиклассической направленности. Все чаще на смену эпической неторопливости приходит динамичная нарративность краткого мифологического эпизода, бытовой сниженностью и занимательностью приближенная к читателю. Создается поэзия, рассчитанная на достаточно узкую аудиторию образованных читателей, способных оценить мифологическую ученость, иносказательность описаний и изысканное, вплоть до раритетов, владение поэтиче-

ской техникой. Так в поэзии возникают средства, позволяющие обыгрывать жизненные интересы вне их насущной реальности; поэзия сама может стать как бы собственным пределом, инструментом, с помощью которого поэт утверждает свою оригинальность. Возникает литературная *παίγνια* (игра, шутка, забава), открывающая широкие возможности литературного подтекста. Как термин *παίγνια* восходит к платоновскому толкованию (Plat. Polit. 288 с; Leg. VII, 803 с), т.е. *παίγνια* = *deliciae* (веселье, отрада, утеха, наслаждение, изысканность).

Ирония и ее основные варианты – пародия и двусмысленность – придают творчеству Каллимаха и других александрийцев особую остроту. Ирония (греч. *εἰρωνεία* – притворное незнание, притворное самоуничижение, ирония) восходит к сократовскому полемическому приему – *προσποίησις* (притворство), пояснение которому дает Теофраст (Theophr. Char. 1): *προσποίησις ἐπὶ χειρὸν πράξεων καὶ λόγων* (притворство – это старание прикраситься в делах и речах). Ирония – важнейший принцип новой эстетики. Когда Каллимах в I гимне приводит две версии рождения Зевса, когда в IV гимне еще неродившийся Аполлон из утробы матери вещает вернее, чем от «лавра», – такое «притворное», ироничное отношение автора к сказанному вполне ощутимо.

В «игровой ряд» поэт включается не только на уровне формы и языка произведения. Феокрит в идиллиях создает всем хорошо известный «буколический маскарад», впервые показав действенность «двойного кода», зашифровав под масками пастухов поэтов косского кружка. Найдя свой оригинальный путь в поэзии, независимый от других поэтов – предшественников и современников, Феокрит в художественно-аллегорической форме обосновывает оригинальность и значимость своей поэтической теории и практики, особенности своего личного мира, сказывающиеся прежде всего в иронии и самоиронии.

В раннеэллинистической поэзии, культивирующей принципы *λεπτότης*, *συμπορία*, *παίγνια*, *τορεΐα*, все чаще фокусируется внимание на *способе* передачи содержания художественного произведения. Предпочтение отдается поэзии «малых» форм: заново, с позиции нового художественного видения, перерабатываются такие традиционные жанры, как эпиграмма, элегия, гимн, мим. Создаются новые – идиллия, эпиллий – также по канонам «малой» формы. Именно этот аспект александрийской поэзии интересует

столетие спустя римских поэтов-неотериков, по этому пути пойдут их собственные поиски, начавшись с переводов и подражания александрийцам.)

Малая форма, неизбежно сужающая поле зрения, усиливает стилистические особенности произведения; и прежде всего, его словарный, лексический колорит. Повышенное внимание к формальной стороне творчества в сочетании с новыми эстетическими установками впервые приводит поэтов к созданию произведений «чистого» искусства – *τεχνοπαίγμιον*, фигурных стихов, своего рода поэтических фокусов, трюков (*Kunststücke*). Считается, что первым новаторство в этой области проявил поэт Симмий (или Симий) Родосский, живший около 300 г. до н.э. Его опыты в области метрики и строфики повлияли на творчество Филета и Феокрита.

Столь существенное изменение (по сравнению с классикой) вектора эстетической оценки поэтического творчества стало возможным благодаря особой роли интеллекта в их поэтической практике, новой расстановке акцентов во взаимоотношениях разума и чувства, рационального и эмоционального как в творчестве, так и в восприятии. Это означало новое понимание роли поэта в мире действительности, новое представление о содержании и смысле поэзии. Интеллектуальное начало как бы обособлялось, абсолютизировалось и становилось определяющим. Недаром Ф. Ницше [7. С. 173] называл эллинистическую культуру «теоретической культурой». Впервые появляется тип поэта, у которого, говоря словами Николая Гумилева [8. С. 27], «не чувство рождает мысль, как это вообще бывает у поэтов, а сама мысль крепнет настолько, что становится чувством, живым до боли». В поэтическом творчестве александрийцев это означало, что на первый план выдвигалась не непосредственная эмоциональность воздействия, а интеллектуальная активность читателя. Выбор автором тех или иных мотивов, сюжетов, редких глосс, лексем, употребленных в новом контексте, всегда предполагал знание тех конкретных литературных ситуаций, где они бытовали у древних авторов. Так создавались «фон», «глубина», новый ассоциативный ряд, без понимания которых чтение текстов александрийцев неполно и весьма затруднительно.

Отсюда главная и, может быть, самая характерная черта александрийской поэзии – *πολυαθία* (многознание, ученость) в платоновском толковании этого понятия (*Plat. Leg. 811 a*). *Πολυαθία* александрийцев – это эклектический сплав мифологии с

элементами первичного филологического анализа и большого количества сведений научного и легендарного характера из самых разных областей знания (географии, истории, ботаники, зоологии, медицины, астрономии и т.д.). Скажем, ученые поэмы Арата и Никандра не были в полном смысле научным или учебным пособием по астрономии и медицине, но стремление авторов собрать большой фактический материал, художественно его переработав, превратили дидактический эпос в научно-популяризаторский жанр. Акцентирование внимания на специальных сведениях из географии (Каллимах, Аполлоний Родосский), ботаники, зоологии (Феокрит), медицины (Каллимах) способствовало созданию иллюзии достоверности – так поэты, оставаясь в рамках мифологической тематики, старались раздвинуть содержательную сторону своих произведений. Но полубагды александрийцев – это и создание нового поэтического языка, заведомо понятного сразу не всем и каждому. Когда комедиограф Стративон пишет о Филете, он вынужден констатировать: «Беря книги Филета, я смотрю, что значит каждое слово» (Athen. Kaibel, IX, 383 B). Так александрийцы подошли к тому, что качество отбора и эстетическая оценка фактов, взятых в исторической перспективе, значительно могут расширить информативный характер произведения.

Столь радикальный поворот в эволюции эстетики художественного творчества привел не только к осознанию в поэзии ее «литературности» (по выражению С.С. Аверинцева [4. С. 141]), но и породил неоднозначные оценки ее значимости в новое время. Чаще александрийская поэзия оценивалась в сопоставлении с литературой высокой классики и зависела от понимания и оценки культуры эллинизма в целом.

Известно, что до 30-х гг. XIX в., до появления трехтомной «Истории эллинизма» Иоганна Густава Дройзена (1808–1884), понятие «эллинизм» полностью отсутствовало в мировом антиковедении. Время после восточных походов Александра Македонского до захвата завоеванных им территорий Римом или вовсе отрицалось как недостойное для изучения, или рассматривалось как простое продолжение греческой истории, без выявления качественных особенностей этого исторического отрезка. Поэтому и в оценке литературной продукции этого времени присутствовала идея упадка по сравнению с эпохой высокой классики (А. Полициано), идея зрелой, но несущей следы увядания осени (Ю.Ц. Скалигер). Эти идеи во второй половине XVIII в. были развиты И. Винкельманом, кото-

рый считал, что на смену «благородной простоте и спокойному величию» пришел период «деградации греческого духа», «упадка» искусства. В конце XIX в. (1875 г.) известный исследователь александрийской поэзии Огюст Куа называл александрийскую поэзию «искусством для искусства», а самих поэтов-александрийцев «поэтами декаданса». В наши дни (1983 г.) М.Л. Гаспаров [9. С. 412] называет новый стиль александрийской поэзии условно «маньеризмом», для которого характерен «культ крайностей вместо гармонии, культ индивидуального эксперимента вместо общей нормы».

Отдавая должное вышеприведенным оценкам в нашем сообщении, мы хотели подчеркнуть эстетическую значимость александрийской поэзии, в которой, по выражению Г.Г. Шпета [10. С. 13], «за рождается желание отдать сознательный отчет в роли слова (разрядка наша. – В. З.) как знака сообщения».

Литература

1. *Donaldson*. Lit. Anc. Greece II. P. 1859, 449.
2. *Wilamowitz-Moellendorf U. von*. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos. 2. verab. Aufl. Berlin, 1927.
3. *Wimmel W.* Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augustuszeit. Wiesbaden: Hermes, 1960.
4. *Аверинцев С.С.* Поэтика ренне-византийской литературы. М.: Coda, 1997.
5. *Гаспаров М.Л.* Конкорданс к стихотворениям М. Кузьмина. М., 2005.
6. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
7. *Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Пер. А. Михайлова, в: *Ф. Ницше. Рождение трагедии.* М., 2001.
8. *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии. Петроград, 1923.
9. *Гаспаров М.Л.* Эллинистическая литература первой половины III в. до н.э. М.: Наука, 1983. Т. 1.
10. *Шпет Г.Г.* Герменевтика и её проблемы. 1918. цит. по: *Кузнецов В.Г.* Герменевтика и гуманитарное познание. М.: Изд-во МГУ, 1991.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА, ЭТИМОЛОГИЯ ФАМИЛИЙ ЖИТЕЛЕЙ г. ТОМСКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕФОННЫХ СПРАВОЧНИКОВ г. ТОМСКА ЗА 2004–2008 гг.)

Л.А. Захарова

Томский государственный университет

Внимание к именам собственным, в частности к антропонимам, определяется прежде всего их особым положением в языке. С одной стороны, они являются частью лексической системы русского языка и, следовательно, должны подчиняться законам развития языка. Но, с другой стороны, имена собственные (в том числе и антропонимы), помимо лексического значения, в свое понятийное содержание включают также и культурологическую информацию, и поэтому, по словам М.Я. Морошкина, личные имена имеют значение не только как языковой материал, но и как памятник воззрений, понятий и представлений народных... [1. С. 6]. Кроме того, в современной антропонимике одним из наиболее сложных... и нерешённых является вопрос о происхождении русских отчеств и фамилий [2. С. 2]. И наконец, антропонимическая система русского языка не является единой для всех регионов России, и поэтому решение основных задач антропонимики выходит на уровень региональной антропонимии.

Основная цель настоящей статьи – выявление семантики современных томских фамилий и их морфологическая характеристика.

Томск – один из старейших городов Западной Сибири. Уже в XVII в. население Томского острога было представлено как выходцами из разных регионов европейской части России, так и из ближайших славянских (Украина, Белоруссия, Польша) и неславянских регионов (Германия, Литва и др.). Этим можно объяснить в источнике наличие прежде всего фамилий I славянской группы. Не ставя своей целью подробно описать все форманты фамилий, остановимся на наиболее частотных.

1. В основном это фамилии, образованные при помощи русских формантов: -ов (-ев), -ин, например: Белоусов, Власов, Гаврилов, Герасимов, Демьянов, Жуков, Лоскутников, Мартемьянов, Молчанов, Носов, Рязанов и мн. др.; Брежнев, Васильев, Григорьев,

Зиновьев, Исаев, Казанцев, Лаптева, Лещев, Лосева, Казначеева, Нехорошев и мн. др.; Васенин, Гришина, Маврин, Клюквин, Кокорышкина, Лядункина, Перепелкина, Першина, Самарина и др.

2. Русские фамилии, образованные путем сложения основ, например: Молибог.

3. Фамилии, образованные при помощи украинского суффикса -ко и сложения основ: Белоконь, Варваренко, Клошко, Макаренко, Лиходед, Ларченко и др.

4. Форманты -ский, -цкий отмечаются как в русских фамилиях (первоначально княжеских фамилиях), так и в польских (установить в настоящее время их статус очень трудно): Масальский, Курбская, Кургановский, Медведская, Медведцкая, Оболенская, Октябрьский, Немержицкий, Немеринский, Немиринский, Немировский, Нечинская, Нижельская, Николаевский, Ничинская, Новицкий, Оболенская, Подьяблонская и мн. др.

Большое количество фамилий на -ский, -цкий в Томске объясняется историей формирования населения Томского острога XVII в. Во всяком случае в деловом письме разных сибирских острогов, в том числе в Томском, во многих списках всегда особо выделялись «литовские списки», или «литва». По свидетельствам историков, к «литве» относили белорусов, черкас (украинцев), поляков, литовцев, а позднее и шведов с немцами. Как правило, о численности «литвы» судить было очень трудно, так как большинство «иностранцев» получали со временем русские имена или прозвища, а национальность их указывалась не всегда. По наблюдениям историков, в течение всего XVII в. «служилая литва» в Томске составляла от 10 до 20 % всего служилого населения. Это были в основном выходцы из Польши. Например, в 1633 г. в Томск прибыло 150 человек «литвы», всего же ссыльных «иностранцев» к 1634 г. насчитывалось здесь около 200 человек [3. С. 56]. Многие жители современного Томска являются потомками представителей «служилой литвы» XVII в., например: Борковская, Барковский, Валишевская, Масальский и Мосальский, Уманская и мн. др.

5. Редко встречаются русские фамилии с антропоформантами -ых, -их, например: Бельх, Бельских, Боровских, Великих, Вольных, Долгих, Загородских, Ильиных, Каменских, Лесных, Лесовских, Черных и др.

6. Очень большую группу представляют собой нестандартные русские фамилии, образованные не по типовой форме, т.е. без ан-

тропоформантов -ов, -ин, -ск, например: Беленькая, Бобер, Бобок, Бобяк, Бова, Богатырь, Богач, Богдан, Бондарь, Борис, Борщ, Боцман, Бортник, Булыга, Буряк, Бусик, Бухтяк, Боровой, Буяк, Бывалец, Быченок, Бычина, Вдовик, Великая, Воевода, Волос, Волосач, Волосник, Волчек, Воробей и мн. др. Такие фамилии в прошлом образовывались от прозвищного отчества (или от прозвища) при помощи многочисленных суффиксов, например, -ей, -ой, -ец, -ок, -ань, -ун и мн. др., их насчитывают несколько десятков.

7. Значительное число русских нестандартных фамилий в Томске оканчивается на -к-о: Божко, Бойко, Булавко, Бурко, Васечко, Гришко, Гринько, Грушко, Гурко, Данько и мн. др. Среди них, как мы уже отмечали выше, могут быть и украинские фамилии. Но типичный суффикс украинских фамилий -енко [4. С. 88], например, Бондаренко, Борисенко, Василенко, Грищенко, Грущенко, Губченко, Даниленко и мн. др.

II. Достаточно большим количеством представлена группа нерусских фамилий, например: Берг, Бергер, Вальд, Вальтер, Ван, Ваниян, Вартер, Варьяс, Гинкель, Гинтер, Гинц, Гирс, Иоганзен, Лебзак, Майер, Ротарь и мн. др. Среди них отчетливо выделяются немецкие фамилии: Берг, Бергер, Вальтер, Варнер, Гинтер, Майер и др.

С точки зрения частеречной принадлежности среди фамилий Томска можно выделить следующие группы:

1) фамилии, образованные от имен существительных: Дроздов, Журавлев, Жуков, Зайцев, Иноземцева, Макуха, Лядункина, Носова, Лещев, Лаптева, Клинков, Лапко, Кожуховский, Ключник, Казначеев, Каблуков, Кабанова, Клюквин, Молодцова, Лосев, Лоскутников, Перевозчиков, Казаченок, Майер, Перепелкина, Румянцева и мн. др. Таких фамилий много;

2) фамилии, образованные от прилагательных: Боровой, Великая, Долгих, Живаго, Малая, Липовой, Неизвестных, Нехорошева, Нагорный и др.;

3) фамилии, образованные от глагольных форм: Резаев, Резин, Непомнящая, Пересадыко и др.;

4) фамилии, образованные от сочетания имени прилагательного и имени существительного: Белобородов, Белоглазов, Белодед, Белоусов, Белоконь, Белозуб, Белозеров, Белоконев, Белокопытова, Белокрылова, Белоногова, Белоносова, Белашапкина, Лиходед, Черноус, Черноусова и др.;

5) фамилии, образованные от сочетания глагола и имени существительного: Молибог, Перейминов и др.;

6) фамилии, образованные от числительных: Девятова, Десятова, Третьяк, Третьяков, Шестаков, Шестаков и др.

Проблема семантики антропонимов разными исследователями решалась и решается по-разному. Долгое время в науке существовало мнение об отсутствии значения у собственных имен. Считалось, что семантика нарицательного имени всегда связана с понятием. Соотношение денотативного, сигнификативного и структурного компонентов лексического значения у разных разрядов нарицательных имен может не совпадать. Собственные имена с понятием не связаны и потому не должны иметь лексического значения. В последние десятилетия многие исследователи пришли к мнению, что и собственные имена также обладают семантикой. Содержание собственных имен тоже включает указанные три компонента, но каждый из них обладает спецификой: 1) денотатом служит один конкретный предмет; 2) в сигнификативный компонент лексического значения собственного имени входит не понятие, а образ или наше знание об этом предмете, отраженное в мышлении; 3) обобщение в семантику собственного имени вносит структурный компонент, зависимый от того блока лексической системы, в котором функционирует данное СИ [5].

На практике проблема лексического значения в ономастике сводится к проблеме этимологии онимического корня и онимических формантов [6. С. 6]. По этому принципу составлены все антропонимические словари. Происхождение фамилий устанавливается с помощью привлечения целого ряда словарей. При выявлении семантики апеллятива, лёгшего в основу фамильного прозвища, встречается немало трудностей.

С точки зрения семантики все имеющиеся фамилии Томска можно разделить на две большие группы:

I. Фамилии, образованные от христианских имен.

II. Фамилии, образованные от прозвищ.

В свою очередь, в I группе можно выделить две подгруппы: фамилии, образованные от официальных христианских имен, например: Герасимов < Герасим, греч. 'почтенный', Глебов < Глеб, сканд. 'под защитой бога', Елизаров < Елизар, др.-евр. 'бог помог', Романова < Роман, лат. 'римский, римлянин' и мн. др.; и фамилии, образованные от неофициальных христианских имен, имен, претерпев-

ших изменения в русском языке, например: Варламов < Варлам < Варлаам; Васенин < Васенья < Василий, греч. 'царь'; Васильев < Василий; Власов < Влас < Власий, греч. 'вялый, неповоротливый, тупой'; Гаврилов < Гаврил < Гавриил, др.-евр. 'муж божий', Дронов < Дрон < Андрон, греч. 'победоносный муж', Данилов < Данила < Даниил, др.-евр. 'Бог мой судья'; Гришин < Гриша < Григорий, греч. 'бодрствующий'; Пахомов < Пахом < Пахомий, греч. 'широкоплечий' и мн. др.

Во II группе по семантике производящих основ можно выделить несколько групп.

1. Фамилии, в основе которых лежат прозвища, связанные с внешней характеристикой человека, например: Белоусов – русифицированное украинское «Билоус» 'белый ус'; Голобородько – украинская двухосновная фамилия со значением 'побритая борода'; Долгих – фамилия образована от прилагательного «долгий» 'длинный', форма род. п. мн. ч. [7]; Жуков < жук 'прозвище черноволосого человека'; Журавлев < журавль 'прозвище длинноногого человека'; Румянцева – фамилия образована от прилагательного «румяный». Так называли человека с румяным цветом лица [8] и мн. др.

2. Фамилии, в основе которых лежат прозвища, связанные с характером человека, например: Брежнев – фамилия украинского происхождения, «бережный» – русифицированный вариант слова «осторожный» [7]; Молчанов – фамилия восходит к нехристианскому мужскому личному имени или прозвищу. Молчан 'неразговорчивый, малословный, склонный к молчанию'. Личное имя Молчан было широко распространено в прошлом [9] и др.

3. Фамилии, образованные от прозвища со значением «вид деятельности», профессия, например: Перевозчиков – образовано от наименования по занятию: перевозчик – тот, кто перевозит кого-то, что-то; Овчаров – образовано от прозвища по занятию: овчар – 'овцевод, овечий пастух' [9]; Майер – нем. «Maier», рус. «майор»; Казначеева – от казначей 'хранитель казны, денег, ценностей'; Лоскутников – от лоскутник – 'старьевщик, тряпичник'. Так могли назвать человека, торгующего тряпками, лоскутами [10] и др.

4. Фамилии, восходящие к апелляциям со значением животных, растений, деревьев, рыб, например: Зайцев, Лось, Лосев, Лосюк, Лосюкова, Медведев, Белоконь – русифицировано от Билоконь – 'конь белой масти' [7] и др.; Кабаков – от «кабак» – 'название овоща, теперь более известного как кабачок'. На юге кабаком называют и ты-

кву [8], Клюквин, Липовой – от «липа» и др.; Дроздов, Перепёлкина; Лебедев, Лебедь, Лебединский, Лебедкина, Лебедянская, Лебедько, Петухов, Попугаева и др.; Лещев – от «лещ» 'пресноводная рыба семейства карповых' [7], Муксунов, Налимов, Окунев, Окуневский, Окунцов, Окунь, Щука, Щукин, Щукова, Язева – от «язь», Язикова и др.

5. Фамилии, образованные от названий кушаний, например: Блинков, Блинов, Блинчук, Брагин, Бублик, Бубликова, Борщ, Борщев, Борщевский, Кашин, Кашинская, Киселев, Киселенко, Кисель, Кисельникова, Ковригин, Ковриго, Кулеш, Кулищенко, Кулешов, Лапшин, Огороков, Сахаров, Растегаев, Саламатин от саламат 'кисель или жидкая каша из муки с мясом или салом' [11] и мн. др.

6. Фамилии, образованные от топонимов, этнонимов и наименований мест выхода предков, например: Астраханкина, Астраханцева, Арзамасова, Арзамасцев, Архангельская, Байкалов, Волжанкина, Двинянин, Двинских, Казанцев, Москвин, Москвитин, Москвич, Москвичев, Муромцев, Иноземцев < иноземец 'житель, пришедший в какую-либо землю из другой земли' [7], Рязанов; Зырянов, Литвин, Литвинов, Литвинович, Литвинцев, Литвинчук, Литвинюк, Литвяк и мн. др.

Из-за ограниченного объема статьи нельзя рассмотреть все имеющиеся группы томских фамилий. Но из проанализированных фамилий следует, что самую многочисленную группу составляют русские фамилии с антропоморфантами -ов (-ев), -ин, -ск-ий; самой малочисленной является группа русских двухосновных фамилий.

Анализируемые источники свидетельствуют, что среди томских фамилий можно выделить также большую группу фамилий из других как индоевропейских, так и не индоевропейских языков (немецкие, еврейские, тюркские и др.).

С точки зрения частеречной принадлежности самой многочисленной является группа фамилий, образованных от существительных. Фамилии, образованные от глагольных основ, составляют самую малочисленную группу. В томских телефонных справочниках не зафиксированы фамилии, образованные от междометий, частиц, местоимений, наречий, как в других регионах.

Анализ дономастической семантики фамилий позволяет выделить две достаточно большие группы, которые, в свою очередь, дробятся на более мелкие подгруппы, рассмотренные выше. Многие

современные томские фамилии уходят корнями в далекое прошлое, к периоду формирования антропонимикона Томского острога.

Литература

1. *Морошкин М.Я.* Славянский именослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867.
2. *Королева И.А.* Становление русской антропонимической системы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.
3. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки XVII – начала XVIII вв. Новосибирск, 1992.
4. *Суперанская А.В., Суслова А.В.* О русских фамилиях. СПб.: Авалонь: Азбука-Классика, 2008.
5. *Воробьева И.А.* Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977.
6. *Чайкина Ю.И.* Вологодские фамилии: Словарь. Вологда: Русь, 1995. [Ссылка на работу: *Шрамек Р.* Теоретические и методические принципы составления славянских ономастических словарей // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980].
7. *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1979.
8. *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии. М.: Русские словари, 1996.
9. *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. М.: Астрель, 2001.
10. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 2000.
11. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА АПОФАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Л.Л. Звонская

Киевский государственный университет

Согласно предложенному А.Ф. Лосевым [7] закону относительной независимости времен и способов в подчиненных предложениях от соответствующих главных предложений можно принять положение, что они в подавляющем большинстве типов пребывают не в формальной зависимости, а лишь в зависимости от объективной ситуации коммуникации. Поэтому нам кажется целесообразным обратиться к эксплицитным средствам разграничения модальных или грамматикализованных связей между предложениями, влияющих на выбор формы выражения сказуемого предложения и, соответственно, на его адекватный перевод.

Грамматически обусловленными, но одновременно и фиксирующими модальность являются отрицательные частицы [8. С. 9]. А.И. Бахарев указывает, что модальность предполагает отношение говорящего к сказанному (убежденность, сомнение, намерение и т. п.), определяемое в основном субъективными факторами, в то время как утверждение и отрицание – если они истинны – определяются объективными факторами [1. С. 18]. Весомым фактором для анализа апофатичных моделей является их временная нелокализованность [6. С. 80]. Немаловажен для нашего исследования принцип функционального анализа, неразрывно связанный с контекстуальным исследованием [2. С. 3].

Мы попытаемся рассмотреть зависимость выбора отрицания от созданной говорящим языковой картины и общей объективизирующей тенденции греческого синтаксиса. Частица οὐ и все составленные с нею отрицательные слова: οὐδέίς, οὐδέμια, οὐδέν; οὐδέτερος; οὔτε – οὔτε; οὐδέ; οὔποτε, οὐδέποτε; οὐδαμῶς; οὐκέτι – отрицают объективно, непосредственно и фактически, поэтому ставятся в предложениях реального суждения [5; 10; 11]. Истинность и по сути аксиоматичность этого положения подтверждают независимые предложения со сказуемым в индикативе, где употребляются вышеназванные абсолют-

ные безапелляционные отрицательные слова. Отрицательная частица μή и составленные с нею отрицательные слова: μηδείς, μηδέτερος, μήτε...μήτε, μηδέ, μηδαμῶς, μηδαμῇ и т. п. – отрицают что-то субъективное, непредвиденное, поэтому встречаются в предложениях волеизъявления, возможности, условия и в оборотах и конструкциях с аналогичным значением [5; 10; 11]. Модальный характер этих суждений, отражение автором действительности в своем специфическом понимании можно подтвердить, наблюдая одновременно за формами выражения сказуемого.

Придаточные дополнительные или изъяснительные предложения с союзами ὥς, ὅτι демонстрируют факультативность действия правила последовательности способов, что свидетельствует о незаформализованном подходе к логическим связям системы гипотаксиса: καὶ ὅτι οὐκ ἐξήρκει τὰ ἐκείνου εἰς τὸν ἑκπλοὺν ἀκτῶν (Lys. 19, 55) *вы услышали, что недостаточно его средств для отплытия*; ἀπιστοφητοῦν, ὥς οὐκ ἀληθῆ λέγομεν (Plat. Pol. 47D) *отрицая, что мы говорим правду*. В обеих синтаксических ситуациях в подчиненном предложении употреблен индикатив независимо от формы выражения сказуемого главного предложения, свидетельствующий о примате воссоздания объективной ситуации.

Verba dicendi часто передают субъективное утверждение говорящего и управляют формально косвенной речью, содержащей, естественно, модальные наклонения восприятия ее третьей особой, особенно при использовании соответствующих конструкций accusativus (nominativus) cum infinitivo: εὐ' ἵστε μὲν ἄν με ἐπιχειρήσονται, εἰ ἑώρων (Isocr. 5, 13) *знайте, что я ни к чему не стремился, если б видел*. Предложения, в которых подлежащие инфинитивной конструкции совпадают с подлежащим управляющих глаголов, содержат в обороте объективную отрицательную частицу, поскольку мысль подается как утверждение самого ее автора, а не другой особы. Особенно это характерно для глаголов восприятия, внутреннего эмоционального состояния и его проявлений: βουλοίμην δ' οὐκ εἶναι τόδε (Eur. M. 73) *я хотел бы, чтобы этого не было*. В противовес собственным мыслям автора, адекватно воссоздающим, по его мнению, собственные ощущения, передача говорящим чужого мировосприятия априорно мыслится необъективной, о чем убедительно свидетельствуют модальные отрицательные слова: Προμηθεὺς ἔπαυσε θυητοῦς μὴ προβέρεσθαι λόρον (Aesch. II. 248) *Прометей запретил, чтобы люди могли предвидеть судьбу*.

Следовательно, дополнительные придаточные предложения, представляющие собой предметно-логические, а не коммуникативно-модальные акты, используют отрицание οὐ. Иной характер имеют подчиненные предложения после выражений боязни для обозначения нежелательности факта, которого остерегаются; сочетание обоих отрицаний μὴ οὐ указывает на предостережение относительно желаемого обстоятельства: δέδοικα μὴ τι βουλευέσθαι νέον (Eur. M. 37) *боюсь, не замыслила бы чего-то нового*; ὑποπτεύομεν μὴ οὐ κοινοὶ ἀπορίητε (Thuc. 3, 53) *мы подозреваем, что вы не вместе отошли*. Второй аподифический элемент обнаруживает понимание автором объективной ситуации, могущей привести к нежелательным результатам.

К объективным и субъективным независимым инфинитивным конструкциям, выполняющим роль распространенных, соответственно, дополнения или подлежащего, синтаксически можно приравнять субстантивированный инфинитив, который также имеет эти функции и соответствующее распределение употребительности отрицательных слов: φασὶν ἐκκεκρῦχθαι τὸ μὴ τάφῳ καλύψαι μηδὲ κωκυδαί τινα (Soph. Ant. 27–28) *говорят, что велено не хоронить и не оплакивать*.

Употребление конъюнктива как способа выражения стремления в целом и предостережения в субъективном видении говорящего также продиктовано спецификой греческого синтаксиса. Если сказуемое главного предложения стоит в историческом времени, то возможна (а не формально обязательна, как в латинском языке) замена конъюнктива на опатив: ἔδεισαν οἱ Ἕλληνες μὴ προσάγειν πρὸς τὸ κέρασ καὶ αὐτοὺς κατακόψειαν (Xen. An. 1, 10, 9) *греки боялись, чтобы они не приблизились к флангам и не перебили их*. Постановка опатива дополнительно подчеркивает, что опасения являются субъективно-воображаемыми, а в соединении с прошедшим временем воспринимаются как подчеркнуто гипотетические: размышления подлежащего главного предложения отдалены от времени их описания автором, эти опасения не оправдались, поэтому имели ли они реальную причину или были безосновательными, определить невозможно.

Проспективное предостережение и употребление соответствующего конъюнктива иногда подчеркивается сочетанием с союзом цели ὅπως: δέδοικ' ὅπως μοι μὴ λίαν φάνη σοφῇ (Eur. Hipp. 518) *я боюсь, чтобы она не оказалась, как по мне, слишком умной*. Иногда это даже приводит к эллипсису регентного глагола, главным об-

разом когда ὅπως μὴ увязывается с индикативом будущего времени, когда боязнь относится к неопределенному будущему: οἶμοι τάλας, ὁ Ζεὺς ὅπως μὴ μ' ὄψεται (Atrph. Av. 1494) *о, горе мне, боюсь, чтобы Зевс меня не увидел*. Это сближает дополнительные предложения с придаточными предложениями с оттенком цели, где последняя часто представлена как преднамеренное действие в будущем, неопределенное относительно ее осуществления, как и все события, которые лишь предвидятся нами в будущем: ἐπιμελοῦνται ὅπως μὴ τοιοῦτοι ἔσονται οἱ πολῖται (Xen. Kyr. 1, 2, 3) *они заботятся, чтобы граждане не стали такими*. При эллипсисе управляющего глагола подчиненные предложения с союзом ὅπως, ὅπως μὴ с индикативом будущего времени выражают энергичный призыв или запрещение, что роднит эту форму с императивом, который является модальной категорией и соединим с соответствующими апофатическими элементами: ὅπως ἔσεσθε ἄξιοι τῆς ἐλευθερίας (= σκοπεῖτε ὅπως ἔσεσθε) (Xen. An. 1, 4, 3) *(смотрите), чтобы вы были достойными свободы*; ὅπως ταῦτα μηδεὶς ἀνθρώπων πείσεται (Lys. 1, 24) *(смотрите), чтобы никто из людей об этом не узнал*.

«Чистые» подчиненные предложения цели можно рассматривать как выражение стремления, по своей природе субъективного, обусловленного позицией подлежащего главного предложения или опосредствованного, т. е. сквозь призму восприятия этого стремления автором высказывания: ἀπέχονταί, ἵνα δὴ μὴ ἀμάρτοεν τῆς ὁδοῦ διὰ τὸν ῥόον (Her. 2, 93) *они отошли, чтобы не сбиться с пути через поток* (= **поскольку они полагали, что таким образом не сойдутся с дорогой*). Зависимость цели как таковой от ее представления подлежащим главного предложения подтверждается тем, что глагол-сказуемое главного предложения так влияет на глагол-сказуемое подчиненного предложения, что последний становится полностью зависим и перенимает способ первого. Аналогичное модальное выражение цели видим при замене подчиненного предложения его семантическим эквивалентом – финальным инфинитивом: ἐξῆλθον δόμων μὴ μοί τι μέμφομαι (Eur. M. 215) *они вышли из дому не для того, чтобы укорять мне*; Ξενοφῶν το ἦμισυ τοῦ στρατεύματος φυλάττειν κατέλιπε τὸ στρατόπεδον (Xen. An. 5, 2, 1) *Ксенофонт оставил половину войска для охраны лагеря*.

Соответствующие отрицания наблюдаем в консеккутивных предложениях со сказуемым в инфинитиве, поскольку последствие предполагается как возможное и, по мнению говорящего, логично вытекающее из суждения главного предложения. Оно рассматри-

вается как объективное, согласованное с предпосылками его возникновения, которые указываются в главном предложении: *ἔφασαν τοὺς στρατιώτας εἰς τοῦτο τριφῆς ἐλθεῖν, ὥστε οὐκ ἐθέλειν πίνειν εἰ μὴ ἀνθοσμίας εἴη* (Хер. Ал. 6, 2, 5) *они сказали, что воины так изнежились, что не хотели пить, если вино не было с приятным букетом*. Зато предложения следствия, зависимые от личной формы сказуемого главного предложения, поскольку передают представление о последовательности действий в мыслях подлежащего главного предложения, а не автора высказывания, однозначно содержат отрицание *μή*: *ἀφίεμέν σε, ἐπὶ τούτῳ μέντοι, ἐφ' ᾧτε μηκέτι φιλοσοφεῖν* (Plat. Ар. 29 С) *мы позволяем тебе при том условии, чтобы ты никогда не занимался философией*.

Обращает на себя внимание тот факт, что использование союза *ὥστε* при инфинитиве цели подчеркивает сходство цели и задуманного следствия (ибо не видится большой разницы между целью как умышленным действием и следствием, которое перед осуществлением воспринимается как обусловленная или необусловленная цель) и первоначальное родство их выражения грамматическими средствами: *πῶς τις ἱκανός γένοιτο ἂν ὥστε ἀεὶ προστάττειν τὸ προήκον* (Plat. Polit. 295 А) *кто мог бы быть в состоянии всегда повелевать надлежащее*.

Выражения сказуемого в подчиненных предложениях причины также факультативно использует закон последовательности способов, поэтому наличие отрицательных слов может выявить объективный или субъективный (на уровне автора текста или автора высказывания) характер приведенной причины: *οἱ Ἀθηναῖοι ἐνόμιζον ἡσθῶσθαι, ὅτι οὐ πολὺ ἐνίκων* (Thuc. 7, 34) *афиняне считали, что они потерпели поражение ибо одержали незначительную победу*. В данном контексте речь идет об объективно незначительной победе, которую афиняне уж совсем субъективно принимали за поражение. В предложении (*οἱ Ἀθηναῖοι*) *τὸν Περικλέα ἐκάκιζον, ὅτι στρατηγὸς ὦν οὐκ ἐπεξάγοι ἐπὶ τοὺς πολεμίους* (Thuc. 2, 21) *(афиняне) порицали Перикла, который, будучи стратегом, не повел (их) на врагов* причина также совершенно объективна, является очевидным историческим фактом.

В предложениях времени так же, как и в относительных, внутренняя структура которых напоминает условные периоды разных типов, наблюдаем соответственное употребление отрицательных слов: *ἥπερ μέγιστῃ γίγνεται σωτηρία, ὅταν γυνὴ πρὸς ἄνδρα μὴ διχοστατῇ* (Eur. М. 14–15) *какое большое счастье, когда жена не*

враждует с мужем. Формально временное предложение (беря во внимание союз) выявляет условное предположение говорящего **если жена не враждует*. Присутствие конъюнктива и модальной отрицательной частицы можно сопоставить с употреблением конъюнктива в латинских *sum historicum* и противопоставить употреблению изъявительного наклонения в тех греческих временных предложениях, где отстраненно констатируется определенный факт, т. е. индикативу латинских *sum temporale*. Это один из немногих фактов синтаксической «солидарности» древнегреческого и латинского языков.

Остановимся еще вкратце на рассмотрении оптатива в подчиненном предложении, присутствие которого свидетельствует о модальности формы и, соответственно, того действия, которое он грамматически и лексически представляет. В несколько иной ситуации находится итеративный оптатив. Итеративный оптатив логично выкристаллизовался в постоянно повторяемое в одинаковых условиях действие и однотипное его последствие не только для индивидуального автора, но и для всех носителей одной ментальности. Повторяемость, многократность действия и выведенная из нее закономерность действительно является не только лишь субъективным представлением. Перманентный характер действия может свидетельствовать о нем как почти тождественном с объективной реальностью, действительной, а не лишь субъективно мыслимой. Обобщающий характер действия выражается потенциальным оптативом (как дань элементам субъективных сомнений), а частица *οὐ* подчеркивает отображение объективного смысла этого многократного действия: *εἰ γὰρ ἔκ του ἀρχῆς γίγναιτο, οὐκ ἂν ἐξ ἀρχῆς γίγναιτο* (Plat. Phaedr. 245 D) *если бы начало из чего-то возникло, оно не могло бы быть началом*. Если действие повторялось в прошлом, то вместо *ἔαν* с конъюнктивом появляется *εἰ* с оптативом, а в аподосисе выступает индикатив имперфекта и как дань реальному индикативу – частица *οὐ*: *Σωκράτης οὐκ ἔπινεν, εἰ μή διψῶν* (Хеп. Мет. 1, 3, 5) *Сократ не пил, если не чувствовал жажды*. Форма реального сказуемого аподосиса подтверждает константность основного действия в противовес возможным сомнениям относительно внезапного перерыва в цикле постоянных действий; дополнительным доказательством телеологично воспринятого перманентного действия является тип отрицательной частицы.

Наблюдаемые закономерности распространяются и на относительные предложения с оттенком условия, уступки, обобщения или,

наоборот, присутствие этих лексико-грамматических констант считается формальным подтверждением наличия в этих предложениях определенной обстоятельственной нагрузки. Интересным для анализа является почти кредовое выражение Ксенофонта: ἃ μὴ οἶδα, οὐδὲ οἶσμαι εἰδέναι (Хен. Мем. 5, 7, 27) *того, чего не знаю, то не полагаю, что знаю*. Относительное предложение содержит ощутимый оттенок условия не только за логикой умозаключения (= *если я чего-то не знаю*) с подчеркнуто субъективным выражением (= *мне так кажется, что я этого не знаю*, но если припомнить тезис Платона о том, что знания – это воспоминание, припоминание того, что было в мире идей, то становится понятным модальное полусомнение – а может все-таки знаю?), подтверждением тому служит соответствующее отрицание. В главном предложении безапелляционно утверждается *не считаю, что знаю*, поскольку автор осознает свои действия и высказывания, поэтому объективная ситуация видится ему именно таковой.

Зато относительные предложения с оттенком причины, невзирая на дополнительное нагружение, сохраняют представление о причине и ее последствиях как вполне определенных фактах, поэтому содержат соответственное фактическое, объективное отрицание. В этом случае они равнозначны обороту ὅτι (διότι) с личным или указательным местоимением или наречием. Такие предложения рассматриваются как самостоятельные суждения и сохраняют наклонения независимых предложений: θαυμαστόν ποιεῖς, ὃς οὐδὲν ἡμῖν δίδως (= ὅτι οὐδὲν ἡμῖν δίδως) (Хен. Мем. 2, 7, 13) *странно поступаешь, потому что нам ничего не даешь*; εὐδαίμων ἐφαίνεται ὡς ἄδεῶς καὶ γενναίως ἐτελεύτα (= ὅτι οὕτως ἄδεῶς καὶ...) (Plat. Phaed. 58 E) *он кажется счастливым, умерев так бесстрашно и храбро*.

Подтверждение этим соображениям можно увидеть в системе паратаксиса, где предложения воспринимаются как равноценные по смысловой нагрузке и автор не пытается выявить их темпоральную соотношенность или версифицировать какую-либо субординативную связь между ними. Если в системе паратаксиса находим сочинительную связь семантически эквивалентной гипотактической, то и, соответственно, аналогичное распределение употребления отрицательных слов. К примеру, паратактический союз γάρ (enim) *ибо* определяет причину или пояснение предыдущего высказывания и также соединяется с объективным отрицанием οὐ: οὐ γάρ σου οὐδὲν περὶ ττότερον πραγματουμένων ἄλλων, ἔπειτα τοσαύτη φήμη

τε καὶ λόγος γέγονε (Пл. Ап. 20 С) *ибо ты не более других трудился, поэтому возникала такая слава и мнение.*

Использование апофатических конструкций для определения соотношенности аспекта представления с планом выражения обусловлено, на наш взгляд, тем, что при отрицании наиболее ярко проявляется диалектическое единство языка и мышления, множественного и единичного, а грамматическое значение отрицания часто соединено с грамматическим значением модальности. Употребление отрицательных слов и выражений в древнегреческом языке как нельзя лучше демонстрирует и подтверждает, что функциональная грамматика древнегреческого языка и соответствующее ему греческое мышление базируются значительно больше на непосредственном восприятии и отображении объективно-логических связей самой действительности, нежели на ригористическом конструировании формально-грамматических связей.

Литература

1. Бахарев А.И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов, 1980.
2. Бондарко А.В. Принципы функционирования грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
3. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1973.
4. Звонська Л.Л. Внутрішня структура давньогрецької мови. Особливості функціонального синтаксису системи дієслова. К., 1999.
5. Звонская Л.Л. Давньогрецька мова. К., 2007.
6. Калабухова Т.А. Потенциальное значение высказываний с формами совершенного вида при отрицании // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1985.
7. Лосев А.Ф. Языковая структура: Учеб. пособие. М., 1983.
8. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983.
9. Denniston J.D. The Greek Particles. Oxford, 1954.
10. Schwyzler E. Griechische Grammatik. München, 1934–1953.
11. Τσούρεας Γ. Γραμματική της αρχαίας Ἑλληνικῆς. Ἀθήναι, 1992.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЗАЙМСТВОВАННЫХ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII в. (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ А.В. СУВОРОВА)

И.Я. Конончук

Томский государственный университет

В результате интенсивного проникновения иноязычий на русскую почву в конце XVII – начале XVIII в. лексическая система русского языка указанного периода пополнилась значительным количеством новых единиц преимущественно западноевропейского происхождения. Поликультурное и полилингвальное воздействие, которое испытывала Россия в течение всего XVIII в., активизация процесса контрноминации средствами языка-реципиента привели к количественному увеличению русского словаря и стали причиной лексической избыточности, показателем которой можно считать наличие в языке семантически тождественных лексем. Процесс их адаптации на русской почве во второй половине XVIII в. был связан со стабилизацией значения, смысловой и стилистической дифференциацией данного типа единиц, что привело в дальнейшем к изменению сфер их употребления, а иногда и к выпадению из русского словаря целого пласта ксенолексики.

Этот процесс нашел отражение в письмах А.В. Суворова, в которых зафиксированы следующие пары иноязычий, находящихся в синонимических отношениях: **атака / офензив, гандель / коммерция, доктор / медик / факультет, карта / ландкарта, привилегия / принципий, конфидент / креатура, инспектор / контролер.**

Так, существительное **конфидент**, зафиксированное в письменных источниках в двух вариантах: **конфидент** (1708 г.) и **конфидант** (1766 г.), получило распространение в русском языке с начала XVIII в. как перешедший в состав общеупотребительных слов дипломатический термин со значениями «лицо, которому доверяют тайны»; «доверенное, близкое лицо, единомышленник» [3. Вып. 10. С. 152]. Появление указанного иноязычия – результат непосредственного заимствования из фр. **confident** или нем. **Konfident** «доверенное лицо» или посредничества пол. **konfident** (в том же значе-

нии), восходящих к лат. **confidens, entis**, причастию настоящего времени от глагола **confidere** «твердо надеяться, полагаться», деривата глагола **fidere** «доверять, верить» с префиксом **con—cum-** «с, вместе с». В исследуемом источнике данное заимствование зафиксировано в нескольких контекстах в значении «доверенное лицо»: «В Букареште был турецкий **конфидент** только для разведования о нас» [4. С. 200]; «Не будучи в довольных силах, не могу я с частию их отважиться на очищение правого берега Вислы для Ферзена, о котором верных слухов чет; даже сто и **конфиденты** не возвращаются, разве только через отправленную к Висле казачью партию, что в полном сумнении, их получу» [4. С. 278]; «Известия через **конфидентов** проезжих внутренних обыкновенно неверны: вы к Карцову поразили 1000 человек, убили из них половину в Карцове; затем было 6000 лутчей Костюшкиной пехоты при 12 мелких пушках и 200 оставших мировцов» [4. С. 279]. Как свидетельствуют приведенные контексты, слово **конфидент** используется Суворовым и как дипломатический термин (в первом случае), и как синоним слова **разведчик** (в двух других случаях).

В значении «доверенное лицо» в русском языке с начала XVIII в. употреблялось другое иноязычное слово **креатура** (**креатура**) (1717 г.), восходящее непосредственно к лат. **creatūra** «творение, создание», деривату глагола **creo, creāvi, creātum, creāre** «творить, создавать» или испытавшее при заимствовании посредничество западноевропейских языков (нем. **Kreatur** [5. С. 348], фр. **créatur** «творение, создание» [7. С. 344]). Кроме указанного значения данная единица имеет семантику «творение, создание» (близкую к значению в языках-источниках), «ставленник, персона, фигура» [3. Вып. 10. С. 247]. В исследуемом источнике слово **креатура** зафиксировано в единичном контексте: «При решимостях частые пойдут двуличия, к чему несумненно склонны будут его **креатуры**» [4. С. 227]. В этом контексте рассматриваемая единица употребляется в значении «доверенное лицо, ставленник», что делает ее семантически близкой слову **конфидент**. Неединичность употребления последнего в письмах, адресованных разным лицам, свидетельствующая о развитии его семантики (как следствие – переход от термина к общеупотребительному слову), позволяет считать в исследуемом источнике в значении «доверенное лицо» доминирующим слово **конфидент**. В современном русском языке слово **креатура** не употребляется в значении «доверенное лицо», актуализацию получило

его значение «творение, создание», близкое латинскому, немецкому, французскому источникам.

Слово **инспектор** в значениях «должностное лицо, осуществляющее надзор, контроль»; «надзиратель, наблюдатель» получило распространение на русской почве со времен Петра I. Источником заимствования является нем. **Inspektor** «надзиратель, ревизор», восходящее к лат. **inspector** «обозреватель, наблюдатель», образованному с помощью агентивного суффикса **-or** от глагола **inspicio, inspexi, inspectum, inspicere** «всматриваться, просматривать», деривата **spicio (specio), spexi, spectrum, spicere** «смотреть» с префиксом **in-** «в». В суворовском эпистолярии указанное заимствование зафиксировано несколько раз в следующих контекстах: «Сила моего контраста – командир... **инспектором** до Генерал-Маиора наряду Фельдмаршал понижается, разве был бы по армии Генерал-инспектором, и тогда не его дело сим заниматься. Он имел право сам таковых **инспекторов** из нижнего Генералитета посылать, а довольно с него быть, как прежде, всегда Главнокомандующим, до которого звания я служил больше полувека и честно его заслужил, больше всех иных, ранами, увечьями и многими победами, и на краткую уже мою жизнь – грех его у меня отнимать. Удивительно, что войски подмною Ферзеновы оборванные; для здоровья (главное) содержание, направление мужества к победам; в ружье, мундире и амуниции, как я ни собирался, не требовали до сего **инспектора**» [4. С. 317]. В письмах слово **инспектор** употреблено по отношению к должностному лицу, осуществляющему проверку войск (=наблюдатель). В близком значении в XVIII в. употреблялось и другое заимствование.

Существительное **контролер** «лицо, определенное для контроля, проверки» в русском языке известно с первой четверти XVIII в.: **контролер, контролор** (1715 г.), **контольор** (1730 г.), **контроліор** (1795 г.) [3. Вып. 10. С. 149]. Источником заимствования является фр. **controlleur** «чиновник, осуществляющий надзор, проверку» [7. С. 308], дериват существительного **contrôle** «проверка, надзор», возникшего в результате стяжения **contrerôle** (**contre** «против» (<лат. **contra**) и **rôle** «список» <**rotulus** «бумажный свиток для актеров»)) [6. С. 203]. В суворовских письмах указанное заимствование в значении, эквивалентном словарному, отмечено единожды в письме Е.А. Наумову: «Чертков, г. **контролер** в щетной экс[педиции], не присылает мне никакого виду о ревизировании книг экспед[ициею]

суммы по Куб[анскому] корп[усу]» [4. С. 93]. Несмотря на близость значения обеих единиц (**инспектор**, **контролер**), подтвержденную словарями, в исследуемом источнике слово **инспектор** используется автором только по отношению к военному наблюдателю, о чем свидетельствуют контексты словоупотребления, а **контролер**, по всей видимости, – по отношению к государственному лицу, осуществляемому проверку в разных областях.

Количество контекстов, в которых зафиксирована одна из семантически тождественных иноязычных единиц, на наш взгляд, свидетельствует как о степени ее освоенности в русском языке суворовского времени, так и о языковых пристрастиях автора.

Так, слово **карта** (**харта**) как «карта для игры или гадания» в русском языке известно с XVI в. На русскую почву указанная единица пришла при посредничестве пол. **karta** (из нем. **Karte**) или фр. **carte** «карта (географическая, топографическая, игральная)», восходящих к ит. **carta** «бумага», источником которого является лат. **charta** «лист папируса, (перен.) бумага» и далее греч. **χάρτης** 'η «лист из папируса для письма». В данном значении («игральная карта») слово зафиксировано в суворовских письмах в большинстве контекстов: «Чтоб не досадить виску, я в карты не играл, но с девушками прыгал» [4. С. 81]; «Да не дослал ты еще дюжину карт и книжку гадательную для резвости и затем хоть недорогую камер-обскуру, купи и пришли мне еще книжку Фонтелеву о множестве миров» [4. С. 96]; «А в Ундол пришли ломберных марок хороший ящичек, цены средней и дюжину карт» [4. С. 98]. В значении «чертеж земной поверхности, моря или неба» указанная единица стала употребляться только с XVIII в. и в исследуемом источнике зафиксирована в следующих контекстах: «Сочинялись карты, которые, истинно, хороши и в настоящем виде лутчие» [4. С. 65]; «Тюрени Мазарину опрокинул на карту стакан воды» [4. С. 234]. Употребление заимствования для номинации чертежа в количественном отношении уступает его использованию для названия предмета игры, однако в суворовских письмах отмечено другое иноязычие **ландкарта**, которое является семантическим дублетом субстантива **карта** (=чертеж): «Генерального штаба секунд-майор фон Ран, описывая в своем сочинении от...числа...действия, ныне прошедшей с Портою Оттоманской войны, с его ландкартами, сделал постыдное изъяснение о делах Кинбурнском и совместным действиям с Императорскими австрийскими войсками при Фокшанах и Рымнике...»

[4. С. 266]. Указанное заимствование в значении «географическая карта» в русском языке известно с первой половины XVIII в.: **ландкарта** (1720 г.), **ланткарта** (1729 г.), **ландкарт** (1742 г.) [3. Вып. 11. С. 114]. Источником заимствования является нем. **Lande Karte** букв.: «карта земли». По мнению Суворова, опубликованная работа М.Л. фон Раана содержала неточности и ошибки («постыдное изъяснение») в изложении боевых действий прошедшей войны в Молдавии и Бессарабии, что и вызвало резкую критику полководца. Используя в значении «географическая карта» слово немецкого происхождения **ландкарта**, автор, не скрывая раздражения, по всей видимости, напоминает о нерусском происхождении Раана. Здесь следует отметить, что включение Суворовым в текст писем иноязычных слов, имевших семантические эквиваленты (как заимствованные, так и исконные по происхождению), в ряде случаев становится показателем отношения автора к тем понятиям (явлениям), которые эти единицы номинируют. Подобные слова часто имеют отрицательную коннотативную окраску.

Другая пара семантических эквивалентов, зафиксированная в суворовских письмах, – **офензив/атака**. Существительное **офензив**, не нашедшее отражения в лексикографических источниках XVIII в., в суворовском эпистолярии зафиксировано в следующих контекстах: «Французы в **офензиве** проворнее многих народов...» [4. С. 337]; «...**офензивом** Эрцгерцог Карл выгнал из Германии две армии: Иордана и Моро» [4. С. 337]; «Дефензив, **офензив**. По 1-му славен Лассиев кордон от Триеста до Хотина» [4. С. 338]. Указанный субстантив употребляется в суворовских письмах в значении «наступление» [4. С. 337]. Слово **офензив** восходит к нем. **Offensive** (воен.) «наступление» [2. С. 167] или фр. **offensive** «нападение», связанному с лат. **offendere** «ударять, поражать» [6. С. 510].

Следует отметить, что слово **офензив** в значении «нападение» в исследуемом источнике употребляется только для номинации понятия, связанного с военной жизнью, в то время как материал писем позволяет судить о более широких семантических возможностях его дублета.

Слово **атака** получило распространение в русском языке с начала XVIII в. в значении «внезапное стремительное нападение»; «осада и штурм крепости»: **атака** (1704 г.), **отака** (1703 г.), **атаква** (1706 г.), **атак** (1710 г.), **отак** (1718 г.), **аттака** (1720 г.). Источником заимствования является ит. **attacco** «нападение», образованное от

attaccare (battaglia) «начинать битву», из которого при посредничестве западноевропейских языков (нем. **Attäcke**, фр. **attaque**, пол. **atak** «приступ, атака») слово пришло на русскую почву [3. Вып. 1. С. 109]. В указанном значении слово как военный термин зафиксировано в суворовских письмах в большинстве контекстов: «От г. Фишера прибудет к Вам гранодер с ножом и помощью для закидывания ножа за плечо к удобности в походе и атаке пальбою, что прошу Вас наискорее исправить» [4. С. 144]; «По польским известиям, при Равиче Костюшко отправил свой авангард 9000 человек, 1500 регулярных, чтоб чрез всю ночь шармицировать и тревожить прусское войско; сам следовал за ним для атаки под утро» [4. С. 275]; «Вы таинство побиения неприятеля холодным ружьем Белегардовым войскам откроете и их к сей победительной атаке прилежно направите» [4. С. 340].

К началу века относят и время появления на русской почве глагола **атаковать** «осаждать, брать приступом, нападать на неприятеля» (1705 г.), отмеченного в следующих вариантах: **отаковать** (1704 г.), **аттаковать** (1714 г.), **отакировать** (1708 г.), **атакировать**, **аттакировать** (1709 г.) [3. Вып. 1. С. 110–111]. Источником заимствования является ит. **attaccare** «затевать». Распространение глагола в русском языке – результат посредничества фр. **attaquer**, нем. **attackieren** или пол. **atakować** «нападать, подвергать нападкам». В исследуемом источнике отмечены многочисленные контексты употребления как данного глагола в значении (воен.) «нападать» (всего 9 случаев словоупотребления), так и его деривата **атакованный**, что свидетельствует о степени освоенности глагола и его словообразовательной активности: «Соединенная армия его атаквала и по кровопролитному бою одержала победу» [4. С. 349]; «В таком положении я был атакван, совершенно разбит и обращен в бегство» [4. С. 350]; «Сего месяца 15 дня 5000 мятежников атакваны были нашею кавалериею...» [4. С. 280].

Материал суворовских писем, в которых слова **атака** и **атаковать** употребляются в переносных значениях «нападки, угрозы» и «нападать, приступать с упреками», свидетельствует о семантическом развитии указанных единиц и подтверждает данные словарей. В переносном значении рассматриваемые лексемы зафиксированы в следующих контекстах: «Г[р[афа] И[вана] П[етровича] С[алтыкова] атака заочную опасностью преследовала меня на пути» [4. С. 242]. В цитируемом письме Суворов сообщает о слухах, распускаемых о

нем в Петербурге И.П. Салтыковым, и употребляет слово **атака** в переносном значении «выпад, нападки». В другом письме полководец использует глагол **атаковать** в переносном значении «нападать с упреками» (в первом случае) и в прямом значении «нападать» (во втором случае): «Коли он меня морально **атакует**, должно его от меня физикально **атаковать**» [4. С. 228]. Таким образом, количество фиксаций в письмах слова **атака** как в прямом, так и в переносном значении, наличие других членов словообразовательного гнезда (**атаковать, атакованный**) подтверждают доминирующее положение указанной единицы в паре синонимов **офензив/атака**.

Слово **коммерция** «торговля, торговые дела» получило распространение в Петровское время. В источниках XVIII в. отмечены следующие варианты рассматриваемой единицы: **комерция** (1719 г.), **комерция** (1728 г.), **коммерциум** (1715 г.), **комерциум** (1719 г.), **комерцио** (1711 г.), **коммерции** (1710 г.), **комерции** (1712 г.) [3. Вып. 10. С. 121]. Источником заимствования является лат. **commercium**, **ii n** (мн. ч. **commiricia**) «торговля» (образованное от **merx, mercis f** «товар» с помощью префикса совместного действия **com=cum-**). В русский язык слово пришло непосредственно из латинского языка или при посредничестве фр. **commerce** «торговля» или нем. **Kommérz** в том же значении. В указанном значении рассматриваемая единица зафиксирована в исследуемом источнике в единичном контексте: «**Коммерция** и все привозы отверсты, о том писал я Гарнонкурту и Королю Прусскому» [4. С. 285].

Семантическим эквивалентом указанной единицы в исследуемом источнике выступает не нашедшее отражение в словарях XVIII в. существительное **гандель**, которое зафиксировано в суворовском эпистолярии дважды в письмах, адресованных П.И. Турчанинову: «Ныне из армян хотят сами, по **ганделю**, селитца к Азову или Таганрогу» [4. С. 45], «Слава Богу! **Гандель** отворяетца: из Анадолии разноместно к здешним берегам суда прибывают, Капитан-паша дал волю» [4. С. 54]. А.В. Суворов употребляет указанное слово в значении «торговля» [4. С. 45]. В первом контексте полководец сообщает адресату о намерении армян селиться по берегу моря, чтобы удобнее заниматься торговлей (=ганделем). Во втором – о снятии Турцией блокады с Крыма и возобновлении торговли. Этимологически рассматриваемая единица, по-видимому, восходит к нем. **Handel** «делка, торговая операция» [5. С. 272].

Количественный перевес, хотя и незначительный, употребления в значении «торговля» лексемы **гандель** позволяет считать ее преобладающей в исследуемом источнике. Появление данного слова в письмах можно интерпретировать не только как результат владения Суворовым немецким языком, позволяющим ему включать в текст иноязычия, но и характеризует полководца как активную языковую личность.

Все рассмотренные выше дублеты и синонимы были следствием одновременного воздействия на русский язык нескольких языков, что приводило к появлению семантически близких или тождественных единиц. Кроме заимствований подобного плана в суворовском эпистолярии обнаружены иноязычные единицы, претерпевшие такие семантические сдвиги, которые сделали возможным включение их в ряд других семантически тождественных заимствований (**доктор/медик/факультет** «врач»).

Первое из данного ряда слов ранее было рассмотрено в статье, посвященной фонетическим вариантам, нашедшим отражение в письмах А.В. Суворова [2. С. 44–45]. Существительное **медик** сначала в значении «цирюльник», а позже – «врач» было заимствовано в начале XVIII в. через пол. **medyk** или непосредственно из лат. **medicus**, **i m** «лекарь, врач». По количеству зафиксированных контекстов указанное слово уступает предыдущему и отмечено в суворовских письмах только один раз: «Один из **медиков** имеет в своих руках сто и более, при невежественных надзирателях» [4. С. 242]. Контекстный анализ позволил добавить к паре семантически тождественных единиц **доктор/медик** субстантив **факультет**. Данное заимствование в значении «отделение высшего учебного заведения, где преподаются дисциплины какой-либо одной отрасли» пришло в русский язык в начале XVIII в. при посредничестве нем. **Fakultät** «факультет высших учебных заведений» из лат. **facultas**, **ātis f** «способность, возможность». В исследуемом источнике существительное **факультет** отмечено в следующем контексте: «Сегодня лихорадка была еще легче, только все лихорадка. По прошествии ее **факультет** мне советует диет 15 дней...» [4. С. 30]. Использование указанного слова для номинации докторов было характерным для Суворова. Появление данного значения – результат семантических сдвигов вследствие метонимического переноса.

Что касается слов **привилегия/принципий**, в период их освоения употреблявшихся как семантически тождественные единицы со значением «преимущество», то в исследуемом источнике указанные

заимствования зафиксированы только в контекстах, дифференцирующих их значения: **привилегия** как «преимущество», **принципий** как «принцип, исходное положение, основание».

Таким образом, исследование текстов суворовских писем показало, что причиной появления в русском языке XVIII в. иноязычий, тождественных или близких по значению, стало, прежде всего, одновременное воздействие разных языков при заимствовании некоторых слов. В суворовском эпистолярии данный процесс отражают рассмотренные выше единицы. Материал суворовских писем позволяет дифференцировать подобные лексемы по частоте и сфере их употребления, коннотации, словообразовательной и семантической активности.

Анализ материала позволяет считать семантическими дублетами единицы **гандель/коммерция**, **доктор/медик**. О доминировании единиц **атака**, **карта** (по сравнению с лексемами **оффензив** и **ландкарта** соответственно) свидетельствуют многочисленные контексты их употребления, наличие других членов словообразовательных гнезд и развитие у данных слов переносных значений. Функционирование слова **ландкарта** в исследуемом источнике ограничено контекстом. Точкой пересечения семантики единиц **конфидент/креатура** является значение «доверенное лицо», в то время как **конфидент** в письмах А.В. Суворова используется применительно к военным лицам, а **креатура** – к любым другим лицам. То же самое наблюдается в отношениях единиц **инспектор/контролер**. Также источник отражает изменение статуса некоторых заимствованных единиц с терминологического на общеупотребительный (**конфидент**).

Проведенное исследование позволяет считать суворовский эпистолярный основой для изучения лексико-семантических отношений заимствованных единиц как отражения их адаптации в принимающей среде.

Литература

1. Большой немецко-русский словарь: В 2 т. М.: Рус. язык, 1980. Т. 2.
2. *Конончук И.Я.* Фонетические варианты в письмах А.В. Суворова // Классическая филология в Сибири: Материалы регионального научно-методического совета по классической филологии. Томск, 16–18 июня 2004 г. Томск, 2006. С. 37–47.
3. Словарь русского языка XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–2004. Вып. 1–14.
4. *Суворов А.В.* Письма. М.: Наука, 1986. 808 с.
5. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch. Halle, 1961. 784 S.
6. *Dauzat A.* Dictionnaire etymologique de la langue française. Paris, 1938. 824 p.
7. Dictionnaire de L'Académie française. 5th ed. Paris, 1798.

ГРЕЦИЗМЫ И ЛАТИНИЗМЫ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ КОЛОРИЗМОВ

Е.А. Косых

Барнаульский государственный педагогический университет

Современная система цветообозначений не только богата лексическими единицами, отражающими многообразие натуральных и искусственно созданных красок, но представляет огромные структурные возможности языка в области колористической лексики. При этом в процесс номинации включены традиционные цветковые прилагательные (моно-, би- и полилексемные), семантическая структура которых увеличивается за счёт развития дополнительных ЛСВ, а также новые структуры, актуализировавшиеся в последние десятилетия. В процессе номинации, создании специальных цветовых наименований участвуют целые дизайнерские коллективы, как, например, на АвтоВАЗе.

Исторически слова, развившиеся как цветообозначения-прилагательные, восходят к сравнительным конструкциям, отсылающим к социальному опыту носителей языка и репрезентирующим указание на конкретного носителя определенного цвета (как снег, как небо, как солнце, как малина и под.). Современная наиболее употребительная структура колоризмов может быть обозначена как скрытое сравнение, так как ассоциативно требует соотнесения с указанным объектом, вовлечённым в структуру цветообозначения (**цвет хаки, цвет охра, цвет мокрый асфальт, цвет зелёное яблоко, цвет экрю, цвет золотистый мёд, цвет светлый блондин** и др.).

Участники процесса создания рекламно значимых и особо привлекательных номинаций активно используют в качестве отсылочных единиц слова, восходящие к греческим и латинским истокам (**гниацинтовый, гелиотроповый, ежевичный, цвет афалина, цвет адриатика, цвет валюта, цвет индиго, цвет терракот, цвет ультрамарин, окрас красный мрамор** и под.). Фактически окрас, краску, оттенок можно назвать «в честь» любого явления (**цвет синяя полночь, цвет снежная королева, цвет чайной розы**), «в честь» окраса животных одной породы или животного другого вида (**окрас персидских кошек – сиамский, кролика – цвет шиншилла** и под.) Существенным считаем подчеркнуть факт вовлечения в колористи-

ческое пространство и имён собственных, греческого и латинского происхождения. При этом наблюдается «насильственная» апелляция путем написания имен собственных со строчной буквы (**цвет адриатика, цвет валентина, цвет босфор, цвет балтика** и др.). Появление такого количества необычных, нетрадиционных и незакономерных колористических наименований связано с необходимостью репрезентации товара и его отличия от других видов продукции (автомобиля, косметических средств, ткани, пряжи). При этом актуализация структуры с именем существительным в качестве основного «носителя» цветового значения («цвет + имя сущ.») объясняется и влиянием западных языков, для которых подобное обозначение цвета наиболее оптимально при отсутствии широких словообразовательных возможностей.

Несмотря на активное изучение цветовой лексики в российской лингвистике огромным белым пятном остаётся этимология многих единиц, в том числе и унаследованных из классических языков. Особую проблему в данном случае создаёт отсутствие этимологического словаря имён собственных. Этимология не всегда лежит в основе выбора онома для характеристики конкретного колора. Чаще функционально значимыми являются ассоциации, необычность звукового комплекса. Например, **цвет афалина** «серебристый зелено-голубой (об окраске автомобиля)», **цвет валентина** «синий, с блеском (синий металик)», **цвет босфор** «синий», **цвет виктория** «цвета спелой земляники, серебристый ярко-красный (об окраске автомобиля)», **цвет кармен** «ярко-красный (об окраске автомобиля)», **цвет кентавр** «мутно-оранжевый (об окраске автомобиля, краске, ткани)».

При этом заимствуются не только лексические единицы, морфемы, но и понятия или представления о ком-, чём-либо. Например, **цвет золотое руно** «золотистый, желтый с металлическим блеском (об окраске автомобиля; об окраске ткани, цвете вообще)», **цвет арга** «синий (об окраске автомобиля)».

Среди греческих и латинских лексических единиц, зафиксированных в качестве цветообозначений, в последние годы активно используются следующие:

а) моноксемные прилагательные: **абрикосовый, гиацинтовый, гелиотроповый, терракотовый, инкарнатный, лавандовый, сомон** и др.;

б) цветообозначения со структурой «сущ. цвет + имя сущ. (собственное или нарицательное)», вторая часть которых соотносится с греко-латинскими номинативами: *цвет антилопа, цвет арго, цвет адриатика, цвет лагуна, цвет нарцисс, цвет наutilus, цвет нептун, цвет офелия и др.*

Прилагательное *гелиотроповый* представлено в единственном значении «серовато-лиловый» лишь в «Каталоге названий цвета в русском языке» (А.П. Василевича, С.С. Мищенко, С.Н. Кузнецовой). Однако в произведении И.А. Бунина прилагательное *гелиотроповый*, на наш взгляд, реализует и значение «темно-зеленый, зеленый, с желтыми и красными бликами, отблесками».

Этимологию слова *гелиотроп* традиционно связывают с греческим *ἡλιότροπον* – ‘1) то, что поворачивается к солнцу или вместе с солнцем; 2) солнечные часы’ [1]. Название камня, вероятно, связано не только с греческими, но и латинскими корнями или словами и могло звучать как *гелотроп* или *гелотроф (гелиотроф)*. Дело в том, что в греческом языке наряду со словом *ἡ τροπή* ‘поворот, оборот’ употреблялось и существительное *τρόπαιον* ‘соб. памятник обращения врагов в бегство, т.е. памятник победы, трофей (состоявший обыкновенно из доспехов врагов, сложенных вместе на поле битвы или же прибитых к столбу)’ [2]. Такие же данные приводятся и в древнегреческо-русском словаре Дворецкого: «памятник обращения врагов в бегство ... трофей (воздвигающийся обычно из неприятельских доспехов в месте, откуда неприятель начинал отступление)» [3]. А в словаре О. Петрученко приводится лексема *trōpaeum*, i ‘1) трофей, первоначально: ствол дерева, увешанный взятым в плен оружием, впоследствии – каменный знак победы’ [4]. Что касается первой части существительного *гелиотроп*, считаем возможным связать её не с греческим *ἡλιος*, а латинским *gelu, gelus* ‘перен. оцепенение’ или *gelidus* – “холодный; поэтич. приводящий в оцепенение” [4]. Возможно, камень назван по ассоциации с зеленым деревом и развешанным на нем окровавленным оружием (как застывший, окаменевший или “оцепеневший” знак победы). Появление формы *гелиотроп* может представлять собой контаминацию древнегреческого *ἡλιότροπον* и латинских *gel(i/o)trōpaeum*.

Учитывая этимологию и способы номинации других драгоценных и поделочных камней, считаем, что именно ассоциативное название камня как застывшего знака победы (ассоциация зеленого дерева и развешанного на нем окровавленного оружия) может быть правильным.

При этом небезынтересным является и то обстоятельство, что камень этот мог называться и *гемотрон*, так как ему приписывались свойства останавливать кровотечения.

Возможно, название камня *гелиотрон* восходит к латино-греческому *gelotropaeum/ geliotropaeum* ‘застывший знак победы’ либо представляет собой явление лексико-семантической контаминации с древнегреческим ἡλιότροπιον, довольно часто встречающееся в языках индоевропейской семьи.

Прилагательное *гиацинтовый* в значении «*кобальтово-синий* // Зоолог. В названиях птиц: *гиацинтовый ара*» представляет собой русское производное от слова *гиацинт*, которое появилось в русском языке примерно с XVIII в. “*Гиацинт*” известно во всех западноевропейских языках. Источником русского заимствования считают итальянское *giacinto* – “*гиацинт (цветок и драгоценный камень)*” или немецкое *Hyazinthe*. Первоисточник – греческое ῥάκινθος > лат. *hyacinthus* – сначала имя собственное *Hyacinthos* – Гиацинт, имя любимца Аполлона, греческого юноши, по преданию, убитого метательным диском [5. Т. 1. С. 186] (из тела Гиацинта Аполлон вырастил цветок, «как бы обгаренный кровью; на лепестках вырисовывается восклицание “ай, ай” – предсмертный стон прекрасного юноши»). В греческой мифологии Гиацинф (Гиацинт) – древнее растительное божество умирающей и воскресающей природы, слово – догреческого происхождения [6. С. 153]. В догреческий период слово возникло в значении «*цветок дождей*» [7].

Колоризм *инкарнатный* в качестве *ботанического термина* указывает на цвет, соотносимый с представлением о мясе лосося, «*нежно-розовато-красный (о цвете вообще, чаще – растениях)*». «Этот цвет понимается по-разному, начиная от тельного, т.е. цвета кожи человека, до мясо-красного, в нашей трактовке этот цвет приравнивается к цвету мяса лосося; в общепитии такой цвет называется “сомон”, но последний более светлого оттенка...” [8. С. 1].

Прилагательное *инкарнатный* не отмечено в словарях русского языка. Вероятно, представляет собой заимствование из французского (фр. *carne* – “мясо”; восходит > возм. лат. *incarnatus* – “на мясо похожий”, лат. *caro, carnis* – “мясо”).

Первоначально относительное прилагательное *лавандовый* стало употребляться и как цветковое, репрезентируя значение «*цвета лаванды, сине-фиолетовый (о цвете вообще, краске, пряже, ткани* // При описании окраски кошек, мехе декоративной норки». Например,

«мочка носа и подушечки лап (персидских колор-пойнт с лиловыми черепаховыми отметинами. – Е. К.) *лавандово-розовые...*» [9. С. 45]. “А какие звучные названия даны цветным шкуркам (норки. – Е. К.)! ...поламино, сапфир, *лавандовая*, жемчужная...” [10. С. 370]. Прилагательное *лавандовый* в функции цветообозначения стало употребляться в русском языке, вероятно, с XX в. Существительное *лаванда* пришло в русский язык из итальянского: ит. *lavanda* – “род средиземноморских растений... с голубыми, синими или фиолетовыми цветами...” [11. Т. 2. С. 158]. Это растение, как и собственно название, известно с древнейших времен. Этимологически, вероятно, связано с лат. *lavo, lavatum, lavāre* (причастная форма род. п. *lavantis*) – “мыть, купать” [5. С. 358]. Известно, что это растение используется в парфюмерной промышленности для получения эфирных масел [12. С. 329].

Автоколоризм *цвет адриатика* отмечается в русском языке с конца XX в. (1980 г.). Существительное *адриатика* (более традиционное как имя собственное *Адриатика*) в русском языке известно давно в качестве обозначения моря и прилегающей местности. Восходит к греч. Ἀδρία – *Адриатическое море*. *Адриатикой* называлась колония у древних греков. Этимологически, вероятно, это слово связано с древнегреческим ἄδραστος, ион. Ἀδρηστός – “1) не убегающий, не склонный к побегу (о рабах); 2) ион. неизбежный” [1. С. 21]. Вероятно, расположение колонии, условия содержания рабов там были таковы, что убежать было невозможно.

Другая точка зрения связывает происхождение названия Адриатика с древним *adur* ‘море’.

Номинация *цвет антилопа* в значении «золотисто-коричневый, золотисто-бежевый, серебристо-бежевый» употребляется для обозначения окраски автомобиля. «УАЗ 31514 98.10 г.в. *цвет антилопа* (песочный металлик)...» «Вся подвеска новая, и передняя и задняя... *цвет антилопа* (типа золотой) металлик». Цветообозначение *цвет антилопа* относится к профессиональным обозначениям автоэмалей и появилось в русском языке в 2001 г. Существительное *антилопа* “впервые отмечается в 1835 г. Плюшаром [5. Т. 1. С. 45]... В русском языке, возможно, из французского (ср. фр. (с 1764 г.) *antilope*)... Первоисточник – средневек. греч. Ἀνθλόψ > средневек. лат. *ant(h)alopus*. Происхождение не выяснено. Дословное толкование греческого слова... пожалуй, на первый взгляд имеет мало смысла; получается нечто вроде “цветочный (или цветной) взор”

(ср. греч. ἄνθος – “цеток”, “цет” и греч. ὤψ, род. ὄπλος – “взор”, “зрение”, “видение”. Первоначально так называли не антилопу, а некое мифическое животное” [5. Т. 1. С. 45]. На наш взгляд, происхождение этого слова связано со следующими греческими словами-основами: ἄνθη – “цет” и ἄνθηρος – “цетуищий, в пер. блестящий, великоленный; цетистый, пестрый”, а также греч. λοπός – “шелуха, кожица” (ср. греч. λώπη – “верхнее платье, плащ”) [1. С. 114, 769, 774]. Вполне вероятно, что это животное было так названо по окраске шерсти, что является традиционным в индоевропейском языке-основе при назывании животных (ср. поросенок – от *porikos – “полосатый” и др.). Небезынтересной представляется и возможная связь слова *антилопа* с греч. глаголом ἄνθεω, эпической формой, употреблявшейся на месте ἁνάθου или ἁνάτιθμι, значениями которого были и такие: “накладывать, навьючивать”; “выставлять что-л. в храме в честь бога, т.е. посвящать, жертвовать” [1. С. 101]. Вероятно, такое животное могло приноситься в жертву, имея определенный окрас шерсти.

Но для современной системы цветообозначений, как уже подчеркивалось, этимология слова, участвующего в номинации, не имеет существенного значения. В большей степени название должно вызывать положительные эмоции и ассоциации, быть броским, кричащим, т.е. выгодно выделять объект в ряду однородных. Именно поэтому постоянно увеличивается число колоризмов в русском языке. Но при этом регулярно в качестве цветообозначений выбираются слова греческого или латинского происхождения и довольно часто – имена собственные.

Например, *цвет офелия*. Данное цветообозначение появилось в русском языке в конце XX в. в функции автоколоризма. Существительное *офелия* известно носителям русского языка как имя (Офелия) героини трагедии «Гамлет» В. Шекспира, после смерти которой на волнах остается светлый шарф. Происхождение этого имени связано с лат. Orphel(l)ia, которое, возможно, восходит к греч. ὠφέλεια – “помощь”, ὠφέλεω – “помогать, приносить пользу” или греч. ὠφέλλω – “приумножать, увеличивать, возвышать” [1. С. 1370, 914].

В случаях выбора имени для создания колоризма упор делается на ассоциативное восприятие носителями языка литературного образа, исторического лица или события, имевшего какую-либо характерную черту, отличительный знак, который и являлся главным сигнала-

лом к ассоциации (светлый шарф Офелии, красный цветок и одежда Кармен, синие просторы океана, принадлежавшего Нептуну, и др.).

Литература

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991. Репринт V издания 1899 г.
2. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий: В 2 т. М., 1958. Т. 2.
3. Словарь-справочник личных имен народов РСФСР. М., 1982.
4. Петрученко О. Латинско-русский словарь. М., 1994. Репринт. 1914 г.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М., 1994. Т. 1.
6. Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.
7. Энциклопедия комнатных растений. CD. 2000.
8. Бондарцев А. Шкала цветов. М., 1954.
9. Филиппов Ю.И. Домашние кошки. М., 1991.
10. Рогожкина Н. Домашние животные. М., 1989.
11. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981–1984. Т. 2.
12. Словарь современных иностранных слов. М., 1992.

НОВОГРЕЧЕСКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ – ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ С ОСНОВОЙ НА -У-

Л.Т. Леушина, А.Б. Ёркина

Томский государственный университет

Морфологический тип индоевропейских прилагательных с основой на -у-, утраченный многими языками, сохранился в греческом языке так же, как в древнеиндийском, литовском, хеттском. Более того, в новогреческий период произошла активизация данного форманта. Греческий язык предоставляет уникальную возможность проследить особенности длительного и сложного процесса эволюции адъективных основ, истоки которого наблюдаются в индоевропейском языке-основе, результатом же является как полное устранение суффикса -у-, так и актуализация его на определенном этапе развития обособившихся языков.

Новогреческий язык, с одной стороны, унаследовал от древнегреческого около 20 адъективных у-основ с соответствующими морфологическими, фонетическими модификациями, расширились словообразовательные гнезда и изменилось семантическое наполнение некоторых лексических единиц [1]. С другой стороны, как показывает сплошная выборка по лексикографическим источникам [2], намного большее количество слов (около 40 единиц) являются новообразованиями современного греческого языка.

Системное описание, семантический и этимологическо-словообразовательный анализ данных лексем позволяют, на наш взгляд, объяснить причины активизации форманта -у-.

Появление новых адъективных основ: *φάρδς* «широкий, просторный», *αψύς* «острый, пикантный», *αδρύς* «толстый, густой, шероховатый, острый, прогорклый», *μακρύς* «длинный» – вполне объяснимо воздействием на новогреческий язык морфологической и лексической системы, которая сформировалась в древнегреческом языке [3].

Особое место занимают некоторые прилагательные, чье образование в новогреческом языке обусловлено древнегреческими субстантивами с у-основой: *περίδακρυς* «плачущий, обливающийся слезами» и *πολύδακρυς* «сопровождаемый потоком слез, заставляющий

проливать много слез», состоящие из приставки *περι* – «сверх, чрезмерно», прилагательного *πολύ* – «большое количество» и субстантива с *и*-основой *δακρυ* «слеза». Такого же типа образование и *συνόφρυς* «хмурый, насупившийся», производное от *и*-основы *οφρύς* «бровь» с помощью приставки *συν*-, означающей соединение.

На основе древних адъективов на *-и*- в современном греческом языке образованы новые прилагательные с приставками *υπερ*- «сверх» (*υπερβραχύς* «ультракороткий») и *υπο*- «слабая степень качества» (*υπογλυκύς* «сладковатый, подслащенный»). Приведенные выше примеры позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о том, что появление основ на *-и*- в данном случае связано с воздействием на новогреческий язык морфологической и лексической системы, которая сформировалась в древнегреческом языке. Все остальные новые основы на *-и*-, отмеченные в доступных для нас лексикографических источниках, являются цветообозначениями.

В ходе исторического развития языка и общества изменяется и корпус цветообозначений в современном греческом языке по сравнению с древнегреческим частично за счет обновления: происходит замена основных классических цветообозначений на новые, которые были периферийными в классическую эпоху (например, *πράσινος* «зеленый» вместо *χλωρός*, *κόκκινος* «красный» вместо *ερυθρός*) [4. С. 54–65], древние же цветообозначения отодвигаются на периферию лексической системы; отметим, что новые колоризмы имеют, в отличие от древних, предметную соотнесенность с *το πράσιον* «порей», *ο κόκκος* «червец». Однако в основном данная лексическая группа пополняется за счет появления новых прилагательных, обозначающих различные цветовые оттенки, преимущественно на основе предметов с четко выраженной окраской в окружающем человека мире природы. В качестве предмета-эталона, как показывает анализ лексического материала, в новогреческом языке выступают плоды деревьев и кустарников (фрукты, орехи), овощи, цветы, металлы, камень, небо, море, мед, шоколад, корица, зола, солома, кирпич, красители.

Рассмотрим вначале семантические и формальные свойства, историю и этимологию новогреческих колоризмов, имеющих предметную соотнесенность с плодами деревьев и кустарников.

Βυσσινύς, ιά, ύ = *βισινύς, ιά, ύ* = *βυσσινόχρους, ουν* = *βυσσινής, ιά, ί* «вишневый, цвета вишни» употребляется по отношению к платью (*φόρεμα*), губной помаде (*κραγιόν*), цветообозначение мотивировано

существительным το βύσσινον «плод вишни», в позднегреческом это прилагательное, образованное от βύσσος «вид льняной ткани» (слово семитского происхождения: в древнееврейском buš, в финикийском bš) [5. С. 392]. У классических авторов встречается ἡ βύσσος «виссон, тончайшее полотно» (в Новом Завете τό βύσσινον) и прилагательные βύσσινος, η, ον «виссоновый, из тончайшего полотна». Синонимом к το βύσσινον является το ξινोकέρασο (внутренняя форма слова «кислая черешня»).

Κερασύς, ἰά, ύ (наряду с κερασόχρους, ουν, κερασής, ἰά, ι) «ярко-красный, цвета черешни» является синонимом к βυσσινύς, ἰά, ύ и употребляется в основном в тех же контекстах, прилагательное является производным от названия плода черешни (το κεράσι), которое продолжает позднегреческое κεράσιον, образованное от названия вишневого дерева ο/η κέρασος «вишня», которое предположительно имеет малоазийское происхождение (ср. топоним Κερασού). Существуют гипотезы о связи названия дерева с микенским ke-ra-so [8. С. 67], ассирийским karsu [6. С. 882].

Прилагательное λεμόνς, ἰά, ύ = λεμόνης, ἰά, ι «имеющий цвет лимона, желтый» образовано от названия плода το λεμόνι «лимон» (в ср.-гр. λεμόνιον), которое в качестве первоисточника имеет персидское limun [6. С. 1001], прошедшее через языки-посредники (перс. limun > араб. laymun > ит. > limone > ср.-гр. λεμόνιον, н.-гр. το λεμόνι), не испытав при этом серьезных изменений.

Из итальянского также было заимствовано название плода το πορτοκαλί «апельсин» (ит. portogallo), которое легло в основу цвето-обозначений πορτοκαλός, ἰά, ύ = πορτοκαλής, ἰά, ι и πορτοκαλόχρωμος, η, ο «цвета апельсина, оранжевый». Название плода как новая лексическая единица в итальянском языке образовалось в результате эллипсиса словосочетания agancio di Portogallo «апельсин из Португалии» (> portogallo «португальский апельсин» > греч. το πορτοκαλί «апельсин»).

Λαδός, ἰά, ύ = λαδής, ἰά, ι «оливковый, темно-зеленого цвета», синонимичное χακί, является производным от το λάδι «оливковое масло», которое развилось из позднегреческого ἑλάδιον, суффиксального образования от ἔλαιον (ср. ἑλαία «оливковое дерево и его плод»).

Δαμασκήνς, ἰά, ύ = δαμασκήνης, ἰά, ι «сливовый, цвета спелой сливы» образовано от названия плода сливового дерева δαμάσκηνον, эта средневековая форма является продолжением позднегреческого

δαμασκινόν. Что касается дерева, то оно получило свое название по месту произрастания в Сирии, от города Δαμασκός (=араб. Dimašq).

Φιστίκς, ιά, ύ = φιστικής, ιά, ί «имеющий зеленый оттенок ядра фисташкового ореха» является производным от φιστίκι «плод фисташкового дерева», которое через турецкое посредничество (fistik) пришло из позднегреческого πιστάκιον (варианты πιστ-, φιστ-, φιστ-), оно, в свою очередь, является образованием от πιστάκη «фисташковое дерево» с помощью уменьшительного суффикса. Я. Фриск считает, что в греческом πιστάκιον заимствовано из новоперсидского pista «орех фисташкового дерева» [5. С. 544].

Φουντουκς, ιά, ύ «ореховый, орехового цвета» образовано от названия ореха φουντούκι, которое пришло в современный греческий из турецкого (findik «фундук»), в турецком это субстантивированное позднегреческое прилагательное ποντικόν «понтийский» (имеется в виду κάρυον «орех»), образованное от названия страны в Малой Азии (др.-гр. Πόντος «Понт»).

Καφετς, ιά, ύ = καφετής, ιά, ί «кофейный, имеющий цвет кофе или земли» употребляется по отношению к обуви (παλούτσια «туфли»), одежде (μλοφάν «куртка»), оно образовано от названия плода кофейного дерева (καφές, καφέδες), более древняя форма прилагательного καφεδς, оглушение произошло под влиянием σταχтς «серый» [6. С. 876]. Греческое существительное καφές, как и название кофе в других европейских языках, источником имеет арабское qahwa.

Τσαγαλς, ιά, ύ = τσαγαλής, ιά, ί «имеющий цвет зеленого миндаля» является производным от το τσαγάλο «миндаль», которое не имеет убедительной этимологии. По одной версии, это исконное греческое слово, результат развития из διαγάλα или συγάλα «наполненное молоком», по другой – заимствование из турецкого (cağla «неспелый миндаль»), в котором оно появилось из персидского (šagala).

С объектами растительного мира связано происхождение обозначений оттенков зеленого (λαχανς «светло-зеленый») и фиолетового цвета (μελιτζανς «темно-фиолетовый»).

Μελιτζανς = μελιτζανής «темно-фиолетовый» образовано от μελιτζάνα «баклажан», слова романского происхождения (ит. melanzana) со спорной этимологией: по одной версии, оно восходит к латинскому словосочетанию malum insanum «сумасшедшее яблоко», по другой – заимствование персидского bādingān через арабское посред-

ничество (bādingan) при народноэтимологическом сближении с существительным *mela* «яблоко».

Λαχανύς = λαχανής «светло-зеленый» произошло от названия капусты, зелени, овощей то λάχανο. В древнегреческом наряду с λάχανον встречается глагол λαχαίνω «копать», который объясняют как обратное образование от αμφιλαχαίνω «окапывать», относящееся к возделыванию растений. Возможна связь с кельтскими словами, обозначающими лопату (ср.-ирл. *laige*), копье (*laigen*) [6. С. 994].

Источником некоторых цветообозначений являются также названия цветов: ο μενεξές, μενεξεδές «фиалка» и το τριαντάφυλλο «роза».

Μενεξεδύς = μενεξεδής и μενεξελύς = μενεξελής «цвета фиалки» входит в синонимический ряд с μωβ, βιολετής, ιώδης «фиолетовый». Название цветка μενεξεδές, послужившее основой для цветообозначения, является заимствованием из турецкого языка (*menekse*).

Τριανταφυλλύς = τριανταφυλλής «розовый» со сферой денотации: ήλιος «солнце», μάγουλα «щека» – имеет синонимы ρόδινος, ροδαλός и образовано так же, как они, от существительного со значением «роза» (το τριαντάφυλλο). Этимология его достаточно прозрачна – тридцатилепестковая (роза), новая лексическая единица образовалась в средневековом греческом через эллипсис в словосочетании τριαντάφυλλον (‘ρόδον) и субстантивацию прилагательного.

Названия корицы, шоколада, меда послужили основой для номинации оттенков коричневого цвета.

Καννελύς = καννελής = καννελόχρους = καννελόχρωμος «светло-коричневый» образованы от καννέλα «корица», которое в средневековом греческом появилось из итальянского (*cannella*). Этимологически название пряности восходит к шумеро-аккадскому *qin* «тростник», откуда вавилоно-ассирийское *qanu*, затем др.-гр. *kánna*, лат. *capna*, на основе которого с деминутивным суффиксом образовалось итальянское слово [5. С. 779].

Σοκολάτς = σοκολατής «коричневый» образовано от названия кондитерского изделия, получаемого из какао-бобов, η σοκολάτα, которое в греческий язык пришло из романских языков (фр. *chocolat*, ит. *cioccolata* из испанского), первоисточник находят в языке ацтеков.

Μελύς = μελής = μελίχρους = μελίχρωμος = μελιτόχρους «коричневый» в основе имеют древнее название меда το μέλι с надежными индоевропейскими параллелями (хет. *melit*, лат. *mel* и т. д.).

Названия некоторых металлов стали источником нескольких новых цветообозначений.

Χρυσάφης = χρυσάφης «золотистый» является производным от το χρυσάφι «золото», которое продолжает позднегреческое χρυσάφιον, образованное от древнего существительного χρυσός «золото» с помощью уменьшительного суффикса -άφιον. Χρυσός имеет семитское происхождение.

Ασημύς = ασημής «серебристый, серебряного цвета», синонимичное αργυρός, образовано от существительного со значением «серебро» το ασημί, которое является продолжением средневекового ἄσημι(v), деминутива от позднегреческого ἄσημον «драгоценные металлы в слитках», являющегося субстантивированной формой древнегреческого прилагательного ἄσημος,η,ον «не имеющий знаков, нечеканенный». Внутренняя форма слова выявляется при словообразовательном анализе: α – отрицательная приставка, ὀήμα «знак» – и указывает на металл, не подходящий для чеканки монет.

Μολυβός = μολυβής = μολυβδόχρους «мутного, голубовато-серого, свинцового цвета» образовано от новогреческого названия металла το μόλυβι, продолжающего позднегреческое μολύβιον/μολίβιον, уменьшительную форму от древнегреческого μόλυβος (= μόλυβδος).

От названия камня το ρουμπίνι образовано прилагательное ρουμπινύς = ρουμπινής «рубиновый, имеющий цвет рубина». Название камня, имеющего красный цвет, заимствовано из французского языка (rubin с вариантом rubis), в который оно пришло из средневекового латинского (rubinus), однокоренное слово из классической латыни ruber восходит к общеиндоевропейскому обозначению красного цвета с корнем *reudh-/roud-/rudh-.

С названиями красителей негреческого происхождения связаны обозначения красного и синего цвета.

Κρεμζύς = κρεμζής «кошенильный, красный» происходит от названия красителя, получаемого из тела насекомого το κρεμέζι «кошениль». Прилагательное появилось в средневековом греческом как το κίρμιζής, а название насекомого и красителя имеет арабское происхождение (qirmiz), в греческий слово пришло через турецкое посредничество (kirmizi).

Λουλακός = λουλακής «синий» образовано от το λουλάκι – название красителя, добываемого из тропического растения «ινδικό». Реконструкция исторического пути слова выглядит следующим образом: новогр. λουλάκι <позднегр. λουλάκιον<араб. lilak<перс. nīlak

«γαλαζοπός» <nil «голубой, лазурный, синий» < санскр. *pīla* «темно-голубой» [6. С. 1023].

Μαῦρος = μαῖρις «голубой» и «фиолетовый» в первом значении заимствовано из турецкого (*maṇi*) и употребляется по отношению к глазам (μάτια), одежде (φόρεμα), небу (ουρανός), морю (θάλασσα) и является синонимом к γαλανός. Значение «фиолетовый», по-видимому, возникло под влиянием μοῖρ [6. С. 1032].

В синонимический ряд голубого и синего цвета входят прилагательные, образованные в новое время от названий моря и неба.

Θαλασσός = θαλασσίης = θαλασσόχρους = θαλάσσιος «светлосиний, цвет спокойного, теплого моря» образовано от догреческого слова неизвестного происхождения η θάλασσα.

Ουρανός = ουρανής = ουρανόχρους = ουράνιος «небесно-голубой», синонимичное γαλάζιος, θαλασσός, является производным от древнего ουρανός, не имеющего достоверной этимологии при наличии ряда интересных гипотез.

Σταχτός = σταχτής «пепельный, серый» (употребляется по отношению к одежде, меху) – производное от η στάχτη «зола, пепел, прах». Στάχτη восходит к средневековому στάκτη от древнего отглагольного прилагательного σтакτός, η, ον «капающий» (от στάζω «капать») с передвижением ударения в субстантивированной форме женского рода.

Αχυρός = αχυρόχρους «соломенный, цвет соломы» от το άχυρο «солома» – унаследованное древнегреческое αχυρον «мякина, плева, шелуха, сено» с индоевропейской этимологией (корень *ak- «острый», лексические параллели в латинском *acus, eris*, немецком *Ahre* и других языках). *Αχυρον > ᾠχυρον по аналогии с синонимом ᾠχη «мякина».

Κεραμίδος = κεραμίδης «кирпичный, имеющий цвет обожженной глины, красноватый, оранжевый» образовано от η κεραμίδα «черепица», в древнегреческом это κεραμίς, ίδος «черепица, глина» от κέραμος «глина» с ненадежной этимологией. Народная этимология связывает слово с κεράννυμι, κεράσαι, «смешивать», хотя с семантической стороны это сопоставление сомнительно. Более приемлемо толкование κέραμος как рефлекса индоевропейского корня *ker- со значением «жечь, топить» наряду с лат. *cremare* «жечь», лит. *kārštas* «горячий», гот. *haugi* «уголь», д.-в.-н. *herd* «очаг» [5. С. 823–824].

Все приведенные выше обозначения цветов (29), за исключением μαῖρις, образовались в новогреческом языке от названий плодов де-

ревьев и кустарников, металлов, цветов, красителей и т.д., которые, как правило, пришли с Востока (семитские языки, персидский) в позднегреческий язык, а некоторые лексемы в новогреческом появились через турецкое или арабское посредничество. В ряде случаев языком-первоисточником были турецкий, арабский, санскрит, а посредником – романские (итальянский, французский). Исконногреческими названиями предметов-эталонов являются *η ελαία* «олива», *το λάχανο* «зелень», *το τριαντάφυλλον* «роза», *το μέλι* «мед», *το ασήμι* «серебро», *το στάχτης* «пепел», *το άχυρο* «солома», *η κεραμίδα* «черепица», возможно, *το τσαγάλο* «миндаль».

Активизация форманта -и- в новогреческом языке, на наш взгляд, связана с именным характером производящей основы и воздействием древнегреческой морфологической системы, в которой наиболее устойчивыми являются и-основы, образованные от именных основ [7. С.188–189].

Вариативность форм *υς/ης*, по-видимому, можно объяснить итализмом и неустойчивостью орфографических норм, которая возникла из-за многовекового сосуществования кафаревусы, официального языка, и димотики, народного языка, и утверждением в 1976 г. димотики в качестве официального языка.

В ряде случаев с формами на -υς сосуществуют синонимичные композиты со второй частью -χρωμος, -χρους «цвет»: *βυσσινόχρους* «вишневого цвета», *κερασόχρους* «черешневого цвета», *πορτοκαλόχρωμος* «апельсинового цвета», *αχυρόχρους* «цвета соломы», *θαλασσόχρους* «светло-синий», *ουρανόχρους* «небесно-голубой», *μελίτοχρους* «коричневый», *καννελόχρους* «светло-коричневый».

Литература

1. Леушина Л.Т., Еркина А.Б. Рефлексы древних прилагательных с основой на -и- в современном греческом языке // Язык и культура: Сб. материалов 19 Международной конференции «Язык и культура» (Томск, 17–20 октября 2007 г.). Томск, 2007. Т. I. С. 87–95.
2. Хориков И.П., Малеев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993 [*Δορυπαράκης Παν.Χ.* Ετυμολογικό Ερμηνευτικό Λεξικό της Νεοελληνικής. Αθήνα, 1999; *Μπαμπινιώτη Γ.* Λεξικό της νέας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002].
3. Леушина Л.Т., Еркина А.Б. Адъективные и-основы в современном греческом языке // Язык и культура. 2008. №2.
4. Норманская Ю.В. Цветообозначения в древнегреческом языке // Наименования цвета в индоевропейских языках. М., 2007. С. 54–65.
5. Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1970. Bd. 1–3.

6. *Μπασιγιωτή Γ.* Λεξικό της νέας Ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 2002.

7. *Леушина Л.Т.* Особенности эволюции адъективных основ на –и– в древнегреческом и латинском языках // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах: Сб. материалов V Международной конференции по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31 января – 2 февраля 2006 г.). М., 2007. С. 186–192.

8. *Καζανσκήνε Β.Π., Καζανский Н.Н.* Предметно-понятийный словарь греческого языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1986.

МОТИВАЦИОННО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООНИМОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

А.В. Михеева

Томский государственный университет

Мотивационно-сопоставительное исследование зоонимов русского языка проводится в рамках сопоставительной мотивологии и имеет целью мотивационно-сопоставительный анализ (МСА) наименований млекопитающих русского и английского языков для описания общности и специфики явления мотивации в русском языке и углубления теории мотивации.

Выявление общности и специфики сравниваемых тематических групп (ТГ) и эквивалентных лексических единиц (ЛЕ) производится по следующим параметрам: а) насыщенность ТГ мотивированными, полумотивированными и немотивированными ЛЕ; б) типы соотношения эквивалентных ЛЕ; в) типы мотивированности ЛЕ; г) виды внутренней формы слова (ВФС); д) лексические процессы в сравниваемых ТГ; е) мотивировочные и классификационные признаки.

Насыщенность ТГ зоонимов русского и английского языков мотивированной, полумотивированной и немотивированной лексикой, статистические данные о типах мотивированности и видах ВФС зоонимов, о действии лексических процессов представлены в таблице. Все процентные выражения даны по отношению к общему количеству исследованных ЛЕ – 73 русских и 73 английских эквивалентных зоонима.

В процессе МСА зоонимов выявлено, что исследованная ТГ русского языка насыщена мотивированной лексикой практически наравне с ТГ английского языка, но немотивированной лексики в ней меньше на 8 % благодаря большей насыщенности полумотивированной лексикой.

Статистическое представление МСА зоонимов русского языка, %

Параметры сопоставления	Зоонимы русского языка	Зоонимы английского языка
1.1. Доля мотивированных ЛЕ	23	22
1.2. Доля полумотивированных ЛЕ	56	49
1.3. Доля немотивированных ЛЕ	21	29
2.1. Доля ЛЕ с лексическим типом мотивированности	36	29
2.2. Доля ЛЕ со структурным типом мотивированности	43	42
2.3. Доля ЛЕ с морфологическим типом мотивированности	79	69,5
2.4. Доля ЛЕ с семантическим типом мотивированности	–	1,5
3.1. Доля ЛЕ с вариантной ВФС	12	3
3.2. Доля ЛЕ с невариантной ВФС	67	68
3.3. Доля ЛЕ с лексикализованной ВФС	1,5	–
3.4. Доля ЛЕ с нелексикализованной ВФС	34,5	29
3.5. Доля ЛЕ с метафорической ВФС	8	11
3.6. Доля ЛЕ с неметафорической ВФС	71	60
4.1. Доля демотивированных ЛЕ	27	16
4.2. Доля ЛЕ, претерпевших ремотивацию	48	50
4.2.1. Лексическую	11,5	8
4.2.2. Структурную	35	37
4.2.3. Лексическую и структурную	1,5	5
4.3. Доля ЛЕ, претерпевших лексикализацию ВФС	1,5	–

Показателен анализ эквивалентных пар зоонимов в аспекте мотивированности. Они составляют следующие типы:

1. Мотивированная ЛЕ – мотивированная ЛЕ: *белка* – *squirrel*, *белуха* – *beluga*, *броненосец* – *armadillo*, *выдра* – *otter*, *ленивец* – *sloth*, *муравьед* – *anteater*, *реву́н* – *howler*, *тюлень* – *seal*, *утконос* – *duckbill*.

2. Мотивированная ЛЕ – полумотивированная ЛЕ: *буйвол* – *buffalo*, *вонючка* – *skunk*, *ехидна* – *echidna*, *землеройка* – *shrew*, *ди́ко-*

браз – *porcupine*, ленивец – *sloth*, медведь – *bear*, норка – *mink*, рысь – *lynx*.

3. Мотивированная ЛЕ – немотивированная ЛЕ: *единорог* – *par-whal*, *ехидна* – *echidna*, *тушканчик* – *jerboa*.

4. Полумотивированная ЛЕ – мотивированная ЛЕ: *барсук* – *badger*, *броненосец* – *armadillo*, *гуена* – *hyena*, *дельфин* – *dolphin*, *коала* – *koala*, *мартышка* – *monkey*, *муравьед* – *anteater*, *олень* – *deer*, *росомаха* – *wolverine*, *соня* – *dormouse*, *тюлень* – *seal*, *хорёк* – *polecat*.

5. Полумотивированная ЛЕ – полумотивированная ЛЕ: *бизон* – *bison*, *бобр* – *beaver*, *бурундук* – *chipmunk*, *верблюд* – *camel*, *гibbon* – *gibbon*, *горилла* – *gorilla*, *дельфин* – *dolphin*, *дикобраз* – *porcupine*, *енот* – *raccoon*, *койот* – *coyot*, *лама* – *lama*, *лиса* – *fox*, *марал* – *maral*, *осёл* – *donkey*, *пума* – *puma*, *росомаха* – *wolverine*, *рысь* – *lynx*, *сурок* – *marmot*, *хозяк* – *hamster*, *шакал* – *jackal*, *шиншилла* – *chinchilla*.

6. Полумотивированная ЛЕ – немотивированная ЛЕ: *волк* – *wolf*, *бегемот* – *hippopotamus*, *гепард* – *cheetah*, *кролик* – *rabbit*, *динго* – *dingo*, *зубр* – *aurochs*, *кошка* – *cat*, *кролик* – *rabbit*, *куница* – *marten*, *макака* – *tacaque*, *свинья* – *pig*, *слон* – *elephant*.

7. Немотивированная ЛЕ – мотивированная ЛЕ: *ёж* – *hedgehog*.

8. Немотивированная ЛЕ – полумотивированная ЛЕ: *верблюд* – *camel*, *кит* – *whale*, *лев* – *lion*, *лось* – *moose*, *лошадь* – *horse*, *мангуст* – *mongoose*, *орангутанг* – *orangutan*, *тигр* – *tiger*.

9. Немотивированная ЛЕ – немотивированная ЛЕ: *жираф* – *giraffe*, *заяц* – *hare*, *кенгуру* – *kangaroo*, *лемур* – *lemur*, *опоссум* – *opossum*, *панда* – *panda*, *тапир* – *tapir*, *шимпанзе* – *chimpanzee*, *ягуар* – *jaguar*.

Самый распространённый тип отношений в парах эквивалентных зоонимов: полумотивированный зооним русского языка – полумотивированный зооним английского языка (21 пара). Это обусловлено преобладанием полумотивированной лексики в обеих ТГ, а также активностью процесса структурной ремотивации заимствованных зоонимов. Русские эквиваленты в парах зоонимов *бизон* – *bison*, *гibbon* – *gibbon*, *горилла* – *gorilla*, *лама* – *lama*, *пума* – *puma*, *шиншилла* – *chinchilla*, имеющих сходную огласовку, в русский были, вероятно, заимствованы из европейских языков или из общего с английскими греко-латинского источника. В английский язык данные зоонимы также были заимствованы. Лексические процессы структурной ремотивации в обеих тематических группах репрезен-

тируют тенденцию к мотивированности языкового знака, так как заимствованная лексика приобретает ВФС за счёт установления отношений структурной и лексической мотивации.

Пар, где мотивированной ЛЕ русского языка соответствует полумотивированная ЛЕ английского языка, меньше, чем пар зеркального типа, где полумотивированному русскому зоониму соответствует мотивированный английский зооним (9 и 12 соответственно), а тех пар, в которых мотивированной ЛЕ русского языка соответствует немотивированная ЛЕ английского языка, наоборот, больше, чем пар зеркального типа (3 и 1 пара наименований животных).

Количество пар эквивалентных мотивированных и немотивированных зоонимов одинаково (по 9 пар каждого типа).

Таким образом, при общей относительно равновесной насыщенности двух ТГ мотивированной, полумотивированной и немотивированной лексикой преобладают смешанные пары зоонимов, в особенности такие, где один из эквивалентов является полумотивированным (53 пары из 73).

Анализ типов мотивированности зоонимов также подтверждает сходство зоонимической лексики русского и английского языков. Количество зоонимов со структурным и семантическим типом мотивированности практически одинаково, специфика зоонимов русского языка в большей насыщенности лексически мотивированными единицами. В ТГ английского языка присутствует единица с семантическим типом мотивированности. При этом необходимо отметить, что общим для данных тематических групп является абсолютное преобладание единиц с относительной (не абсолютной) мотивированностью.

Специфика внутренней формы русских зоонимов по сравнению с английскими заключается в большей частотности ЛЕ с вариантной ВФС, в наличии яркого случая лексикализации ВФС и достаточно малого количества названий животных с метафорической внутренней формой (6 ЛЕ). В ТГ английского языка доля таких ЛЕ также мала (8), причём в 4 парах метафорическую ВФС имеют оба члена: *броненосец* – *armadillo*, *дикобраз* – *porcupine*, *ленивец* – *sloth*, *утконос* – *duckbill*.

При исследовании зоонимов русского языка в сопоставлении с английским была предпринята попытка определить основное направление действия лексических процессов, ведущих к мотивированности или к произвольности языкового знака в данных ТГ.

Русская зоонимическая лексика, с одной стороны, в значительной своей части (27%) претерпела процесс утраты ВФС, с другой – эта группа лексики представляет активное действие процесса приобретения мотивированности заимствованными словами и демотиватами.

В ТГ английских зоонимов процесс утраты мотивированности уступает ремотивации в гораздо большей степени (демотивированных ЛЕ 16 %, ремотивированных – 46 %), при этом и в английском языке, и в русском структурная ремотивация преобладает в одинаковой степени.

Таким образом, лексические процессы демотивации и ремотивации, протекающие в исследуемых тематических группах, с одной стороны, показывают одновременность и разнонаправленность действия тенденций к мотивированности и произвольности языкового знака, с другой – активность освоения иноязычной заимствованной лексики системами русского и английского языков за счёт установления мотивационных связей зоонимов внутри тематической группы (обретение формантов) и с другими словами языка (установление отношений лексической мотивации).

Мотивировочные признаки (МП) зоонимов достаточно разнообразны, но наиболее частотные – *внешний вид* и *особенности поведения*.

МП *внешний вид* преобладает особенно в английской зоонимической лексике: он выражается в 12 ЛЕ, тогда как МП *особенности поведения* и *место обитания* выражены в 4 зоонимах каждый, *питание* – в 2 ЛЕ, а МП *издаваемые звуки* только в одном зоониме.

Для ТГ зоонимов русского языка характерен более широкий набор из 9 МП. Самый частотный МП – *особенности поведения* (9 ЛЕ), следующий за ним по частотности – МП *внешний вид* (6 ЛЕ); МП *издаваемые звуки* выражен в 3 русских названиях млекопитающих, МП *питание* и *образ жизни* – в 2 ЛЕ каждый. Специфичными для исследованной русской зоонимической лексики являются МП *образ жизни*, *издаваемый запах* (1 ЛЕ), *использование* (1 ЛЕ) и *структура волосяного покрова* (1 ЛЕ).

Сходство двух тематических групп ярко проявляется в выражении классификационного признака зоонимов со значением принадлежности к классу животных. И в русской, и в английской зоонимической лексике он выражается при помощи 19 формантов. Самый частотный формант в ТГ русского языка *-ка* выражает КП 8 зоони-

мов. В ТГ английского языка наиболее частотен формант *-er*, объединяющий 9 исследованных зоонимов. Остальные 18 формантов в обоих языках принадлежат в основном двум-трём наименованиям млекопитающих.

Общность явления мотивации слов в ТГ зоонимов русского и английского языков заключается в таких характеристиках, как: 1) относительно низкая насыщенность двух ТГ мотивированной лексикой и наличие большого количества полумотивированных ЛЕ; 2) почти одинаковая доля ЛЕ со структурным типом мотивированности; 3) практически абсолютное преобладание морфологического типа мотивированности; 4) низкая доля ЛЕ с метафорической ВФС и сложность выявления лексикализованной ВФС; 5) активное действие процесса ремотивации зоонимов, в особенности структурной; 6) преобладание МП *внешний вид* и *особенности поведения*; 7) наличие большого количества формантов, выражающих классификационный признак зоонимов, из которых один является наиболее частотным.

Выявленные особенности русской и английской зоонимической лексики обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами, которые тесно связаны друг с другом.

Если сравнить ТГ зоонимов с фитонимами и орнитонимами, очевидными станут особые отношения человека с миром животных. В-первых, любой человек – носитель языка – имеет представление не только о тех животных, которые обитают в его природной полосе, но и знаком в большей или меньшей степени с миром животных всех частей света.

Животные с древних времен интересовали человека своими повадками, характером, тем, что А. Брем называет «душевыми качествами»: о них рассказывали путешественники и первопроходцы, а сегодня издается большое количество научно-популярной литературы о животных, регулярно демонстрируются телепередачи и фильмы (например, продукция компании БиБиСи). Растения и птицы чаще становятся объектом внимания специалистов.

В языке, таким образом, бытуют названия экзотических животных, которые были напрямую заимствованы из языков народов, населяющих территорию распространения животного (*skunk* – вонок, *raccoon* – енот, *dingo* – динго и др.) или при посредничестве тех языков, на которых доходили первые сведения о животных (*gorilla* – горилла, *gibbon* – гиббон, *giraffe* – жираф, *kangaroo* – кенгуру и др.). Зафиксированы случаи, когда наименование животного появ-

лялось в языке задолго до знакомства его носителей с самим зверем (зооним *слон*).

Значительное количество заимствованных зоонимов обуславливает невысокую насыщенность ТГ мотивированной лексикой, с одной стороны, активное действие процессов ремотивации, большую долю полумотивированных ЛЕ и разнообразие формантов – с другой.

Поскольку звери обитают по большей части, как и человек, на земле, поэтому более доступны для наблюдения, чем птицы. Человек может различать конкретные признаки внешнего вида животного, его повадки, место обитания, особенности питания и т. д. Этим может объясняться набор МП зоонимов, а также преобладание неметафорического типа их внутренней формы.

При значительной общности зоонимической лексики русского и английского языков с позиций мотивологии выявлены некоторые специфичные черты русских зоонимов: в ТГ зоонимов русского языка большее количество ЛЕ имеют внутреннюю форму, причём разницу с английской зоонимической лексикой составляют полумотивированные слова.

Зоонимов, имеющих лексическую мотивированность, среди ЛЕ русского языка выявлено больше, однако стоит учесть, что ПЛЭ с носителями русского и английского языков был проведён в разных объёмах. При достижении равновесия в количестве русских и английских метатекстов эта разница, возможно, исчезнет. Этой же причиной, вероятно, обусловлено наличие большего количества русских зоонимов с вариантной ВФС.

Преобладание неметафорического типа ВФС в ТГ русских зоонимов проявлено более чётко, что в сочетании с широким набором МП, отражающих тесное соприкосновение человека с миром животных, позволяет проявить специфику мотивации зоонимов. Животные доступны для наблюдения, они имеют яркие черты внешнего облика и поведения, и человек осознаёт закрепление данных признаков в наименованиях млекопитающих. При этом спецификой русских зоонимов с метафорической внутренней формой является выражение НП животного при помощи человеческих свойств и качеств, тогда как метафорическая внутренняя форма английских зоонимов чаще основана на сравнении НП одних животных с другими.

О ТЕРМИНЕ *FACIES*

Н.Г. Нечипуренко

Новосибирский юридический институт

Faciei Marinae magno cum amore

«Imago animi vultus est», – повторяли древние. С лат. vultus «лицо; взгляд; внешность; вид; изображение; портрет» соотносится лат. facies «внешний образ, наружность; лицо, лик». У двух латинских слов с почти тождественной семантикой разная история. Лат. vultus «лицо» – категория классической и романской филологии, лат. facies «лицо», перешагнув границы филологических пределов, вошло в круг медицинских терминов и стало употребляться для обозначения понятия «лицо» в норме и патологии.

Область применения лат. facies в медицинском мире оказалась настолько широка, что термин, пройдя границы филологии и медицины, проникает в сферу культуры¹, где его можно встретить у великих мастеров художественного слова:

... У нее чахотка, это я ей гарантирую. Я ее не выслушивал, но facies меня никогда не обманывает.

Проспер Мериме. Арсена Гийо.

Одна из динамично развивающихся отраслей медицины – трансплантология, в которой специальные медицинские вопросы неразрывно связаны с вопросами медицинской этики и терминологии. Трансплантация лица – дело недалекого будущего. За новыми возможностями, открывающимися в трансплантологии, может возникнуть целый комплекс проблем как этического, так и терминологического плана. Французские ученые считают, что человек, который принял решение о трансплантации собственного лица, может разрушить свое психическое и физическое здоровье. С другой стороны, термин *transplantatio faciei* «трансплантация лица» не отвечает современным терминологическим тенденциям называть точно и

¹ См. об этом: Нечипуренко Н.Г., Верещагина Г.Н. Понятие «лицо» в контексте культуры и медицины (на материале лат. facies «лицо») // Современное терминоведение Сибири. Язык. Культура. Теория познания. Новосибирск, 2004. С. 82–84.

однозначно научные понятия¹. Поэтому терминологическая трактовка лат. *facies* «лицо» требует особого подхода.

Думается, что такой подход соотносится с содержанием, составляющим суть лат. *facies* «лицо, лик», понятия и слова, которое, по нашему мнению, должно входить в круг «сквозных» понятий сферы культуры.

¹ Человек. 2005. № 3. С. 186.

ФИЛОСОФСКО-НРАВСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРЕВОДАХ М.Н. МУРАВЬЕВА (ГОРАЦИЙ. САТИРЫ, II, 6)

Л.Б. Прокопьева

Томский государственный университет

М.Н. Муравьев – это одна из самобытных фигур русского Просвещения, человек универсального дарования, оказавший влияние на формирование литературно-эстетических взглядов писателей и поэтов последующего поколения. По мнению В.Н. Топорова, «он, кажется, не имел в его время равных себе по универсализму, синтетическим дарованиям, по захваченности страстью познания и раскрывающейся перед его духовным взором картиной торжествующего знания, процветающей жизни, добродетели, нравственности» [1. С. 17]. Значительную часть своей творческой жизни М.Н. Муравьев посвятил переводческой деятельности, так как «культурные сокровища античного мира и Западной Европы влекли его к себе, доставляя радость познания их, переживания и усвоения их, чувства глубокого удовлетворения» [1. С. 21].

Большое место в жизни и творчестве М.Н. Муравьева занимала работа с античными авторами, в частности с произведениями Горация. К 1789 г. он уже перевел целый ряд произведений Горация, в ряду которых самое большое место занимают переложения стихотворений на морально-философские темы: четвертая ода книги первой «К Люцию Сексту Консулярному» (1773 г.), девятая ода книги первой «К Талиарху» (1776 г.), одиннадцатая ода книги первой «К Левконое» (1776 г.). Переводы двух отрывков из шестой сатиры книги второй завершают этот ряд работ, одновременно являясь последними известными переводами М.Н. Муравьева стихов Горация. Это позволяет высказать предположение об особой значимости для М.Н. Муравьева данного произведения античного автора и мыслей, высказанных в нем.

С выхода «Сатир», первая и вторая книги которых были опубликованы между 35 и 33 гг. до н. э. и в 30 г. до н. э. соответственно, начался путь Горация в литературе. В первую книгу вошли 10 сатир, во вторую – 8. В них римский поэт поднимает морально-

философские проблемы, критикуя такие человеческие пороки и недостатки, как алчность, честолюбие, скупость, расточительность, зависть, и высказывая свои взгляды на жизнь, главным принципом которой являются простота и умеренность во всем. Истоки формирования подобной философско-нравственной позиции Горация глубоко личные, они основаны на его собственных впечатлениях от жизни в большом городе. «После тихих Афин... поэт погрузился в шум и сутолоку миллионного города... города, где каждый стремился к сиюминутной личной выгоде, удовлетворению своих мелких страстей, забывая о благе общества – и все это поразило его до глубины души... Глубокие раздумья и привели его к мысли показать обществу его пороки, избрав для этой цели зеркало сатиры» [2. С. 262–263].

Шестая сатира книги второй отличается от других: в ней нет резкой насмешки, доминирует лирическая интонация, а элемент сатиры встречается только в первой ее части, рассказывающей о жизни Горация в Риме. Произведение написано в форме монолога автора, выражающего признательность Меценату за подаренное им сабинское имение и восхваляющего простую деревенскую жизнь вдали от суетного города в уединении и независимости. Такое решение проблемы личного счастья вытекает из горацианского принципа «довольства малым», основанного на эпикурейской философии. Свою умеренность во всем поэт считает примером воплощения жизненной мудрости, проповедуя безыскусное сельское существование на лоне природы.

Как и в случае с другими произведениями Горация, М.Н. Муравьев был первым или одним из первых русских авторов, обратившихся к переводу данного стихотворения античного поэта. Небольшие отрывки из сатир Горация до М.Н. Муравьева переводили М.В. Ломоносов (I, 10), В.К. Тредиаковский (II, 2). Ф. Геннингер в 1759 г. перевел первую сатиру книги первой, и в 1763 г. в Санкт-Петербурге были изданы сатиры Горация в переводе И. Баркова. М.Н. Муравьев включил перевод 57–71 стихов шестой сатиры в «Эмилиевы письма» (ок. 1789 г.), а перевод 1–5 стихов поставил эпиграфом к «Обитателю предместья» (ок. 1790 г.), что говорит о большой важности этого произведения Горация для М.Н. Муравьева.

57–71 стихи сатиры Горация органично вплетаются в «Эмилиевы письма». М.Н. Муравьев включает их в письмо от 14 июля, в котором герой, отдыхающий летом в имении Берново, рассказывает

Филарету о своей глубокой привязанности к сельской жизни, вспоминая строчки Горация из шестой сатиры.

В шестой сатире книги второй сатир Горация 57–71 стихам предшествует рассказ о суетности городской жизни, которой приходится жить автору. С раннего утра заботы гонят его из постели, различные просители досаждают просьбами, зная о близости Горация к Мecenату. Когда же поэт заявляет о своем неведении в каких-то вопросах и делах, о которых ходят разные слухи, ему не верят, считая скрытным человеком. В такой обстановке он мечтает о простой деревенской жизни, с ее мелкими радостями, размеренностью, независимостью.

Текст Горация:

Perditur haec inter misero lux non sine votis:
O rus, quando ego te adspiciam quandoque licebit
Nunc veterum libris, nunc somno et inertibus horis
Ducere sollicitae iucunda obliviae vitae?
O quando faba Pythagorae cognate simulque
Uncta satis pingui ponentur holuscula lardo?
O noctes cenaque deum, quibus ipse meique
Ante Larem proprium vescor vernasque procaces
Pasco libatis dapibus. Prout cuique libido est,
Siccat inaequales calices conviva solutus
Legibus insanis, seu quis capit acria fortis
Pocula seu modicis uvescit laetius. Ergo
Sermo oritur, non de villis domibusve alienis,
Nec male necne Lepos saltet; sed, quod magis ad nos
Pertinet et nescire malum est, agitamus: utrumne
Divitiis homines an sint virtute beati;
Quidve ad amicitias, usus rectumne, trahat nos
Et quae sit natura boni summumque quid eius [3. С. 84–85].

Перевод М.Н.Муравьева:

Все купно суеты играют мной во граде.
В неволе общества и в скуке и в досаде
Проходит день, и я, вздыхая, говорю:
«Жилища сельские! когда я вас узрю?
Когда позволено мне будет небесами,
Иль чтением, иль сном и праздными часами

Заботы жития в забвенье погрузить
И нивы своя произведеньем жить?»
О пиршества богов! я вами не прельщаюсь,
Коль в хижине моей с друзьями насыщаюсь,
Вспомоществуемый усердьем слуг моих
(И добрый господин не забывает их).
Не знает никаких чинов беседа наша,
И ходит вокруг стола общественная чаша
Без принуждения и частых перекор.
Приятный между тем заходит разговор
Не о домах чужих и дачах подгородных,
Но о предлежностях гораздо превосходных,
Которых здравый толк со счастьем сопряжен:
Извне ли человек или собой блажен? Что к дружеству влечет –
корысть иль совершенство,
И что такое здесь верховное блаженство? [4. С. 266].

Начальным строчкам стихотворения М.Н. Муравьева нет точного лексического эквивалента в сатире Горация:

Все купно суеты играют мной во граде.
В неволе общества и в скуке и в досаде

Они обобщают смысл всех предшествующих строк сатиры, в которых античный поэт жалуется на городскую суету, на свою зависимость от мнения и забот окружающих, вызывающих у него активное неприятие. Поэтому ключевые слова перевода *суеты, во граде, в неволе, в скуке, в досаде, играют* органично и точно передают угнетенное настроение автора, следствием которого являются последующие строки.

Текст Горация:

Perditur haec inter misero lux non sine votis:
O rus, quando ego te adspiciam quandoque licebit
Nunc veterum libris, nunc somno et inertibus horis
Ducere sollicitae iucunda oblivia vitae?

Перевод М.Н. Муравьева:

Проходит день, и я, вздыхая, говорю:
«Жилища сельские! когда я вас узрю?

Когда позволено мне будет небесами,
Иль чтением, иль сном и праздными часами
Заботы жития в забвенье погрузить
И нивы своя произведеньем жить?»

Подстрочный перевод:

Гибнет среди этого, я сожалею, день не без таких пожеланий:
О деревня, когда я тебя увижу и когда будет дозволено
То древних книгами, то сном и праздными часами
Проводить тревожной приятные забвения жизни?

В данных строчках Гораций заявляет, что в городской суете пропадает день, и высказывает свою мечту о жизни в деревне, влекущей его возможностью забыть все тревоги и приятно проводить время за чтением любимых книг древних авторов или просто спать. Общий смысл и все семантические акценты первоисточника переданы М.Н. Муравьевым точно, это же касается и эмоционального плана двух произведений: их объединяет ностальгическая интонация при упоминании о простой сельской жизни. Лексические средства, использованные в переводе, позволили М.Н. Муравьеву во многих случаях максимально приблизиться к тональности сатиры Горация, правда, определенные расхождения присутствуют. М.Н. Муравьев делает не подстрочный, а литературный перевод. Так, обращает на себя внимание в первой строчке замена экспрессивного глагола *Perditur* «гибнет» по отношению к *lux* «день» (в широком смысле — жизнь) на нейтральный *проходит*, который не так ярко акцентирует факт не приносящей радости пустоты и даже вреда для человека городской суетности, интриганства, но в связи с предыдущими двумя строками все же имеет эмоциональную окраску, так как день бесцельно проходит именно *В неволе общества и в скуке и в досаде*. Деепричастие *вздыхая* передает смысл и настроение, вложенные Горацием в глагол *misero* «сожалею», так как лирический герой М.Н. Муравьева вздыхает именно от сожаления по потраченным впустую дням. *Non sine votis* «не без таких пожеланий» переведен глаголом (*говорю*), что усиливает вербальное выражение недовольства своей судьбой. Вторая строка отрывка начинается с обращения автора к деревне, о которой все его думы. О *rus* «О деревня» первоисточника М.Н. Муравьев переводит более конкретно: *Жилища сельские!*, желая, по-видимому, оживить и конкретизировать обоб-

щенный образ Горация, что не противоречит семантике подлинника. Как известно, это же восклицание Горация *O rus!* использует в качестве эпиграфа ко второй главе «Евгения Онегина» А.С. Пушкин, изящно обыграв созвучие *O rus!* – *O Русь!* и возведя ранг деревни до символа целой страны. Далее сатира продолжается риторическим вопросом-пожеланием: *quando ego te adspiciam* «когда я тебя увижу», который М.Н. Муравьев переводит как *когда я вас узрю?* Замена глагола *adspiciam* «увижу» на *узрю* при их смысловом тождестве «работает» на создание торжественной, высокой атмосферы, характерной для всего перевода в целом. Следующая фраза Горация *quandoque licebit* «когда будет дозволено», емкая, но безличная, переведена М.Н. Муравьевым более многословно и конкретно *Когда позволено мне будет небесами*, что по семантике сходно с первоисточником, так как в подтексте сатиры прочитывается обращение к судьбе, высшим силам, способным дать возможность автору изменить свой образ жизни. В конце отрывка Гораций рисует свой идеал жизни в деревне: это чтение книг, сон и праздное времяпрепровождение. Здесь семантически и во многом лексически оригинал и перевод совпадают, М.Н. Муравьев отражает все акценты, расставленные римским поэтом, кроме, пожалуй, детали, касающейся книг. Гораций дает определение книгам: *veterum libris* «древних книгами», имея в виду классических писателей Греции, к которым, как известно, он имел особое влечение. М.Н. Муравьев же заменяет этот емкий образ более общим существительным *чтением*, расширяя семантическое пространство и не отдавая предпочтения какому-либо определенному кругу книг. Отметим семантическое и интонационное совпадение определений, данных авторами часам, проводимым в деревне. У римского поэта они названы *inertibus* «праздными» по отношению ко времени (*iners, inertis* «праздно проводимое время, час»), у М.Н. Муравьева – *праздными*. Как в оригинале, так и в переводе в подтексте слышится радость, веселье и беззаботность. Удачно передано синтаксическое построение строки античного автора, когда момент возможности смены различных занятий выражается с помощью повторяющегося союза *Nunc... nunc* «то...то» (у М.Н. Муравьева – *иль...иль*). Семантически сходно и завершение риторического вопроса: все эти приятные автору занятия позволяют ему забывать о жизненных тревогах, этот факт отражается в переводе, правда, за счет отличных от текста Горация лексических средств. Так, античный автор в данной строке активно оперирует излюблен-

ными им эпитетами: *sollicitae... vitae* «тревожной... жизни», *iucunda oblivia* «приятные забвения», тогда как М.Н. Муравьев более склонен к строгости и конкретике, заменив прилагательное *sollicitae* «тревожной» на существительное *заботы*, а определение *iucunda* «приятные» вообще не переводя, что в итоге делает эту строку во многом лишь информационной, но не такой пластичной и пышной, как у Горация. Существительное *vitae* «жизни» переводится старославянским *жития*, которое в XVIII в. имело одно из значений «то же, что жизнь» [5. С. 142]. М.Н. Муравьевым удачно найдено сказуемое *погрузить*, придающее строчке богатую семантическую и эмоциональную окраску. Последней фразе перевода лексического соответствия в оригинале нет, все, что у Горация уходит в глубокий подтекст, у М.Н. Муравьева выражается прямо: *И нивы своя производеньем жить?* И это семантически не противоречит мыслям и мечтам Горация, выраженным в последующих строках.

Текст Горация:

O quando faba Pythagorae cognata simulque
Uncta satis pingui ponentur holuscula lardo?

Подстрочный перевод:

О когда бобы, Пифагора родственники, и одновременно
Обильная достаточно жирным будет положена зелень салом?

В этом риторическом вопросе отражается мечта Горация о простой деревенской пище. Автор иронично называет бобы родственниками Пифагора, так как тот считал, что бобы происходят из того же начала, что и человек, и запрещал их употреблять в пищу. Фраза не нашла отражения в переводе, возможно, из-за желания М.Н. Муравьева исключить из своего произведения слишком натуралистические подробности и детали, к которым склонен Гораций, описавший блюда, стоящие на праздничном столе (бобы, сало, зелень).

Текст Горация:

O noctes cenaеque deum, quibus ipse meique
Ante Larem proprium vescor vernasque procaces
Pasco libatis dapibus.

Перевод М.Н.Муравьева:

О пиршества богов! я вами не прельщаюсь,
Коль в хижине моей с друзьями насыщаюсь,
Вспомоществуемый усердьем слуг моих
(И добрый господин не забывает их).

Подстрочный перевод:

О ночи и обеды [ночные обеды] богов, во время которых сам и мои [близкие]

Перед Ларом собственным питаюсь и рабов назойливых
Кормлю остатками от обеда.

В этой части Гораций начинает описывать дружеские застолья, за которыми он проводит приятные для себя часы в деревне. Общий смысл этих строк М.Н. Муравьевым передается с некоторым отходом от семантического плана оригинала и часто за счет не соответствующих словам оригинала лексических средств. Так, в первых же строках заметно расхождение смысловых акцентов между подлинником и переводом. Гораций, риторически восклицая, лишь сравнивает свои обеды с друзьями с пиром богов (*O noctes cenaеque deum, quibus ipse meique... vescor* «О ночи и обеды [ночные обеды] богов, во время которых сам и мои [близкие]...питаюсь»), что насыщает текст ассоциативными образами богатого, пышного, беззаботного застолья. М.Н. Муравьев же, акцентировав элемент сравнения, несколько меняет и вместе с тем упрощает многослойный семантический план строк Горация: *О пиршества богов! я вами не прельщаюсь, // Коль в хижине моей с друзьями насыщаюсь*. Кроме этого, без его внимания остался образ Лара, введенный Горацием в свою сатиру и расширяющий ее художественное поле, так как Лар являлся у древних римлян и символом дома, обладания собственным очагом, и покровителем семьи, а может быть, Гораций имел в виду изображение этого божества над пиршественным столом. М.Н. Муравьев же, исключив из перевода образ Лары, переносит античного автора на русскую почву. Это же характерно и для концовки данного эпизода, описывающей рабов, прислуживающих за столом. У Горация они назойливые, то есть не боящиеся своих хозяев (*vernas procaces* «рабов назойливых»), и за этим емким образом кроются широкие исторические реалии Древнего Рима, так как имеются в виду рабы, родившиеся и выросшие в доме, поэтому пользующиеся лучшим к ним

отношением и привилегиями по сравнению с купленными рабами. М.Н. Муравьев этот факт никак не отражает, в его интерпретации они просто усердные помощники своего господина: *Вспомоществуемый усердьем слуг моих*. В последней строке римский поэт, завершая рассказ о своих рабах, говорит о том, что отдает им остатки обеда (и в этом – выражение благоволения господина): *Pasco libatis dapibus* «Кормлю остатками от обеда». Этот момент передается М.Н. Муравьевым (*И добрый господин не забывает их*), неподготовленному читателю смысл оригинала здесь не понятен. Для автора же именно такой перевод имеет принципиальное значение, так как отношение к слугам во времена Горация и М.Н. Муравьева различно: в античном обществе рабство и несколько пренебрежительно-покровительственное отношение даже к особо приближенным рабам естественно, а для М.Н. Муравьева, человека эпохи Просвещения, характерно другое отношение к слугам. Придерживаясь руссоистской концепции природного равенства людей, внесловной ценности любого человека, М.Н. Муравьев изображает доброго господина и усердных слуг, а не «рабов назойливых», что характерно для нравственного кодекса чувствительного человека, осуждающего социальное неравенство и стремящегося смягчить проявления крепостной действительности в России XVIII в. Эту тему М.Н. Муравьев позже разовьет в «Обитателе предместия» в 1790 г. В записи от 27 сентября его герой расскажет о графе с говорящей фамилией Благотворов, который настолько добр со своими слугами, что «кажется, окружен толпою внимательных приятелей, которых покровительствует» [6. С. 38]. Он видит в слугах в первую очередь людей и относится к ним в соответствии с принципами высоко нравственного человека: «Не помнят в доме, чтоб он огорчил кого грубым словом... Все, что его окружает, испытывает влияние добродушия его и приветливости и заимствует у него навык приятности и снисхождения» [6. С. 38]. Таким образом, данный отрывок демонстрирует довольно большое расхождение в лексических и семантических деталях между латинской сатирой и ее переводом, что объясняется попыткой переноса фактов жизни античного общества на русскую почву и декларацией идейно-эстетической системы М.Н. Муравьева.

Текст Горация:

Prout cuique libido est,
Siccata inaequales calices conviva solutus

Legibus insanis, seu quis capit acria fortis
Pocula seu modicis uvescit laetius.

Перевод М.Н.Муравьева:

Не знает никаких чинов беседа наша,
И ходит вокруг стола общественная чаша
Без принуждения и частых переکور.

Подстрочный перевод:

Смотря по желанию каждого
Осушает разные чаши гость свободный [не стесняющийся]
От законов безумных: или кто берет огромные крепкий
Бокалы или умеренными увлажняет более радостно.

В этом отрывке Гораций подробно описывает, как проводится время на пирушках: его гости свободны от необходимости выполнять безумные законы, по которым проводятся попойки в городах, когда, по греческим обычаям, выбирался человек, предписывающий всем пить в той или иной мере. Друзья же Горация вольны выпивать столько, сколько они желают. В переводе в общем прочитывается этот момент, однако емкие, богатые образы римского поэта не находят отражения в произведении М.Н. Муравьева, который недостаточно детально передает течение дружеского застолья, приблизив его к русской действительности. Главный акцент Гораций делает на приемлемости выпиваемого для каждого гостя, он подробно и красочно описывает этот процесс, активно используя множество богатых эпитетов, уточняющих определений: *conviva solutus* «гость свободный», *Legibus insanis* «От законов безумных», *acria*... *Pocula* «огромные...бокалы», *fortis* «крепкий» (о друге, способном выпить много), *modicis* «умеренными» (о размерах чаши), *laetius* «более радостно». Эти приемы воссоздают атмосферу дружбы, понимания, комфорта за общим столом, что является главной эмоциональной составляющей этого отрывка, его богатым подтекстом, так как пир объединяет близких по духу людей. М.Н. Муравьев, несомненно почувствовавший такое настроение эпизода, вольно передал этот момент, заявляя прямо: *Не знает никаких чинов беседа наша, // И ходит вокруг стола общественная чаша. Эта общественная чаша ассоциативно восходит к традициям русского пира, к «братине» на Руси XVI–XVII вв. Так называли заздравную чашу, символ едине-*

ния, дружбы, которая передавалась по кругу, и каждый гость, пригубив вино, передавал ее соседу. Такая совместная трапеза сближала людей, забывались распри, старые обиды, возникало духовное родство («Русские пиры»). Факт же свободы выбора количества выпиваемого вложен в последнюю строку перевода, в которой говорится о том, что чаша ходит по столу *Без принуждения и частых перекор*. Таким образом, сохранив в своем переводе настроение отрывка сатиры Горация, М.Н. Муравьев достаточно вольно передал семантический и лексический план эпизода, перенес античные реалии на русскую почву.

Текст Горация:

Ergo

Sermo oritur, non de villis domibusve alienis,
Nec male necne Lepos saltet; sed, quod magis ad nos
Pertinet et nescire malum est, agitamus: utrumne

Перевод М.Н. Муравьева:

Приятный между тем заходит разговор
Не о домах чужих и дачах подгородных,
Но о предлежностях гораздо превосходных,
Которых здравый толк со счастьем сопряжен:

Подстрочный перевод:

Итак,

Разговор начинается, не о виллах и домах чужих,
И не [о том] плохо или нет Лепос танцует, но что более к нам
Относится и [чего] не знать плохо, мы обсуждаем:

Этот эпизод сатиры посвящен рассказу о предмете разговоров за дружеским столом. Пир у древних греков и римлян был не просто средством насыщения, но и формой общения, причем предмет разговора чаще всего был очень серьезен. Так, в сатире показано, что компания друзей обсуждает не ничтожные и суетные проблемы, от которых Гораций так устал в городе, а морально-этические, философские вопросы. В начальной своей части перевод достаточно точный, концовка же лексически вольная. Первая строка у М.Н. Муравьева соответствует лишь части фразы Горация: *Приятный между тем заходит разговор* – Sermo oritur «Разговор начинается». Замет-

но желание М.Н. Муравьева придать более эмоциональный и образный характер существительному *разговор* при помощи эпитета *приятный*, что не выходит за рамки смысла оригинала, так как для Горация такой разговор с друзьями именно приятен. Глагол *заходит* вполне соответствует *oritur* «начинается». Однако М.Н. Муравьев многословен, возможно, этот факт продиктован соображениями ритма, но является лексическим отходом от первоисточника.

Далее оба автора пишут о темах, недостойных дружеской беседы, и здесь М.Н. Муравьев весьма близок к лексике Горация, который говорит о *de villis domibusve alienis* «о виллах и домах чужих». В переводе добавляется лишь определение *подгородных* по отношению к существительному, обозначающему загородное поместье (*de villis* «о виллах» – *дачах подгородных*). Далее М.Н. Муравьев не отражает еще один факт, по мнению Горация, также не достойный быть предметом обсуждения: *Nec male necne Lepos saltet* «И не [о том] плохо или нет Лепос танцует». Римский поэт таким способом расширяет историческое и культурное пространство своей сатиры: Лепосом звали одного из известных плясунов времени Горация. М.Н. Муравьев, исключив из перевода этот факт, сужает семантический план произведения, возможно посчитав достаточными уже перечисленные суетные темы для сплетен. К тому же М.Н. Муравьев был истинным поклонником русского балета, поэтому античные реалии в этом случае для него, может быть, были не так актуальны, а также, возможно, он посчитал эту тему вполне приемлемой для разговоров. Для М.Н. Муравьева важен акцент на глубине и важности застольных бесед, что повлияло даже на объем перевода (полтора строчкам оригинала соответствуют две строки у М.Н. Муравьева): *sed, quod magis ad nos // Pertinet et nescire malum est, agitamus: utrumne* «но что более к нам // Относится и [чего] не знать плохо, мы обсуждаем» – *Но о предлежностях гораздо превосходных, // Которых здравый толк со счастьем сопряжен*. Семантический план строк сатиры сохранен, однако он передан за счет собственных лексических средств, сходства с которыми в подлиннике не отмечается. Кроме этого, М.Н. Муравьев принципиально прямолинеен: если Гораций говорит лишь о том, что он обсуждает с друзьями *nescire malum est* «[чего] не знать плохо», то в переводе смысловой подтекст облекается в форму *здравый толк со счастьем сопряжен*. Таким способом М.Н. Муравьев формулирует важную для него и сентименталистов норму органического целостного идеала, в котором

у М.Н. Муравьева), в котором все же заметна замена несущих основную семантическую нагрузку существительных *usus rectumque* «польза или разумное» на более явные, эмоционально прозрачные и значимые для сентименталистов *корысть* иль *совершенство*. Польза и разумное для М.Н. Муравьева – это, по-видимому, тождественные понятия, а вот корысть, с одной стороны, как призрачная погоня за внешним благополучием и совершенство, с другой – как поиск гармонии и идеала для М.Н. Муравьева принципиальны. В заключительной же строке Гораций говорит о философском понимании добра (*Et quae sit natura boni summumque quid eius* «И какая есть природа добра и вершина что его»), а М.Н. Муравьев несколько искажает смысл выражения античного автора, переведя его вопросом *И что такое здесь верховное блаженство?*, по сути поставив знак равенства между поисками добра и обретением высшего блаженства. Слово «блаженство» в словаре русского языка XVIII в. определяется как «высшая степень благополучия, довольства, счастья» [8. С. 58]. Таким образом, в этой замене читается важное для сентименталистов руссоистское представление о значимости воспитания чувств, сердца совершенного, гармоничного человека. Эти факты в совокупности приводят к явному переносу семантического и лексического планов сатиры Горация на русскую почву, кроме этого, М.Н. Муравьев пытается создать близкое подлиннику настроение торжественности, высоты философского осмысления жизненных ценностей, которое передается при помощи активного использования в переводе старославянизмов *блажен, дружеству, совершенство, влечет, блаженство*.

В целом перевод отрывка из шестой сатиры книги второй можно назвать достаточно близким первоисточнику, так как М.Н. Муравьеву удалось передать то настроение душевной умиротворенности, неспешного философского размышления, высокой торжественности, созданное античным автором в своем произведении. Однако эта задача была выполнена часто за счет собственных лексических средств, синонимичных образам Горация. Для М.Н. Муравьева было важным наполнить сатиру античного автора своим содержанием, показать деревню как оппозицию в отношении к светской жизни. Такой способ существования близок ему своей руссоистской идеей естественности, близости к природе, нравственной чистоты, идеей внесловного равенства людей. Один из эпизодов произведения римского поэта вообще не был отражен М.Н. Муравьевым, а две

первые строчки стихотворения М.Н. Муравьева представляют собой авторское творчество, обобщающее содержание предшествующих данному отрывку фраз Горация. Этот факт практически не сказался на разнице в объеме двух произведений: 18 строкам сатиры соответствует 21 строка перевода, выдержано и композиционное построение подлинника.

Система организации стиха сатиры Горация получила свое отражение в переводе М.Н. Муравьева. Произведение античного поэта написано дактилическим гекзаметром. Это шестистопный размер, состоящий из дактилей с возможной заменой их спондеями во всех стопах, кроме пятой. В каждом стихе – шесть повышений (арсисов), которые в русском языке передаются силовым ударением. М.Н. Муравьев для максимально точной передачи ритма сатиры Горация использует также шестистопный размер (в отличие от предыдущих переводов, выполненных четырехстопным размером), это ямб со смежной рифмой (аавв), придающий размеренность, плавность, торжественность течению мысли автора.

Около 1790 г., работая над «Обитателем предместья», М.Н. Муравьев вновь возвращается к шестой сатире Горация и ставит свой перевод ее начальных строк (1–5) эпиграфом ко всему произведению.

В этих строчках сконцентрирована философия жизни античного автора, проповедовавшего умеренность в желаниях, довольство малым как средство достижения истинного счастья, спокойствия, высокой мудрости. Гораций описывает те блага, которыми он владеет в своем сабинском поместье: небольшой кусочек земли, окруженный садом и лесом, с протекающим вблизи источником. Поэт счастлив и у богов не просит ничего более.

Текст отрывка из сатиры Горация:

*Noc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus ubi et tecto vicinus iugis aquae fons
Et paulum silvae super his foret. Auctius atque
Di melius fecere. Bene est. Nil amplius oro.
Maia nate, nisi ut propria haec mihi munera faxis [3. С. 82].*

Перевод М.Н. Муравьева:

Хотелось мне иметь землицы уголок,
И садик, и вблизи прозрачный ручеек,

Лесочек сверх того: и лучше мне и боле
Послали небеса. Мне хорошо в сей доле,
И больше ни о чем не докучаю им,
Как только, чтоб сей дар оставили моим [4. С. 267].

Подстрочный перевод:

Это было в желаниях: мера земли не столь большая,
Сад где и дому соседний неиссякающий воды источник
И немного леса над этими было бы. Больше и
Боги лучше сделали. Хорошо. Ничего больше не прошу,
О, Майи сын, кроме того, чтобы собственными эти мне дары ты
сделал.

Текст Горация:

Nos erat in votis: modus agrī non ita magnus,

Перевод М.Н. Муравьева:

Хотелось мне иметь землицы уголок,

Подстрочный перевод:

Это было в желаниях: мера земли не столь большая,

Первая строчка отрывка сатиры Горация семантически тождественна и лексически синонимична переводу. В ней говорится о желании поэта иметь небольшой участок собственной земли. Начальная фраза подлинника *Nos erat in votis* «Это было в желаниях» вполне соответствует по смыслу предложенному М.Н. Муравьевым *Хотелось мне иметь*, в котором сохраняется грамматическая категория прошедшего времени, общий семантический план, переданный глаголом *хотелось*, синтаксис обобщенного безличного предложения с усилением лирического акцента (особо важного для ориентированного на сентиментализм автора) при помощи местоимения *мне*. Размер желаемого участка земли М.Н. Муравьев передает собственными лексическими средствами, отражающими содержание фразы Горация, который заявляет прямо: *modus agrī non ita magnus* «мера земли не столь большая». В переводе используется словосочетание, состоящее из двух существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*землицы уголок*), в своем подтексте не-

сущих сему маленького объема территории и принципиальное для поэтики сентиментализма воспевание малого, на первый взгляд, незначительного, но особо важного для чувствительного и внимательного лирического героя.

Текст Горация:

Hortus ubi et tecto vicinus iugis aquae fons
Et paulum silvae super his foret. Auctius atque
Di melius fecere. Bene est. Nil amplius oro.

Перевод М.Н. Муравьева:

И садик, и вблизи прозрачный ручеек,
Лесочек сверх того: и лучше мне и боле
Послали небеса. Мне хорошо в сей доле,
И больше ни о чем не докучаю им,

Подстрочный перевод:

Сад где и дому соседний неиссякающий воды источник
И немного леса над этими было бы. Больше и
Боги лучше сделали. Хорошо. Ничего больше не прошу,

Во второй строке Гораций продолжает перечислять свои желания: это сад и источник воды. М.Н. Муравьев сохраняет семантику фразы римского поэта, ключевые понятия, однако использует свои лексические средства. Hortus «сад» он переводит как *садик*, еще раз подчеркнув таким приемом непритязательность Горация, его философскую мудрость довольства малым, а уменьшительно-ласкательная форма существительного несет принципиальную для поэтики сентиментализма нагрузку: внимание к незначительным на первый взгляд, но важным деталям, которые способен увидеть и оценить чувствительный лирический герой. Далее же развернутый, красочный, изобилующий деталями образ, обозначенный античным автором как *tecto vicinus iugis aquae fons* «дому соседний неиссякающий воды источник» передается М.Н. Муравьевым более компактно и немногословно: *вблизи прозрачный ручеек*. Наречие *вблизи* отражает смысл, вложенный Горацием в словосочетание *vicinus... fons* «соседний...источник», однако не обладает такой художественностью и пластичностью, а несет информационную нагрузку. Эпитет *iugis* «неиссякающий» заменен на *прозрачный*, что не одно и то же,

но в сочетании со словом *ручеек* (вновь используется принципиально важная для М.Н. Муравьева уменьшительно-ласкательная форма) создает зримый образ постоянно текущей воды, в целом соответствующий картине Горация (*iugis aquae fons* «неиссякающий воды источник»).

Далее Гораций завершает перечисление своих желаний и заявляет о полном довольстве жизнью. Семантически перевод соответствует оригиналу. В первой строчке говорится о небольшом лесу, который хотел бы иметь автор около своего имения. Маленький размер этого леса М.Н. Муравьев передает при помощи уменьшительно-ласкательного существительного *лесочек* (у Горация – *paulum silvae* «немного леса»). Затем римский автор, подчеркивая свое счастье, говорит, что *Auctius atque // Di melius fecere* «Больше и // Боги лучше сделали». М.Н. Муравьев, сохраняя смысл и частично лексику оригинала, точно переводит: *и лучше мне и боле // Послали небеса*, поставив на первое место *лучше* (у Горация вначале *auctius* «больше»). По-видимому, такой порядок слов имеет для М.Н. Муравьева принципиальное значение, так как усиление субъективного начала является для сентименталистов одним из самых важных качеств новой литературы. Использование метонимии (*небеса* – *Di* «Боги») переносит в подтекст благодарность Горация именно богам, но семантику фразы не искажает, а даже украшает художественную составляющую перевода. Лаконичная оценка Горация своего нынешнего положения (*Bene est* «Хорошо») у М.Н. Муравьева превращается в развернутую синтаксически и более многословную лексически: *Мне хорошо в сей доле*. Ключевое слово «хорошо» сохранено и, возможно, из соображений ритма и рифмы дополнено сочетанием *в сей доле*, несущим настроение высокой торжественности, в которое окрашено чувство благодарности автора за свое счастье, поэтому здесь уместны старославянизмы, использованные М.Н. Муравьевым. Оканчивается отрывок заявлением Горация: *Nil amplius oro* «Ничего больше не прошу», которому семантически полностью и во многом лексически соответствует фраза в переводе: *И больше ни о чем не докучаю им*. Обращает на себя внимание лишь замена глагола первоисточника *oro* «прошу» на более эмоциональный *докучаю*, только украшающий стихотворение М.Н. Муравьева, так как он расширяет семантическое пространство произведения, неся в подтексте мысль о том, что настоящее положение лирического героя так замечательно, что все другие просьбы были бы лишними.

Текст Горация:

Maia nate, nisi ut propria haec mihi munera faxis.

Перевод М.Н. Муравьева:

Как только, чтоб сей дар оставили моим.

Подстрочный перевод:

О, Майи сын, кроме того, чтобы собственными эти мне дары ты
сделал.

В последней строчке данного отрывка Гораций обращается к Меркурию (сыну Майи), возможно, потому, что первоначально Меркурий олицетворял собой могучие силы природы и, являясь сыном богини Земли (Майи), воплощал в себе первоисточник всех жизненных благ, подаренных лирическому герою судьбой. Автор просит только одного: оставить ему дары богов и ничего более. М.Н. Муравьев передает общий смысл фразы Горация, изменив лексический план оригинала. Так, обращение к Меркурию не переводится дословно, а уходит в подтекст, так как в неопределенно-личной форме глагола (*оставили моим*) подразумевается апелляция к высшим силам, выполнившим все желания героя. Далее *как только* передает значение *nisi* «кроме того», несущее в себе сему предела исполненных желаний автора. Фраза *чтоб сей дар оставили моим* семантически тождественна *ut propria haec mihi munera faxis* «чтобы собственными эти мне дары ты сделал», лексические акценты (*mihi* «мне» – *моим*; *munera* «дары» – *дар*) расставлены.

Ритм шестистопного ямба удачно отражает плавность и размеренность интонации дактилического гекзаметра, которым была написана сатира Горация.

Общая тональность отрывков из произведения античного автора как нельзя лучше соответствует сентиментальной направленности М.Н. Муравьева, ставящего на первый план отражение высоких эмоций лирического героя, ценящего не только человека мыслящего, но и глубоко чувствующего, философа-мудреца, живущего в гармонии с собой и окружающим миром. Поэтому жизненные принципы Горация особенно близки М.Н. Муравьеву, что получает свое подтверждение в данных переводах.

Включение отрывков шестой сатиры Горация в ткань «Обитателя предместья» и «Эмилиевых писем» не случайно. В этих произведениях М.Н. Муравьева в форме дневниковых записей и писем главного героя, человека, способного увидеть, оценить и воспеть красоты, достоинства и мудрость простой сельской жизни, конструируется особый мир, мир тишины и спокойствия деревни, как оппозиции городской суетности. Горация и М.Н. Муравьева сближает умение наслаждаться уединением, домом, общением с близкими по духу людьми и обретение при этом душевного и физического комфорта. Круг связей лирических героев обоих авторов достаточно узок: это в первую очередь тихое жилище, затем друзья и в конце концов вся деревня (у М.Н. Муравьева – предместье). Они получают удовольствие от простого сидения у камина, очага, от чтения любимых книг, от прогулок по живописным окрестностям. Таким образом, художественным пространством сатиры Горация и произведений М.Н. Муравьева становится сельская идиллия, проникнутая настроением тихой радости, высокой философской мудрости от умения принять и оценить все подаренное судьбой.

Литература

1. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. 2. Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. М., 2001. Кн. I.
2. *Борухович В.Г.* Квинт Гораций Флакк. Саратов, 1993.
3. *Квинт Гораций Флакк.* Избранные произведения (оды, эподы, сатиры). М., 1947.
4. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л., 1967.
5. *Словарь русского языка XVIII века.* СПб., 1992. Вып. 7.
6. *Муравьев М.Н.* Обитатель предместия // Русская литература XVIII века. М., 2001.
7. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.
8. *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1985. Вып. 2.

**К.Н. БАТЮШКОВ И С. ПРОПЕРЦИЙ
(СТИХОТВОРЕНИЕ БАТЮШКОВА «ТЕНЬ ДРУГА»
И 7-я ЭЛЕГИЯ 4-й КНИГИ ПРОПЕРЦИЯ
«SUNT ALIQUID MANES: LETUM NON OMNIA FINIT»)**

Н.С. Пяткова

Томский государственный университет

Интерес к античности возник у Батюшкова ещё в юные годы, он основательно изучил античную поэзию (Вергилий, Гораций), философию французского Просвещения (Вольтер, Дидро, д'Аламбер), литературу итальянского Возрождения. Французская просветительская философия и античные лирики, по свидетельству исследователей, оказали сильное воздействие уже на раннее творчество Батюшкова. При этом античные авторы (Анакреон, Гораций, Тибулл и др.) были восприняты сквозь призму «лёгкой поэзии», а точнее – стихотворений французских поэтов Парни, Грессе, Мильвуа, итальянских поэтов Петрарки, Ариосто и др. Большую роль для знакомства Батюшкова с античной культурой сыграли годы учения, а особенно домашнее обучение под руководством М.Н. Муравьева, двоюродного дяди поэта. Влияние Муравьева на творчество Батюшкова было настолько велико, что, по мнению Н.В. Фридмана, «некоторые стихи Муравьева, в которых мир древней Эллады был нарисован как мир идеальной красоты и гармонии и облечён в очень чёткие предметные и музыкальные формы, могли быть включены в собрание сочинений Батюшкова и не произвели бы впечатления диссонанса» [1. С. 79].

С 1805 г. Батюшков принимал участие в заседаниях «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В это время ещё больше укрепился его интерес к античной и западноевропейской философии, Батюшков зачитывался Эпикуром, Лукрецием, Монтенем, поэта привлекало искусство пластического изображения мира.

Мироощущение Батюшкова проявилось, прежде всего, в особом концепте античности, который сформировался в его творчестве, в том значении, которое она имела для поэзии Батюшкова и его особого мировосприятия. Понимание античности в творчестве Батюшкова можно разделить на 2 периода – до 1812 г. и после. В первый период

античность для поэта – основа его эстетического идеала. По словам Л.И. Савельевой, «античные образы и мотивы Батюшков привносит в реальный окружающий мир и с их помощью трансформирует этот невзрачный и скудный будничный мир в мир яркий, прекрасный» [2. С. 64]. Батюшков не бежит от реальности в своём романтическом мироощущении, он остаётся на почве современной жизни, трансформируя её с помощью античных образов в идеальный мир. После 1812 г. мирозерцание Батюшкова приобретает мрачный характер, изменяется и функция античных мотивов в творчестве. Античные образы и мотивы больше не сливаются с жизненным идеалом Батюшкова. Теперь поэт смотрит на античность со стороны, в понимании античности в позднем периоде Батюшков сближается с Жуковским – античность является прекрасным, но невозвратным идеалом. Ко второму периоду творчества относятся и 2 цикла – 13 антологических стихотворений (1817–1818 гг.) и «Подражания древним» (1821 г.), оба цикла имеют достаточно мрачную окраску. Интерес к древнеримским элегикам, Тибуллу, Проперцию, появляется также во второй период творчества, после 1812 г.

Особый концепт античности обуславливает философию Батюшкова – «маленькую» философию, как называл её сам поэт, философию наслаждения чувственными радостями жизни. Философия наслаждения для Батюшкова связана с культом красоты и молодости, дружбы, общности интересов. По замечанию Л.И. Савельевой, философия Батюшкова близка «к идеалу частной жизни Горация, но Батюшкову чужда умеренность Горация, его призыв к «золотой середине», особенно в проявлениях любви» [2. С. 64]. Любовь в поэзии Батюшкова чувственная, однако, как заметил Н.В. Фридман, плотское в любви у поэта неотделимо от духовного [1. С. 115]. Подобное понимание любви встречается и в творчестве римского элика Проперция.

Исследователи отмечают, что и Тибулл, и Проперций интересовали Батюшкова прежде всего как поэты любовного чувства, воплощавшие его по-разному. Сам Батюшков в статье «Петрарка» писал: «Любовь способна принимать все виды. Она имеет свой особенный характер в Анакреоне, Феокрите, Катulle, Проперции, Овидии, Тибулле и в других древних поэтах. Один сладострастен, другой нежен и так далее» [3. С. 245]. Характерен выбор античных авторов. В «Речи о лёгкой поэзии» Батюшков перечисляет имена близких ему античных «эротических» поэтов. Здесь фигурируют Бион,

Мосх, Симонид, Феокрит, Анакреон, Сафо, Катулл, Тибулл, Проперций, Овидий.

В творчестве же Батюшкова цитата из Проперции встречается лишь однажды. Батюшков использует первые строки 7-й элегии 4-й книги Проперция в качестве эпиграфа к своему стихотворению «Тень друга»:

Sunt aliquid manes: letum non omnia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos <...> [Цит.: 4. С. 175–179].

Это стихотворение Батюшкова было написано в 1814 г., т. е. во второй период творчества, и посвящено погибшему на войне под Лейпцигом другу Батюшкова И. Петину. «Тень друга» по своему содержанию, поэтике – характерное произведение для творчества Батюшкова второго периода. Тема гибели любимого человека, составляющая сюжет данного стихотворения, появляется неоднократно, например, в переводах Батюшкова из Петрарки, Парни.

Жанр этого стихотворения исследователи определяют как элегию. Сюжет стихотворения романтический: лирическому герою ночью во время плавания является тень умершего друга, но затем, как видение, ускользает. Возникает характерное для романтизма двоемирие, мотив смерти и вечной любви, дружбы, романтический образ видения. Истоки данного стихотворения Н.В. Фридман возводит к байронизму, указывая на наличие текстуальных совпадений с вольным переводом Батюшкова из Байрона [1. С. 229]. Правомерно также возводить истоки элегии к традиции путешествия Гомера, а именно к «Одиссее». Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидной связь элегии Батюшкова и с 7-й элегией 4-й книги Проперция.

Во-первых, на это указывает эпиграф, взятый Батюшковым:

Царство теней всё-таки есть; не всё прекращает смерть,
И бледная тень избегает побеждённые костры <...>

Эпиграф моделирует всю пространственную организацию элегии «Тень друга» – это два мира: мир живых и мир теней (царство душ). И Проперций разговаривает с умершей Цинтией как с живой.

Во-вторых, заглавие стихотворения – «Тень друга» – корреспондирует к элегии Проперция: последняя строка 7-й элегии – «*inter complexus excidit umbra meos*» («Между объятий моих проскользнула тень»). Строка «Проскользнувшая тень» из 7-й элегии Проперция заимствована Батюшковым в качестве заглавия – «Тень друга».

В-третьих, на связь элегии Проперция с Батюшковым указывает общность тем. 7-я элегия 4-й книги Проперция посвящена нерасторжимой жизненной связи с возлюбленной и после её смерти. Эта элегия по праву считается одной из самых лучших во всех четырех книгах древнеримского поэта. Она, как и элегия Батюшкова, по структуре своей трёхчастна. В первой части описывается чувство покинутости и одиночества, посетившее лирического героя во сне. Размышления героя Батюшкова приходят во время бессонницы. Во второй части у Проперция является во сне живая Цинтия, у Батюшкова – видение друга. В третьей части – видения ускользают.

Общей является и основное эмоциональное наполнение стихотворений – вечная память о любви и смерти.

Проперций	Подстрочный перевод	Батюшков
Cum mihi somnus ab equiis penderet amoris, / et quererer lecti frigida regna mei. / eosdem habuit secum, quibus est elata, capillos, / eosdem oculos; lateri vestis adusta fuit, / et solitum digito beryllon adederat ignis <...>	Когда мой сон с погребением любимой был связан, / И о царстве холодном моего ложа я скорбел. / Такие же были у неё, когда её уносили, волосы, / Такие же глаза, был подгоревший край одежды, / И на пальце простой берилл тронул огонь <...>	Не я ли над твоей безвременной могилой, / При страшном зареве Беллонинных огней, / Не я ли с верными друзьями / Мечом на дереве твой облик начертал / И тень в небесную отчизну провозжал / С мольбой, рыданьем и слезами? <...> [Цит.: 5. С. 211–212].

В-четвёртых, показателем ориентации на античность является размер. Элегия Проперция создана элегическим дистихом, чередованием гекзаметра и пентаметра, элегия Батюшкова «Тень друга» – 6-стопным ямбом. По словам М.Л. Гаспарова, семантические окраски этого размера восходят именно к античным образам, это один из самых популярных размеров эллинистической анакреонтики [6. С. 97]. Использование такого размера для обращения к античности на русской почве достаточно продуктивно, показательно, что именно этим размером были созданы вольные переводы Майкова из Проперция.

Вместе с тем показательны индивидуальные черты элегии Батюшкова, определённые романтическим мировосприятием.

Во-первых, изменяется объект, к которому обращается лирический герой. В элегии Проперция – это возлюбленная, женщина, в элегии Батюшкова – любимый друг.

Во-вторых, различен характер драмы, переживаемой лирическими героями. Утрата любимого человека показана по-разному. Для

Проперция, древнеримского поэта, Цинтия, которая во сне вернулась к нему из царства теней, – прежде всего живая возлюбленная, которая, как и при жизни, на что указывают предыдущие элегии, упрекает его в изменах, перечисляет всех его любовниц, сетует на то, что никто не украсил её погребальный костёр. И в конце, как всегда, примиряется с ним. У Батюшкова же видение, образ друга, вообще безмолвно, речь произносит сам лирический герой, обращаясь к созданию духовному, не телесному.

Проперций	Подстрочный перевод	Батюшков
Perfide nec cuiquam melior sperande puellae, / in te iam vires somnus habere potest? / iamne tibi exciderunt vigilacis furta Suburae / et mea nocturnis trita fenestra dolis, / per quam demisso quotiens tibi funis pependi/ alterna veni- ens in tua colla manu? <...>	Вероломный, не лучший желанный для каждой девушки, / Такую власть сон над тобой может взять? / Неужели от тебя удалились проделки бес- сонной Субуры / И моё окно, истёртое ночными похождениями, / Через которое столько раз я, спустив тебе верёвку, по- висала / То одной, то дру- гой рукой к твоей шее нисходя? <...>	Тень незабвенного! ответ- ствуй, милый брат! / Или протекшее всё было сон, мечтанье; / Всё, всё – и бледный труп, могила и обряд, / Свершенный дружбою в твоё воспоми- нание? <...>

Для Проперция переживание есть важнейший момент в контексте жизни земной, материальной, для Батюшкова же это переживание, драма в контексте вечного, духовного. Это проявляется и в описании образов любимых людей. И в 7-й элегии Проперция сама драма, событийный сюжет происходит в действии, он пластичен, физически ощутим, а в элегии Батюшкова драма развёртывается внутри лирического героя, это коллизия души.

Проперций (описание Цинтии)	Подстрочный перевод	Батюшков (описание Петина)
eosdem habuit secum, quibus est elata, capillos, / eosdem oculos; lateri vestis adusta fuit, / et solitum digito beryllon adederat ignis, / summaque Lethaeus triverat ora liquor <...>	Такие же были у неё, когда её уносили, волосы, / Такие же глаза, был подгоревший край одежды, / И на пальце простой берилл тронул огонь. / Вместе с тем от лелейской воды поблекли уста <...>	Но вид не страшен был; чело / Глубоких ран не сохраняло, / Как утро майское, веселием цве- ло / И всё небесное душе напоминало <...>

О различии в понимании драмы, обусловленном своеобразием философской концепции жизни, говорил сам Батюшков, рассуждая о природе таланта древнеримских элегиков: «Древние стихотворцы

были идолопоклонниками, они не могли иметь сих возвышенных и отвлечённых понятий о чистоте душевной, о непорочности, о надежде увидиться в лучшем мире, где нет ничего земного, преходящего, низкого.<...> Вот почему в их творениях мы видим более движения и лучшее развитие страстей, одним словом, более драматической жизни, нежели в одах Петrarки, – но не более истины» [З. С. 245].

Таким образом, проведённый анализ показывает, что творчество Проперция было воспринято Батюшковым. Это проявилось в общности тематической, эмоциональной организации произведений. Об этом свидетельствует элегия «Тень друга», истоки которой восходят в том числе и к 7-й элегии 4-й книги Проперция.

Литература

1. Фридман Н.В. Поэзия Батюшкова. М.: Наука, 1971. 382 с.
2. Савельева Л.И. Античность в русской поэзии конца XVIII – начала XIX века. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 120 с.
3. Батюшков К.Н. Петрарка // Критика первой четверти XIX века. М.: ООО «Изд-во «Олимп»»: ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 244–256.
4. Propertius, Sex. Propertii elegiarum libri IV. Leipzig, 1979. 193 с.
5. Батюшков К.Н. Сочинения. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955. 452 с.
6. Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 297 с.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДНЫХ О.-СЛАВ. *ЇЪRM- / *ЇЪRV- В ДИАЛЕКТАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

И.В. Садыкова

Томский государственный университет

В русском языке на протяжении нескольких столетий функционировал ряд лексем, восходящих к общеславянской основе *Їъгm- / *Їъгv- «червь; красная краска». Это прилагательные **чермный**, **червеньный** / **червонный**, **червленный** / **черлennyй**, **червчатый**. Каждое из этих слов имеет свое лексическое значение, связанное с обозначением того или другого оттенка красного цвета, свою сочетаемость, свою сферу функционирования, а также свой статус в составе лексического фонда современного русского литературного языка. Однако, пожалуй, только одно из этих прилагательных продолжает достаточно активно использоваться в литературном языке, это прил. **червонный**, причем чаще оно употребляется для характеристики карточной масти или золота в устойчивом словосочетании **червонное золото**, а не как имя цвета. Остальные лексемы являются устаревшими, некоторые современные словари даже их не фиксируют (например, МАС не отмечает прил. **чермный**, **червчатый**).

Следует отметить тот факт, что все прилагательные при появлении их в древнерусском языке имели в качестве основного цветное значение, а именно они служили обозначением красного цвета, такой вывод позволяют сделать данные, представленные в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского. Но при этом сфера их употребления и сочетаемость разнились. Так, прил. **чермный** появилось в древнерусском языке из старославянского примерно в XI в., где оно функционировало в составе географического названия **Чермное море** (совр. **Красное море**), а также служило прозвищем людей. В древнерусском языке оно стало фиксироваться как многозначное слово, имеющее четыре значения: 1) «красный, багряный», 2) «огненно-красный, рыжий», 3) «огненный», 4) «окровавленный» [7. С. 1559], при этом оно могло использоваться при характеристике цвета различных предметов, таких как лицо, риза, небо, волосы и др., т. е. оно могло описывать цвет как предметов

с естественной, природной окраской, так и полученной в результате окрашивания. Однако, несмотря на первоначально широкий круг сочетаемости, прил. **чермный** не сохранилось в современном русском литературном языке в активном употреблении, так как в процессе своего функционирования оно меняло семантическое наполнение: с его помощью именовались багряный, огненно-красный, рыжий, густо-красный, темно-красный, светло-красный, багровый оттенки красного цвета. Таким образом, данное имя цвета характеризовалось семантической размытостью, это не позволило ему закрепиться в русском языке в качестве наиболее абстрактного обозначения красного цвета. Однако прил. **чермный** в разных вариантах сохраняется в русских народных говорах.

Например, Словарь русских говоров Среднего Урала отмечает прилагательное **черёмной (черёмный)** с тремя значениями и большим количеством контекстов: «1) рыжий, красно-желтый (о цвете, окраске); с волосами, шерстью такого цвета. *Каку-то черёмну кофту одела* (Полевской); *Щерёмна была, нет уж отлиняла* (Кувш., К.); *Ты пошто эка черёмна стала* (Шал., Ч.); *Рыжих-то мы черёмными звали* (Реж., Меп.); *Ой, какой черёмной, весь в деда. Тот тоже был черёмным* (Сукс., Мороз); *Черёмных кур у меня три было ране, щас одна осталась* (Реж., Гол.); *Черёмные волки-то бывают* (Сукс., П.); *Черёмных лис имывали* (Кр-Уф., Сарсы); *Кота мне принесли, черёмный такой* (Камен., Чер.); 2) веснушчатый. *Какая же девка черёмная* (Камен, Чайк.); *У нас в семье все черёмные* (С.-Лог., З.); 3) красивый, заметной внешности. *Красивая, черёмная говорят* (Реж., О.); *Черёмная девка по воду пошла* (Реж., Гол.)» [3. С. 23]. Здесь зафиксирован также вариант прил. **черемной**, который практически совпадает семантически с представленной выше лексемой, оно не имеет только значения «красивый, заметной внешности». Кроме того, в говорах Среднего Урала фиксируются прил. **черёмнинькой** «рыженький» и **черёмой** «смуглый» [3. С. 23]. Следует заметить, что в словаре В. Даля также отмечается лексема **черёмый** с тем же значением «смуглый» [1. С. 1316].

В Словаре русского камчатского наречия зафиксировано слово **черёмный** со значением «цвета черёмухи. *Горноцёк церомново цвету* (М.)» [4. С. 186]. Судя по всему, оно является фонетическим вариантом прил. **чермный**, хотя семантика зафиксированной в говоре лексемы достаточно размыта и не понятно, о каком цвете идет речь.

В Словаре пермских говоров также отмечается прилагательное **черёмный**, которое имеет своеобразное семантическое наполнение, а именно: у него имеется два значения: 1) «рыжего цвета», которое реализуется в контекстах для обозначения цвета волос людей, шерсти животных и под., например, «*В детстве меня черемной обзывали, потому что рыжая была* (Дуброво Ел.); *Вон парень черемной идет, как огонь* (Нердва Караг.); *У нас лошадь раньше такая черемная была, то есть рыжая* (Тобольская Караг.); *Носки-то больно уж черемные вышли, ну, рыжие* (Пакли Ос.) и др.»; 2) «черного цвета», данное значение представлено в таких контекстах, как «*У соседа собака черемная, ночью совсем не видать* (Кекур Ус.); *Сидит русалка, вся черемная, волосы-то распустила, как сажка* (Нердва Караг.)» [2. С. 526]. Таким образом, в семантике рассматриваемой лексемы сочетается обозначение двух, казалось бы, не совместимых цветов – красного и черного. Однако именно эти цвета очень часто оказываются рядом, являясь семантическим наполнением одного слова. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что и красный цвет, и черный цвет находятся в области темных цветовых оттенков, кроме того, теоретически возможно предположить и этимологическую близость названий, служащих обозначением этих цветов. Хотя в отношении прил. **черёмный** нельзя не учитывать возможности влияния на формирование его семантики со стороны прил. **черный**, которое является основным обозначением черного цвета и фонетически близко анализируемому слову.

Таким образом, варианты формы прил. **чермный** используются в отдельных современных русских говорах, при этом они называют цветовые оттенки не только красного спектра, но и, например, черного или смешанного с черным («смуглый»). Кроме того, в говорах развивается оценочная семантика, связанная, в частности, с внешностью человека («веснушчатый», «красивый, заметной внешности»).

Прилагательное **червенный** также появилось в XI в., при этом и оно первоначально могло называть любой оттенок красного, характеризую предметы с естественной, природной окраской (сок, лицо, радуга и под.). В древнерусском языке данная лексема даже претендовала на статус наиболее абстрактного обозначения красного цвета, так как охватывала своей семантикой весь спектр красного цвета. Однако с течением времени **червенный** / **червонный** стало именовать только яркие, насыщенные, хотя и светлые оттенки красного.

Помимо семантических изменений прил. **червеный** претерпело и формальные изменения: под воздействием польской лексики **czerny** «красный, алый, чермный, румяный; рыжий; каленый, раскаленный» появляется форма **червоный**, которая и функционирует до настоящего времени. В форме **червоный**, кроме того, данное слово с XVI в. употребляется как субстантивированное прилагательное со значением «золотая монета», в XVIII в. появляется также новое значение, связанное с обозначением карточной масти. Именно с этим значением прил. **червоный** чаще всего употребляется в современном русском литературном языке. Все эти обстоятельства не позволили прил. **червеный** / **червоный** получить статус абстрактного обозначения красного цвета. Хотя в других славянских языках именно соответствующие рус. **червеный** / **червоный** прилагательные являются наиболее отвлеченными, называющими все оттенки красного, именами цвета.

Что касается прил. **червоный** в современных говорах русского языка, то, по всей видимости, используется оно в диалектном языке редко. Нам оно встретилось только в материалах Словаря современного русского народного говора (д. Деулино Рязанской области), причем в огласовке **червунный** и со значением «червоный (о масти карт)» [6. С. 595]. Видимо, для диалектного языка цветовое значение данного слова является неактуальным, и оно ассоциируется только с карточной мастью. Хотя вполне возможно, что прил. **червоный** используется в говорах и с семантикой, не отличающейся от литературного языка.

Вместе с тем интересно отметить, что в Словаре русских говоров Среднего Урала зафиксирован глагол **червить** со значением «красить в черный цвет» [3. С. 563], который является однокоренным рассматриваемому нами слову. Данный глагол фиксируется также в «Материалах...» И.И. Срезневского, где он имеет значение «красить» [7. С. 1555–1556]. Здесь мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда слова, образованные от одного корня (в данном случае это корень **черв-**), семантически оказываются связаны с совершенно разными на первый взгляд цветами, а именно с красным и черным. Эту ситуацию можно сравнить с семантическим наполнением прил. **чермный** в литературном языке и его варианта **черёмный** в пермских говорах. Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть мысль о том, что между красным и черным цветами нет, по нашему мнению, непреодолимой преграды. Оба эти цвета относятся к так называемым

темным тонам спектра и в определенных ситуациях могут заменять друг друга. Вместе с тем на появление значения, связанного с черным цветом, у глагола **червить** мог повлиять фонетически близкий ему глагол **чернить** «окрасить черной краской», т. е. в диалекте могло произойти их смешение.

Цветообозначения **червленный** и **черленый** являлись в древнерусском языке стилистическими вариантами: первое принадлежало высокому, книжному стилю, а второе – разговорному, при этом оба слова называли цвет тех предметов, которые приобрели его в результате окрашивания. Чаще всего эти прилагательные характеризовали цвет одежд (риз, хламид), тканей и изделий из них, хотя прил. **черленый** имело более широкий круг сочетаемости. Оно могло характеризовать окраску различных предметов и явлений, например, в контекстах в «Материалах...» И.И. Срезневского лексема сочетается со словами *стяг, чолка, щиты, сапог, кожух, червец, круг около солнца, ларчик* [7. С. 1559]. Однако существование прил. **черленый** ограничено хронологическими рамками древнерусского языка. Прилагательное же **червленный** с течением времени несколько изменило свою семантику, оно стало называть не красный цвет вообще, как это было в период древнерусского языка, а темно-красные, багровые, с просинью оттенки красного, при этом его сочетаемость не изменилась. В современном русском литературном языке цветообозначение **червленный** не входит в активный фонд лексики.

Однако прил. **червлёный** употребляется в некоторых современных русских говорах. В частности, оно зафиксировано в Словаре русских народных говоров Среднего Урала, причем с очень интересным значением, а именно: «**червлёный. Черный.** Реж. *Червлёные краски были, черная получалась шуба* (Реж., Глинское). Ср. **червяный.** *Нагольну шубу вычернят, сделают червяну шубу* (Камен., Потаскуево)» [3. С. 563]. При этом данное прилагательное, по всей видимости, образовано от глагола, приведенного в этом словаре: «**червить.** Красить в черный цвет. Реж. *Шубы червили специально* (Реж., Глинское)» [3. С. 563]. Здесь мы вновь встречаемся с сочетанием в семантике одного слова значений красного и черного цветов, а именно корень **черв-/ червл-**, который в литературном языке представлен в словах в той или иной степени, имеющих отношение к обозначению оттенков красного цвета, в говорах называет черный цвет. Это еще раз подтверждает нашу гипотезу о близости красного и черного цветов, эта близость просматривается не только в отно-

шении происхождения этих цветов как таковых, но и в отношении происхождения названий этих цветов.

Прилагательное **червчатый** – самое позднее образование от корня **черв-**, появившееся в XIV в. На протяжении всей истории своего существования в языке оно имело ограниченную сферу функционирования – служило обозначением цвета различных тканей (бархата, камки, шелка), т. е. называло цвет окрашенных предметов. Цветовое же наполнение данного слова варьировалось от более светлых оттенков красного к более темным. Был у этого имени цвета и стилистический вариант **черчатый**, который имел, видимо, разговорный характер и зафиксирован словарями только для древнерусского периода. В современном русском литературном языке цветообозначение **червчатый** является устаревшим, отмечается оно только в БАС с пометой «устаревшее» [БАС. Т. 17. С. 853].

В говорах русского языка прил. **червчатый** нами не было обнаружено, что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что оно функционировало исключительно в книжном, литературном языке.

Итак, мы рассмотрели семантическое наполнение дериватов о.-слав. ***čьгm-** / ***čьgv-** в литературном русском языке и в его диалектах. В литературном языке производные названной общеславянской основы в настоящий момент являются устаревшими лексемами, называвшими различные оттенки красного цвета. В диалектах же все представленные лексемы, кроме прил. **червчатый**, в той или иной степени функционируют и сейчас, причем семантика диалектных форм часто отличается от семантики литературной. Основным отличием является то, что некоторые диалектные слова (**черёмный**, **червлённый**, **червить**), восходящие к о.-слав. ***čьгm-** / ***čьgv-**, называют не только оттенки красного цвета (чаще всего рыжий или красно-желтый), но и именуют черный цвет или оттенок, смешанный с черным («смутлый»). Объяснить появление подобного значения можно, на наш взгляд, с одной стороны, влиянием близкого по звучанию прил. **черный**, а с другой – тем, что красный и черный цвета относятся к темной части цветового спектра и поэтому вполне могут иметь общее происхождение, тем более что подобное сочетание семантики красного и черного цветов в одной лексеме возможно и в случае с прил. **рудой** / **рудый**.

У производных о.-слав. ***čьгm-** / ***čьgv-** в диалектах формируется также оценочная семантика, связанная с внешностью человека

(«веснушчатый», «красивый, заметной внешности»), такого развития семантики не наблюдается в литературном языке.

Литература

1. *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995. Т. 4.
2. Словарь пермских говоров: В 2 т. / Ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева. Пермь: Кн. мир, 2000. Т. 2.
3. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск: УрГУ, 1988. Т. 7. Дополнения.
4. Словарь русского камчатского наречия. Хабаровск: Изд-во ХГПИ, 1977. 197 с.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965. Т. 17.
6. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И.А. Оссовещкого. М.: Наука, 1969. 612 с.
7. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1903. Т. 3.

ПРОРИЦАТЕЛЬ ТИРЕСИЙ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ «ХРОНОГРАФИИ» ИОАННА МАЛАЛЫ

Л.А. Самуткина

Ивановский государственный университет

«Хронография» Иоанна Малалы в XVIII книгах, созданная во времена Юстиниана I, сохранилась в одной неполной греческой рукописи XI в. в искаженной версии редактора, который сокращал и нивелировал текст сирийского хрониста. Однако до нас дошло значительное число свидетельств этой всемирной хроники как в традиции византийской хронистики, так в переводах. Используя эти свидетельства, издатели в XX в. [1] существенно увеличили объем хроники, известной научному миру по боннскому изданию 1831 г., появилась первая книга «Хронографии», были расширены семнадцатая и восемнадцатая книги. Вопросы текстологии отошли на второй план, и появилась возможность рассмотрения многих мировоззренческих проблем ранневизантийского периода, одной из которых является бытование древнегреческой мифологии. Многие мифологические персонажи предстают в «Хронографии» в необычном толковании, особо выделяется образ фиванского прорицателя Тиресия. Представления о Тиресии менялись в мифологической традиции [4. С. 44]. «Хронография» Иоанна Малалы содержит свидетельство об одном из этапов истории мифологического предания. Изначально Тиресий — прорицающее божество, спутник Великой богини, он стоит в ряду Актеона, Эриманфа, Сипройта. Далее он смертный, наделенный богом Зевсом долголетием и пророческим даром или же потерявший зрение по воле богини (Афины или Геры). В классический период — это престарелый слепой прорицатель бога Аполлона. Эпоха эллинизма вновь обратилась к архаике, и Тиресий претерпевает наказание через ослепление.

Тиресий вводится хронистом во второй книге в легендарную историю Беотии: «И царствует этот Кадм там (sc.: в Беотии); он возвращает из ссылки Тиресия, который был беотийским философом, охотником, обладавшим богатством, почетом и мудростью. Это он тайно принес эллинам учение, по которому все в мире происходит самопроизвольно и Вселенная существует без провидения. Жрецы

подстроили обвинение против него и изгнали в святилище Дафния Аполлона, как имеющего женоподобный ум и весьма любопытствующего, каким образом женщина, сойдясь с мужчиной, зачинает ребенка, а природа крови разделяется на кости, плоть, вены, нервы и кровь, а затем появляется зародыш и рождается ребенок. Именно это написал мудрейший Кефалион. Поэтому мудрейший Софокл сочинил драму и поэтически сказал, что Тиресий увидел купающуюся Палладу и стал женщиной [тем самым драматург говорит, что Тиресий пытался познать мудрость демиурга и не смог]. Оттого Софокл в своих сочинениях изложил то, что является истиной: «Существует один Бог, который воздвиг небо, и великую землю, и высокую волну сверкающего Понта, и мощь ветров. А мы, многие люди, заблуждаясь сердцем, соорудили как утешение в страданиях статуи богов из камня и дерева или изваяния из золота и слоновой кости, принося этим идолам жертвоприношения и проводя пустые празднества, считаем себя благочестивыми». Потому казалось, что Софокл славит единоначалие «... Кадм, состарившись, передал управление царством беотийцев сыну Эхиона Пенфею, ...взяв Тиресия, прожил долгое время в Беотии на горе Киферон» [1. С. 29–30].

Как уже отмечалось [5. С. 45], Иоанн Малала, следуя эллинистической традиции, превращает мифы в историю цивилизации, которая возникла после библейского потопа и просуществовала до времен Александра Македонского. Он также привлекает рационализированное повествование античных мифографов Палефата, Диодора, умевших снять элемент чудесного в мифах. Традиционные версии античных мифов используются хронистом для расширения христианского пространства всемирной истории. Кроме этого, он подвергает мифологический материал христианскому толкованию, следуя особой теософии.

Толкование фигуры мифологического Тиресия содержит все отмеченные методы. Здесь присутствует евгемеровская традиция толкования мифа: Тиресий становится одним из окружения царя Кадма. Царь Беотии спасает его из ссылки, а в конце жизни царь делает Тиресия своим спутником в добровольном изгнании на гору Киферон. Сообщение о ссылке Тиресия в святилище Дафния Аполлона заставляет исследователей предположить, что хронист приводит местную антиохийскую версию о Тиресии [2. С. 195]. Известно, что одно из предместий Антиохии, откуда родом был Иоанн Малала, называлось Дафна и в нем находился храм Аполлона. В гомеровских гимнах

сохранилось упоминание об Аполлоне Дафнии (Нутн. Ном. II 215), а в «Хронографии» сообщается, что Аполлон в Антиохии носил имя Дафния. Упоминание о Тиресии-охотнике также заставляет думать об антиохийском происхождении этой версии, поскольку известна полихромная мозаика из Антиохии (сер. V в. н. э.), на которой изображена сцена охоты с шестью героями, узнаваемыми по надписям. Тиресий изображен с копьем в руках рядом с Адонисом, Актеоном, Ипполитом и Нарциссом [4. С. 27. Прим. 27, 28]. Медицинские познания, которые приписываются Кефалионом Тиресию, свидетельствуют о его связи с Аполлоном, который был отцом бога-врачевателя Асклепия. Эти наблюдения по эмбриологии человека восходят как к сочинениям «О семени» и «О природе ребенка» из гиппократовского корпуса [3. С. 221–259], так и к учению натурфилософов о единой природе мира и к философствующим врачам, которые признавали состав и происхождение человеческого тела из единой жидкости [3. С. 194].

Рациональное толкование образа Тиресия как знатока медицины, которое Иоанн Малала приписывает ритору I в. Кефалиону, следует отнести к рационалистическому объяснению мифа, а Кефалиона поставить в один ряд с Палефатом. Подобное толкование убирает фантастический элемент из мифа, который приписывается Софоклу: Тиресий увидел купающуюся Палладу и стал женщиной. Знаменательно несовпадение образа классического Тиресия, наиболее известного по трагедиям Софокла «Царь Эдип», «Антигона», где тот предстает слепым старцем и великим провидцем, и образом охотника, превращенного в женщину. Здесь от классической традиции ничего не сохранилось, кроме имени великого трагика, который формирует подобный образ, и памяти о том, что Тиресий был мудр. Версия о Тиресии, превращенном в женщину, также известна из схолий Иоанна Цеца к эллинистическому поэту Ликофрону (Tzetz. Schol. in Lycoph. 682). Схолиаст жил в XII в., и его сочинения являются свидетелями малаловской «Хронографии». Цитата, которая приводится как софокловская, включена в корпус фрагментов греческих трагиков как *spurium* (TrGF II, Adesp. 618), хотя первая часть цитаты о едином боге состоит из поэтической лексики и поддается стихометрическому анализу. Таким образом, можно утверждать, что сама отсылка цитаты ко многим произведениям Софокла заставляет думать о неподлинности всей цитаты, как и все ее теософское содержание, но часть этой цитаты взята из некоего поэтического тек-

ста. Возможно, у Софокла была драма о Тиресии-врачевателе, каким его изображает Кефалион, поскольку сам Софокл был служителем героя-врачевателя.

После мифической версии, приписываемой Софоклу, следует толкование, по сути своей символическое, но христианское. Слова «Тиресий пытался познать мудрость демиурга и не смог» содержат мысль о том, что Тиресий думал о едином творце мира. Именно поэтому дальнейшие слова фрагмента включены в коллекцию так называемой Тюбингенской теософии [2. С. 193]. В эту коллекцию входят христианские толкования языческих текстов, среди которых особо выделяется интерпретации орфической поэзии, герметической литературы, оракулов, приписываемых Аполлону. Подобный подход к античности позволяет отказаться от идеи однолинейного (от Моисея) распространения истины о христианском Боге и сделать Орфея, Гермеса Трисмегиста мудрецами, знающими о Боге задолго до Моисея. Подобный взгляд на античное наследие был свойственен Иоанну Малале.

Содержание второй части цитаты «из Софокла» восходит к теории возникновении идолопоклонства, которая подробно описана в конце второй книги «Хронографии» [1. С. 38–40]. Иоанн Малала пишет о том, что благодетели человечества первоначально восхвалялись, со временем причина восхваления забылась и на смену ее пришла традиция воздавать почести в разных формах, одной из которых стало создание скульптурных памятников и поклонение им. Таким образом, в хронике постепенно вводится важное для него осуждение многобожия. Следует отметить, что далее Софоклу приписывается истина о едином Боге, создателе Вселенной, в то время как в неоплатонических рассуждениях Софокл часто становился авторитетом в так называемых халдейских оракулах, на которых построены многие античные умозаключения. Этот фрагмент призван, по-видимому, сделать Софокла свидетелем не языческих, а христианских истин. Сделано это немного осторожно, его главный принцип назван «монархией», который с большой натяжкой можно понимать как «единобожие».

Особого анализа заслуживает слово «философ» в характеристике Тиресия. Известно, что среди многих пониманий этого «концепта» Иоанн Малала, следуя неоплатоникам, выделял философа-миста, знатока чего-либо таинственного, теурга. Так, философом названа Афродита, спустившаяся за Адонисом в подземное царство и вер-

нувшая его к жизни [1. С. 10–11]. Вероятно, таким же знатоком таинственного он считал и Тиресия, ведь Адонис и Тиресий оказались рядом в архетипе мифа о великой богине и ее спутниках.

Мифологическая версия о Тиресии, пострадавшем от богини Афины Паллады, могла стать основной в «Хронографии» по двум причинам. Во-первых, мифологический архетип лучше сохранился в Малой Азии, чем в материковой Греции. Во-вторых, эта версия как наиболее архаическая и экзотическая оказалась востребованной в эллинистический период, а затем затмила классическую версию, которая забылась ко времени Иоанна Малалы так же, как и вся культура классической Греции. Будучи фантастической, она стала толковаться как аллегорическая (рационалистическая) и символическая. Ко времени Иоанна Малалы мифологический материал уже стал подвергаться христианской символической интерпретации. Из языческого мудреца, исповедующего языческое многобожие, Тиресий становится мудрецом, думающим о едином Боге. Однако Тиресий не ставится в один ряд с Гермесом Трисмегистом, Орфеем, Платоном, которые знали о единобожии. Это место занимает Софокл, о котором хронист заявляет как о возможном проповеднике принципа единого Бога. Этот принцип назван политическим термином «монархия».

Таким образом, пришло время с большим уважением относиться к «Хронографии» Иоанна Малалы как свидетельству античной мифологической традиции.

Литература

1. Ioannis Malalae Chronographia / Rec. H. Thurn. Berlin; New York, 2000.
2. Jeffreys E. Malalas' sources // Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys, B. Croke and R. Scott. Sydney, 1990. P. 167–216.
3. Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. проф. В.И. Руднева; Ред., вступ. статьи и прим. проф. В. П. Карпова. М.: Сварог, 1994.
4. Егоров А.Б. Миф о Тиресии // Новый Гермес. Вестник по классической филологии и археологии. М.; СПб.: С.-Алексиевская Пустынь, 2007. Вып. 1. С. 17–44.
5. Самуткина Л.А. Функции античной мифологии в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы // Experimenta lucifera: Сборник материалов V Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин классического цикла. Н. Новгород: Изд. Ю.А. Николаев, 2007. Вып. 4. С. 39–46.

СЛОВО И БЫЛИНА В ЗАЧИНЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»: РЕКОНСТРУКЦИЯ СМЫСЛА

Е.В. Соснин

Новосибирский государственный технический университет

Разбирая приемы семантической реконструкции, О.Н. Трубачев особо отметил «неизменный здравый смысл», определив его как «готовность к пониманию специфики воссоздаваемой эволюции значения без анахронистических атрибуций современных воззрений древним эпохам» [12. С. 150]. При этом реконструкция, по О.Н. Трубачеву, есть «углубленное понимание современного значения слова» [12. С. 108], значения, которое даже в современных языках, на синхронном уровне вовсе не очевидно. Ярким примером такой мнимой очевидности являются памятники древнерусской литературы и в особенности «Слово о полку Игореве», изученное и откомментированное, казалось бы, досконально. Однако именно эта изученность и перекрывает доступ к пониманию специфики древнего текста, ибо «нельзя быть уверенным, что лингвистам удалось зафиксировать все значения (с учетом временных изменений) всех слов, встречающихся в древнерусских источниках... Существует поистине неисчерпаемое число индивидуальных смыслов, «окружающих» найденные общепринятые значения. В таких лексико-семантических полях и формируются образы, которые пытается донести до нас автор текста... Дословные переводы, выполненные профессиональными лингвистами с соблюдением всех норм русского средневекового языка, в результате дают малопонятный текст, ибо смысл той исторической жизненной ситуации, которая обрисована в источнике, от них ускользает» [2. С. 178].

Решить эту проблему помогает углубленный этимологический и контекстуальный анализ с привлечением культурно значимых текстов разных традиций, открывающий, казалось бы, привычные явления с неожиданной стороны. Необходимость такого синтеза определяется общим принципом реконструкции, согласно которому «различия в разное время на одной территории тождественны различиям в одно время на разных территориях» [9. С. 106]. Только здесь мы говорим не о различиях, а о сходствах.

Предметом нашего рассмотрения стали начальные строки знаменитого вступления к «Слову о полку Игореве». Имперфект совершенного вида *бяхъ съначати* в первой строке отсылает нас к действию, периодически повторявшемуся в прошлом, но к моменту речи уже завершившемуся, на что впервые обратил внимание вовсе не профессиональный лингвист, а поэт Геннадий Карпунин (Карпунин 1989: 14). Из этого следует, что инфинитивный оборот совершенного вида *начати же ся тѣмъ песни*, отсылающий к действию будущему, образует с имперфектом первой строки противопоставление. «Не правда ли, братья, каждый раз, когда раньше мы начинали героическую повесть о походе Игоря, то должны были делать это на старый манер? А эта же песня начнется по былинам нашего времени» – таков точный перевод этих строк. И все же анализ синтаксических конструкций зачина заставляет еще раз обратиться к ключевым словам данного противопоставления: *старыя словеса* и *былины сего времени*.

Начнем с внутренней реконструкции. В первом приближении толкование выглядит очень просто: автор решает отказаться от богатого наследия ратных сказаний и описать поход Игоря, так сказать, обыденными словами. Однако если учесть, что основные значения предлога *по* в древнерусском языке связаны с пространством и временем, в пределах которых совершается действие, словесная формула приобретает совсем иной смысл. Внутренняя реконструкция показывает, что древнерусское слово *былина*, скорее всего, образовано от слова *быль* «трава», подобно тому как слово *дубина* образовано от слова *дуб*. Словарь Срезневского фиксирует форму *былие* с весьма примечательным контекстом: *по терню въ пустыни и по былюю* [8. С. 202]. Сравнивая два фрагмента, нетрудно увидеть, что форма множественного числа *по былинам* с суффиксом единичности *-ин* вполне соответствует собирательной форме *по былюю*. Таким образом, словесная формула *по былинам сего времени* означает всего лишь «по растущей ныне траве». Невероятно с позиции современного исследователя, но весьма правдоподобно, если учесть древнее, конкретное, мифопоэтическое мышление, ибо «в древние времена внимание людей не было еще в такой мере направлено на множество их творений и явлений цивилизации, но в тем большей степени направилось на природные явления...» [6. С. 127].

Следующая ступень «погружения в материал» – внешнее сравнение с мифопоэтическими текстами соседних традиций, ближай-

шей из которых, на наш взгляд, является финская. Мы обнаруживаем аналогичную конструкцию в зачине финнской «Калевалы», где Э. Леннрот недвусмысленно говорит о том, что свои песни он собирал по холмам родной земли: *Viel' on muitaki sanoja, // ongelmoita oppimia: // tieohesta tempomia, // kanervoista katkomia, // risukoista riipomia, // vesoista vetelemiä, // päästä heinän hieromia, // raitiolta ratkomia, // paimenessa käyessäni, // lasnakarjanlaitumilla, // metisillä mätähillä, // kultaisilla kunnahilla...* «Есть других немало песен, // мной заученных заклитий, // собранных с межей, с обочин, // взятых с веток вересковых, // сорванных с кусточков разных, // вытянутых из побегов, // из макушек трав натертых, // поднятых с прогонов скотных // в дни пастушеского детства, // в дни, когда ходил за стадом, // по медовым бегал кочкам, // золотым полянам детства...» [14. С. 51–62]. Использование глаголов конкретного действия *tempoa* «дергать», *katkoa* «обламывать», *riipoa* «срывать» и т.д. в сочетании с конструкциями типа *päästä heinän* «с верхушек трав» рождает предельно конкретный образ песен как чего-то материального, растущего из земли. Немало этому способствует и развитая система местных падежей, выражающих прежде всего идею места, а через нее – и отвлеченные значения. Далее по тексту видно, что песни сматываются в клубок (*kääriä*) и помещаются в амбар (*aitta*) подобно припасам или вещам [14. С. 71–78].

Но еще более поразительна параллель из романа английского писателя Дж. Р. Р. Толкина «The Lord of the Rings». Представлять Толкина и его произведения нет нужды, однако необходимо напомнить, что он был прежде всего филологом и философом, крупнейшим специалистом в области древнеанглийского языка и литературы. Роман «The Lord of the Rings» является завершающим этапом полувековой реконструкции мифологической традиции древней Европы, основным материалом которой служили финские легенды «Калевалы» и традиция причерноморских готв [13. С. 46–52; 17. С. 87, 214]. Возможно, именно поэтому параллель из «The Lord of the Rings» весьма интересна – ведь битва князя Игоря с половцами произошла недалеко от того места, где Днепр делает поворот и где располагался готский рай Ойум [1. С. 640; 7. С. 241].

В одном из эпизодов романа главные герои встречают отряд всадников южных степей и расспрашивают их о пропавших друзьях – маленьких хоббитах. Для всадников хоббиты – всего лишь персонажи местного фольклора, и один из воинов, насмехаясь,

спрашивает: *Do we walk in legends or on the green earth in the daylight?* [16. Р. 424]. Глагол *to walk* «идти» придает предложной конструкции *in legends* пространственное значение, которое усиливается противопоставлением *or on the green earth*. В данном контексте мы видим резтимологизацию внутренней формы слова *legend*, восходящего к герундиву латинского глагола *lego* «собирать, вырывать, подбирать, сматывать (sic!)» и только потом – «читать». Значение латинского глагола как бы вмещает в себя значения отдельных финских глаголов в процитированном калевальском отрывке, и слово *легенда* может быть истолковано как «то, что должно быть собрано и смотано в клубок» (ср. *lego funem* «сматывать веревку» [3. С. 584]). Сопоставляя значения предлогов, мы обнаруживаем, что английский предлог *in* в определенных употреблениях соответствует русскому творительному падежу (напр., *to speak in low voice*), а русский творительный падеж, в свою очередь, может обозначать «неопределенное пространство, на котором осуществляется движение в определенном направлении» [10. С. 64] (ср. *идти по*ле). Предлог *on* почти без потерь переводится русским предлогом *по*. Сюда же можно отнести и финский внешне-местный падеж адессив из калевальского отрывка (*mättähillä, kunnahilla* «по кочкам и полянам»). Падеж этот помимо прямого, местного значения может обозначать способ действия в соответствии с творительным падежом [5. С. 167]. Таким образом, древнерусское слово становится в один ряд с финск. *kunnas* «холм» и англ. *legend* «место, где что-то должно быть собрано».

На последнем этапе мы используем данные этимологии. Пространственное значение существительного слово устанавливается на основании индоевропейского корня **k'lew-*, который представляет собой основу II «бинома Бенвениста» и восходит к корню **k'el-* в значении «говорить, увлажнять, скрывать», откуда происходит древнеисландское слово *hell* «влажная долина, мир мертвых» [15. S. 605, 607; 11. С. 381–395]. На связь говорения с водой и сакральным пространством предков указывают и другие индоевропейские корни, например, **pei-* «пить, поить, питать», являющий аналогичное развитие: древнеирландских *íth* «зерно», *iath* «земля» и *Ériu* «Ирландия», представлявших собой «группу персонажей... соотносимых с Terra Mater» [4. С. 230–232]. Если же мы обратимся к конкретным ландшафтам причерноморских степей, то обнаружим, что пространственное воплощение слова – это степные балки, глубокие речные долины, поросшие деревьями, противопоставленные откры-

той степи – *былинам*. Кстати, комментируя роман Толкина, Т. Шиппи замечает, что *the green earth* является современным переводом древнеанглийского *emneþ* «степь, зеленая трава» и наглядным осязаемым признаком реальности, привычности мира [13. С. 241].

В итоге мы можем выстроить следующую схему:

1. *старыми словесы – kunnahilla – in legends* (мифологическое пространство Бояна, степная балка).

2. *По былинам сего времени – päästä heinän – on the green earth* (историческое пространство автора «Слова...», степь).

И вместо абстрактного умственного процесса сочинительства в тиши кельи или княжеского чертога мы отчетливо видим древнее собирательство, которое сродни шаманскому путешествию по мирам, что весьма архаизирует образную систему древнерусского памятника.

Литература

1. Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
2. Данилевский И.Н., Кабанов В.В. Источниковедение. М., 2000.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
4. Калыгин В.П. Этнонимика и теонимика древних кельтов // Этимология 2000–2002. М., 2003.
5. Морозова А.Г. Учебник финского языка. Петрозаводск, 1982.
6. Немец И. К нейтрализации междометных образований // Этимология 1997–1999. М., 2000.
7. Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. СПб., 1902. Т. 2.
9. Степанов Ю.С. О зависимости понятия фонемы от понятия слога при синхронном описании и исторической реконструкции // ВЯ. 1974. № 5.
10. Стеценко А.Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
11. Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире // Представления о смерти и локализации иного мира у древних кельтов и германцев. М., 2002.
12. Трубачев О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. М., 2004. Т. 1.
13. Шиппи Т. Дорога в Среднеземье. СПб.; М., 2003.
14. Kalevala – Леннрот Э. Калевала. Петрозаводск, 2006.
15. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
16. Tolkien a - Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. Glasgow, 1995.
17. Tolkien b - Tolkien J. R. R. The Letters. Glasgow, 1995.

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЭТИМОЛОГИИ НИЖНЕИНДИГИРСКОГО КАРАВАШКА

А.А. Соснина

Новосибирский государственный технический университет

Нижнеиндигирский (русскоустыинский) диалект сформировался в XII в., когда русские поморы, выходцы из северной Руси, обосновались в устьях сибирских рек – Лены, Енисея, Индигирки и др. Несмотря на тесное взаимодействие с другими народностями, специфика нижнеиндигирского диалекта, в отличие от многих других диалектов востока и северо-востока страны, – сочетание хорошо сохранившихся великорусских черт, иногда весьма архаичных. С другой стороны, в русскоустыинском говоре развились специфические, свойственные только ему слова и формы, происхождение которых зачастую неясно. В предисловии к Диалектному словарю Русского Устья приводятся некоторые примеры: *шипленок* 'детеныш любого зверя', *детница* 'самка с детенышем', *утопель* 'сырое дерево', *досельные люди* 'предки' и многие другие [7. С. 8].

Слово, ставшее объектом нашего исследования, *каривашка*, насколько нам известно, не встречается в этимологических словарях. Согласно Диалектному словарю Русского Устья, *каравашка* – это твердая кожа [7. С. 29.] Никаких уточнений не дается, по приведенному толкованию даже не вполне ясно, идет ли речь о человеческой либо обработанной коже. Скорее всего, именно в таком виде и с тем же значением это слово нигде больше не встречается. В рязанских и некоторых говорах зафиксировано слово *коравый*, *коравеньки*: 'шершавый' (рязанск.), 'заскорузлый', 'загрубевший' (о теле, руках и т. п.) [4. Вып. 14. С. 309]. Зафиксировано также слово *коравка* 'бревно с неочищенной корой' [4. Вып. 14. С. 309]. В этимологическом словаре славянских языков это прилагательное отмечено как с твердым, так и мягким сонорным: **koravъ(jb)*: болг. *кѡрав*, прилаг. 'упорный, неподатливый', 'твердый', 'жесткий, черствый', макед. *корав*, прилаг. 'крепкий, твердый', сербохорв. *kōravī*, прилаг. 'покрытый корой', диал. *кѡрав* 'жесткий, твердый, заскорузлый', также *корявый*, *карявый* (перм., ряз.), 'заскорузлый, жесткий, сухой, гряз-

ный' [8. Вып. 11. С. 51]. Обращаем отдельное внимание на последнее значение слова, так как оно может понадобиться нам в дальнейшем. Само прилагательное – производное с суффиксом *-(а)въ* от *кора* [8. Вып. 11. С. 51]. Происхождение слова *каравашка* от прилагательного *коравый* представляется нам весьма вероятным, однако существует ряд проблем, на которых бы хотелось остановиться подробнее.

Первую сложность представляет твердый сонорный в корне. Как было видно из приведенных выше примеров, твердый согласный встречается во многих славянских языках: в южных (болгарский, македонский), в западных (сербохорватский, чешский); встречается подобная форма и в говорах русского языка, однако преимущественно на юге – в пермских, рязанских и некоторых других говорах. В то же время в северных говорах и в литературном языке мы наблюдаем мягкий *р'*. Хотя форма *коравый* и объясняется отверждением *р* в корне, как подтверждает, например, М. Фасмер [6. Т. 2. С. 190], но невозможно объяснить ее появление в нижеиндигирском говоре с отчетливой севернорусской основой непосредственно из южных говоров. Логичнее предположить, что слово *корявый* (с мягким *р'*) было воспринято именно в таком виде и согласный отвердел позднее. Нижеиндигирское же *каравашка* произошло не от диалектного южнорусского *коравый*, а от северного *корявый*, либо, что вероятнее, от *коряв(к)а*. Однако об этом речь далее. По свидетельству А.М. Селищева, «говоры восточной и северо-восточной Сибири имеют плавный *р* вместо *р'*. Таковы говоры на Анадыре (с. Марково), на Колыме, на Индигирке (Русское Устье): цар, зора, горацка и др.» [3. С. 246].

Следующая проблема носит морфологический характер. Согласно Словарю морфем русского языка, суффикс *-ашк* не очень продуктивен. Он чаще всего встречается в словах со следующими корнями: *баб-*, *дур-*, *колоб-*, *рюм-*, а также в словах *старикашка* и *мальчугашка* (Кузнецова, 1986. С. 607, 822). Большинство этих слов являются разговорными. Сам же суффикс, как уже было сказано, достаточно редкий и входит в относительно небольшое число слов. Из приведенных выше примеров видно, что *-ашк* обычно присоединяется к именам существительным. В диалектах, так как для них вообще характерны уменьшительные либо уничижительные форманты, дистрибуция морфемы *-ашк* шире, чем в литературном языке. Однако образование слов с этим суффиксом непосредственно от прилагательных нетипично и для диалектов. То же самое относится к суффиксу *-яшк*. Можно привести не так много слов, где он встре-

чается (деревяшка, костяшка и несколько других), но и в данном случае это в основном имена существительные. Поэтому можно с большой долей вероятности предположить, что исследуемое нами слово *каравашка* происходит от некоего существительного, которое должно, вероятнее всего, звучать как *корава* либо *корява*. Подобные слова мы действительно находим в диалектах. Так, в Словаре русских народных говоров мы обнаруживаем слово *коравка* 'бревно с неочищенной корой' (ряз.), а также: 1. *Коряка*: 1) грубая грязная тряпка, рогожа, мочалка (брянск.); 2) засохшие сопли (Смол., 1914); 3) Бранно. Замарашка (Смол., 1914); 4) о женщине с испорченным оспой лицом (Рыб., Яросл., Слав. Акад., 1914). [4. Вып. 14. С. 309]. 2. *Корявка*. Горбуша хлеба (Ставроп., 1957). 3. *Корявка*. Корзина, сплетенная из коры прутьев, корней (Пск., 1912 – 14). [4. Вып. 14. С. 309]. Собственно, в говорах мы обнаруживаем и слово *каравашка* или *коровашка* – ежедневно выпекаемый у крестьян хлеб из ячменной муки, иногда с примесью (пекут его ежедневно, потому что ячменный хлеб скоро черствеет). Хлом. [2. С. 46]. Весьма вероятно, что это слово происходит от *каравай*. Теоретически возможно выделить общую сему 'твердость' (вспомним: быстро черствеет) для данного слова и нижеиндигирского *каравашка*. Однако подобный вывод представляется сомнительным и неоправданным. Самая связь между указанными словами возможна только опосредованно. Хотя, с одной стороны, мы и должны обратить внимание на приведенное выше значение слова *корявка* – горбушка хлеба, но с другой стороны, подчеркнем некоторую отрицательную коннотацию, присущую рассматриваемому корню.

Есть и еще один спорный момент: *а* в корне слова. Если наше предположение верно и слово *каравашка* действительно происходит от *корявый*, а последнее, в свою очередь, от *кора*, то в корне должен быть *о*. Конечно, в русском языке есть случаи лексикализации произношения *а* на месте *о*, т. е. аканья: калач, каравай и некоторые другие. Однако следует помнить, что аканье является нормой русского литературного языка, в то время как нижеиндигирский диалект и северные говоры, от которых он произошел, являются окающими. Селищев свидетельствует, однако, что в говорах востока и северо-востока страны спорадически возможно аканье, правда, довольно редко: «Сочетания с *а* вместо *о* в отдельных случаях (формах), встречающиеся в тех или иных говорах, могут не находиться в связи с фонетическим аканьем, представляя явление морфическое. Напри-

мер, «тапер'», встречающееся и в несомненно окающих говорах: в Корасноярском у., в Русском Устье на р. Индигирке (в 80 верстах от Ледовитого океана). Здесь *та* в связи с *та-* в наречии «втапоры», известном говорам Сибири. Не представляет фонетического явления (в области окающих говоров) и окончание *-а* (*-ва*) в форме род. п. муж. и ср. р. ед. ч.: слѣпова, доброва, у которова» [3. С. 226–227].

Как видим, это не совсем тот случай, с которым мы встретились в слове *каравашка*. В новгородском диалекте, являющемся лингвистической основой для нижнеиндигирского, также отмечаются отдельные случаи аканья: «Аканье и яканье отражаются в берестяных грамотах лишь в очень незначительной степени; очевидно, это связано с тем, что эти явления были известны лишь в некоторых периферийных частях древненовгородской зоны. Вполне заслуживает доверия здесь в сущности всего один пример: въ Здравекъ 'в деревне Здравье' 580 (сер. XIV). Ранний пример *оу Даброжира* 228 (XII), возможно, представляет собой лишь описку... сочетание с *посто* 411 (кон. XIII), по-видимому, равносильно с *проста* 'сразу же'; но окончание *-о* может здесь объясняться и морфологически. Все прочие примеры, где *а* стоит вместо *о* или наоборот (*от папа* 87, резано 215, дѣтьскаму Ст. Р. 8, дьцьскаму 222) и др.), непоказательны: одни из них являются описками, другие объясняются морфологически» [1. С. 60]. Автор также отмечает возможность начального *а* вместо *о*: *к атцеви, сарати* 'с пахать' 211 и др. [1. С. 60].

Однако опять же данные случаи не вполне подходят к нашему слову *каравашка*. В языке Русского Устья зафиксированы и другие случаи, которые можно рассматривать как аканье. Это, например, произношение *а* вместо *о* в приставках: *абеишентиться* 'посчитаться, обмануться', *амамалахтываться* 'закутываться, плотно одеваться', *амалгызоваться* 'обманиваться, верить в несбыточное, напрасно надеяться', *апризорить* 'сглазить' и т. п. Других случаев аканья, кроме названных, в нижнеиндигирском диалекте, видимо, нет. Все немногочисленные ситуации замены *о* на *а* требуют специального рассмотрения и дальнейшего объяснения. Что же касается слова *каравашка*, можно сделать предположение относительно причин изменения корневой гласной.

Придя на северо-восток России, русские поселенцы вступили в тесный контакт с туземными народами, в том числе тюркоязычными, например с якутами. Причем это взаимодействие распространяется на все сферы жизни, в том числе и на язык. В русский язык за-

имствуется множество слов из языков местных жителей. В основном, как это обычно бывает в таких случаях, заимствовались обозначения реалий, с которыми русские были прежде незнакомы. Таких слов в языке Русского Устья относительно немного, по свидетельству авторов Дialeктного словаря Русского Устья, около полусотни [7. С. 11]. Однако поселенцы могли испытывать влияние языков соседей и не прибегая к прямым заимствованиям. В данном случае мы имеем в виду широко используемый в тюркских языках корень **qa* с общим значением «черный». Вообще спектр значений корня чрезвычайно широк и включает как положительные, так и *су-зубо* отрицательные коннотации. В числе последних чув. *грязь*, тат. *грязный*, *чумазый*, также *мрачный*, *безотрадный*, *печальный*, *несчастный* и др. [5. С. 592]. Для нас особенно интересно значение «грязный», а также еще одно, реализуемое в киргизском языке: «сухой хлеб без масла или молока». Оба значения, как мы помним, присущи и славянскому слову *коравый* (*корявый*). Можно предположить, что контаминация значений славянского и тюркского корней в сочетании с похожим звучанием и привела к появлению нижнеиндигирского *каравашка*. Это, разумеется, лишь гипотеза, но не лишенная, как нам кажется, основания.

Таким образом, мы рассмотрели лексические связи слова *каравашка* и сделали предположения по поводу его этимологии. Вообще же нам представляется, что диалект Русского Устья может дать богатый материал по истории и этимологии русского языка, и мы надеемся, что все это богатство не останется без внимания.

Литература

1. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
2. Подвысоцкий А. Словарь архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
3. Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968.
4. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966–1999. Вып. 1–33.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1997.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 2003.
7. Чикачев А.Г. Диалектный словарь Русского Устья. Новосибирск, 2005.
8. Этимологический словарь славянских языков. М., 1974–1999. Вып. 1–25.

СНОВИДЕНИЯ В АНТИЧНОМ ЭПОСЕ: ПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Т.Ф. Теперик

Московский государственный университет

Темы, связанные с изучением сновидений, неоднократно были объектом исследования многочисленных работ в области классической филологии. Одно только *перечисление произведений* греко-римской античности, в которых изображены сны, могло бы достигнуть объёма, сопоставимого с объёмом большой исследовательской работы: эпос и роман, лирика и философские трактаты, трагедия и комедия, сатира и историческая проза; труднее найти тексты, где сновидения *не* были бы изображены, в сравнении с теми, в которых они присутствуют.

Слова Зигмунда Фрейда о том, что если бы в «Толковании сновидений» были изложены все взгляды на сущность и происхождение снов, его собственная книга так никогда и не была бы написана [9. С. 22], в полной мере можно отнести к проблеме исследования снов в текстах античности: связанное с ними количество трудов поистине является необозримым [2. С. 27]. Объяснение заключается в том, что внимание к сновидениям было чрезвычайно характерным явлением, свойственным древнему времени, именно повышенный интерес к снам относится к тем устойчивым реалиям античного общества, без которого наше представление о нём было бы крайне неполным [5. С. 191].

Не случайно уже в античности были сформированы первые представления о сущности сновидений, которые легли в основу научного их понимания [10. С. 230–231]. Итогом многовековой традиции античной теоретической мысли о сущности сновидений стала «Онейрокритика» Артемидора, оказавшая огромное влияние на позднеантичные и средневековые представления.

Хотя значение труда Артемидора для психологической науки несомненно, что подтверждается обращением к нему автора главной для современной эпохи теории сновидений [9. С. 103], следует принять во внимание, что Артемидор учитывал и литературную традицию изображения снов.

Но поскольку изображение сновидений в литературном произведении существует не само по себе, а включено в систему художественных средств, понять особенности, связанные с изображением даже одного сна, можно лишь с учетом признаков, характерных для всей системы. Иными словами, это осуществимо не при анализе одного из аспектов: смысла сна или его функции, содержания или образов, а лишь при анализе *поэтики сновидения*, или, иначе, онейротопики [8. С. 65].

Наиболее корректными будут наши выводы при ограничении исследуемого материала той жанровой формой, которая позволит рассмотреть поэтику сновидения не только в синхронии, но и в диахронии. Такой жанровой формой, безусловно, является эпос, кроме того, в эпосе благодаря его жанровой специфике возможно изображение большего количества снов, чем в драме или лирике. Существуют драматические произведения, где не изображено ни одного сна, но нет эпических, во всяком случае, античных, где не было бы изображено, по крайней мере, несколько. Сны описываются уже в первом из имеющихся литературных памятников – гомеровских поэмах, и к ним обращаются авторы последних эпических поэм, такие как Нонн и Драконций.

Рассматривая тексты поэм Гомера, Вергилия, Аполлония Родосского и Лукана, мы исходим из того, что при таком рассмотрении, во-первых, охвачена как греческая, так и римская эпика определенной жанровой традиции, во-вторых, анализируемое явление представлено в достаточно длительной эволюции.

По этой причине не рассматриваются поэмы Лукреция и Овидия, принадлежащие к иной жанровой разновидности (в одном случае философского эпоса, в другом – мифолого-риторического)¹. Что касается эпоса *поздней античности*, то он не стал материалом для исследования по иным соображениям. Позднеантичный эпос – художественное явление, сформировавшееся под влиянием иных эстетических и идеологических парадигм в сравнении с классическим и раннеэллинистическим периодом, поэтому поэтика сновидения в эпосе поздней античности должна стать объектом анализа самостоятельного исследования.

Вопрос о том, в какой мере изображение сновидений является оригинальным художественным приемом эпического произведения,

¹ Кроме того, эти поэмы созданы на основе иного способа объединения материала (это не герой и не сюжет, но *тема* – в одном случае, и *мотив* – в другом).

а в какой – данью традиции, имевшей большое значение для античной литературы в целом и для эпоса в частности, во многом ещё является открытым. Что считать свидетельством художественной ценности снов – их количество, их роль в сюжете, их связь с образами персонажей, число строк в тексте, приходящееся на долю снов, насыщенность снов образами, их загадочность? Или, наоборот, их ясность? Их сложную семантику? Или, напротив, ясную и понятную? Для того чтобы ответить на эти вопросы, очевидно, следует в равной мере уделить внимание как тому, *что* изображено в сновидениях, так и тому, *как* это изображено.

В данной статье рассматривается лишь один из элементов поэтики сновидений, но он является самым важным, поскольку эпическая онейротопика анализируется нами с точки зрения *пространственно-временных координат* [7. С. 488].

Например, Медее в «Аргонавтике» снится сон, и потом, спустя какое-то время, она об этом сне *вспоминает*. В этом соединении мотива сна с мотивом воспоминания состоит одно из проявлений того, что можно условно обозначить как «онейротопические возможности», так как описание самого сновидения в тексте давно закончилось и лишь позже возобновляется описание реакции на него сновидца. Когда же после изображения сна Дидоны в «Энеиде» вместо описания восприятия сновидцем своего сна следуют сцены из греческой трагедии, с героями которой сравнивается героиня Вергилия, то это, по существу, становится одной из форм авторского комментария к сновидению. И как в одном, так и в другом случае временное пространство снов расширяется. Однако происходит это совершенно по-разному: в одном случае за счет повторения сновидения в воспоминании персонажа-сновидца, в другом – за счет расширения событийного пространства сна.

Мотив воспоминания является наиболее устойчивым именно для снов «Аргонавтики», в поэме Вергилия авторский комментарий сопровождал лишь сон Дидоны, что явилось следствием более сложной онейротопической поэтики «Энеиды» в сравнении с предшествующей эпической традицией.

Например, в гомеровском эпосе пространство снов всегда является ясным и определенным. Это касается и божественных снов, и снов с мёртвыми, и снов эротических¹, хотя они, в отличие от пер-

¹ Онейротопика божественного представлена у Гомера снами Агамемнона (II, II, 8–42), Пенелопы (Od., IV, 786–841) и Навсикаан (Od., VI, 13–54), танатологическая –

вых двух типов снов, и могут требовать специальной интерпретации. Так, в снах «Одиссеи» оно прежде всего связано с *домом*, т. е. со *своим* [б. С. 412] для сновидца пространством. Спальня ли это Пенелопы, двор ли это ее дома – это в первую очередь *её*, родное пространство. Что касается пространства остальных снов гомеровских поэм, то о нём в большинстве случаев попросту не сказано. Но это не означает, что в данном пространстве заключена некая загадка. Наоборот, это свидетельство того, что для событий сновидения это пространство является не столь значимым, поскольку типологией описания оно никак не акцентируется, и если семантика пространства символических снов в гомеровском эпосе может потребовать специального толкования, то само это пространство всегда является понятным и близким сновидцу.

Этим в первую очередь пространство гомеровских снов отличается от пространства сновидений, изображённого в поэме Аполлония.

Пространство снов «Аргонавтики», композиция которых в сравнении с гомеровскими организована более сложно, увеличено, так как в сновидениях реализован уже не один сюжет, как у Гомера, а несколько. Например, в первом онейротопе показано, как 1) *чужеземец прибыл не за руном, а за Медеей*, 2) *она сама вместо него успешно борется с быками*, 3) *родители её подвига не признают*, 4) *возникает ссора между гостями и отцом Медеи*, 5) *ей поручают разрешить их спор*, 6) *Медея предпочитает чужестранца*, 7) *родные её кричат в скорби и гневе* (III, 616–634). Во втором онейротопе – *Кирка* 1) *совершает постсновиденческий ритуал омовения*; 2) *испытывает чувство страха вследствие сновидения*; 3) *кровь заливает её дом*; 4) *в огне сгорают её зелья*; 5) *зелья – то, чем она воздействовала на гостей*; 6) *она гасит огонь кровью*, 7) *только после этого освобождается от чувства страха* (IV, 662–669). В третьем – 1) *ком земли на груди аргонавта Эвфема источает молоко*, 2) *из него появляется женщина*, 3) *аргонавт соединяется с ней в любви*, 4) *он плачет после этого*, 5) *кормит её своей грудью*, 6) *она открывает ему, что является дочерью Тритона*, 7) *после чего просит аргонавта отдать её Нереидам* (IV, 1732–1745).

Во всех снах «Аргонавтики», таким образом, и семантика времени выглядит более усложненной и насыщенной. В отличие от гоме-

сном Ахилла (II, XXIII, 59–104), эротическая – последними двумя снами Пенелопы (Od.).

¹ Об интимизации домашнего пространства пишет Г. Башляр [3. С. 192].

ровской онейротопики, меняется и топография: это поле в сновидении Медеи, вспахиваемое быками, это и дворец, это и гавань, куда прибыл корабль аргонавтов, и т.д. И хотя в снах поэмы об аргонавтах скорее показано то, что также можно обозначить как *своё* для сновидца пространство, нельзя не принять во внимание, что в сравнении с гомеровским оно не только значительно расширено, но и усложнено. Например, хотя в сновидении Кирки вновь показано родное для неё пространство (так как это, прежде всего, её дом и её двор), важно, что теперь этому пространству грозит уничтожение, чем данное сновидение и манифестирует о витальной угрозе. И если в гомеровских снах угроза была для тех, кто населял это «родное» для сновидца пространство (как во втором сне Пенелопы), то в «Аргонавтике» впервые показана угроза уже самому этому пространству. Тем самым семантика его становится более сложной и насыщенной, что не в последнюю очередь связано с сюжетом произведения.

Эта связь между семантикой сюжета и семантикой сновидения сохраняется и в «Энеиде», однако в поэме Вергилия смысловое пространство снов перестаёт быть домашним, обжитым, оно постепенно становится тем, что вполне можно обозначить как «чужое» для героя пространство. На это ясно указывает один из самых сильных образов, который только и может быть в связи с этим использован. Это образ *пустыни* в сновидении Дидоны. Пустыня, по которой бредёт героиня Вергилия в поисках своих подданных, — это, прежде всего, символ *одиночества*, постигшего героиню несчастья, которое заключено в её страсти к Энею. Таким образом, в «Энеиде» пространство снов является, в свою очередь, ещё более сложным, более семантически насыщенным в сравнении с «Аргонавтикой».

Не случайно именно для поэмы Вергилия характерна такая связь образов сновидений с географией, какую мы не встретим ни в одном из произведений античного эпоса, хотя передвижения героев в пространстве имеют место и в других эпических поэмах. Например, в первом сновидении (Троя) Гектор велит Энею покинуть Трою (II, 268–295), во втором (Крит) Пенаты сообщают ему, что не Крит, а Италия является конечной целью его странствий (III, 147–178), в третьем (Карфаген) Дидоне снится, как её преследует Эней, в то время как она одна идёт по долгой дороге в пустынной местности в поисках тирийцев (IV, 465–468), в четвёртом (Карфаген) Меркурий требует (IV, 554–572), чтобы Эней немедленно покинул Карфаген, в пятом (Акеста) Анхиз просит Энея спуститься в подземное царство

(V, 721–745), в шестом (Ардея) Фурия разжигает воинственный дух в Турне (VII, 413–463), в седьмом (Лаврент) речной бог Тиберин советуется Энею плыть к Эвандру и просить союза (VIII, 31–79).

Кроме того, что сновидения «Энеиды» связаны с общим сюжетом, они связаны и друг с другом тоже, и прежде всего – общей темой. Эта тема – тема Родины. В первом сновидении Энея Гектор просит его взять с собой Пенатов, во втором Пенаты открывают ему, что новая родина находится в Италии, в четвёртом Меркурий торопит Энея с отправлением к ней, в пятом Анхиз указывает ему место, где он увидит славу и величие этой новой родины, шестое сновидение направляет на битву с Энеем его нового противника, и, наконец, в седьмом сновидении итальяское божество оказывает ему покровительство. Таким образом, время и пространство сновидений «Энеиды» гораздо более тесно связано как с событиями поэмы, так и друг с другом.

Что касается пространства сновидений в поэме Лукана, то относительно него можно сделать тот вывод, что в сравнении с предшествующей онейротопикой оно ещё более усложнено: это уже и не обжитое домашнее пространство, как у Гомера и Аполлония, но это и не чужое символическое пространство-пустыня, как в «Энеиде».

Например, если Помпею снится театр, где он празднует свой первый триумф, то следует принять во внимание, что это не просто некий театр, это конкретный театр, в котором находятся *десятки тысяч зрителей*. Иными словами, хотя это в некотором роде родное для героя пространство, поскольку именно Помпей построил первый в Риме каменный театр, который ему и снится, тем не менее это пространство – принципиально новое для эпического сновидения.

Плутарх и Аппиан сообщают о другом пространстве сна Помпея: в исторической прозе это был храм. И опять-таки это был не некий абстрактный храм, а храм Венеры, прародительницы рода Юлиев, и перед решающей битвой с Юлием Цезарем Помпей, согласно Плутарху и Аппиану, именно его и видел во сне. Этой версии с храмом, свидетельствующей о негативной для Помпея семантике данного сновидения, Лукан предпочитает версию с театром, и, прежде всего, потому, что Помпей – именно тот из героев, которому автор произведения больше всего симпатизирует. Поэтому смысл сна Помпея в «Фарсалии» далеко не столь однозначен, как в исторической прозе, автор поэмы сам предлагает три возможных его толкования [8. С. 61].

Ещё более усложнённой выглядит семантика пространства и времени в сновидении Цезаря после фарсальской победы. Не случайно

противнику Помпея, которого Лукан считал основным виновником постигших Рим несчастий, снится не реальное, а мифологическое пространство, прямо и непосредственно указывающее на семантику смерти, т. е. антагонистичность времени и пространства в снах персонажей-антагонистов является особенно семантически насыщенной. Но мифологические образы (Тартар и Стикс) дополняются историческими деталями (мечи сенаторов в мартовские Иды), что усложняет временной ряд сновидения Цезаря.

Повышенная значимость мотива смерти – одна из важных стилевых доминант, присущих «новому стилю», наиболее ярким представителем которого был именно Лукан [1. S. 60]. Но создана она может быть с помощью различных художественных средств, и если образы смерти присутствовали уже в сновидении Кирки, то там, как и в сновидении Медеи, они были всё же ограничены «своим», а не «чужим» для героини пространством.

Это изменение и усложнение пространственно-временных координат в сновидении Цезаря является результатом более сложных функций сновидения в историческом эпосе, где онейротопическая семантика времени и пространства делает контраст между героями наиболее ярким. Почему смысловое пространство сновидения в «Фарсалии» помещено в принципиально иной по сравнению с предшествующей традицией контекст, как это связано с усложнением образов сновидений, с увеличением их событийного ряда?

Усложнение пространственно-временных координат эпической онейротопики – результат того, что языку сновидений по мере движения от Гомера к Лукану всё в большей мере присущ символизм. Хотя и у Гомера, и у Лукана количество символических снов одинаково, примем во внимание, что у Гомера символичны только два сна из шести, в то время как у Лукана – два из трёх. И эта все возрастающая символика сновидений – результат возрастающего реализма в их изображении, так как языку снов в реальности в гораздо большей степени свойственна образная структура, а не вербальная [4. С. 8]. То, что доминанта речи в эпических сновидениях от Гомера к Лукану постепенно сменяется доминантой образов, связано с жанровыми трансформациями: от раннегероического эпоса греческой архаики к историческому эпосу эпохи ранней римской империи, что также нашло своё отражение в постоянно меняющейся в соответствии с новыми жанровыми моделями поэтике пространства и времени эпических снов.

Литература

1. Rutz O. Studien zur Kompositionskunst und zur episcen Technik Lucans. Kiel, 1950.
2. Walde C. Die traumdarstellungen in der griechisch-romischen Dichtung. Leipzig, 2001.
3. Башиляр Г. Избранное. Поэтика пространства. М., 2004.
4. Вейн А.М., Корабельникова Е.А. Сновидения. Медицинские, психологические, культурологические аспекты. М., 2003.
5. Вен Поль. Греки и мифология / Пер. с фр. М., 2003.
6. Лотман Ю.М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1993. Т. I. С. 413–448.
7. Роднянская И.Б. Художественное время и художественное пространство // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 487–489.
8. Теперик Т.Ф. Поэтика сновидений и «новый стиль» исторического эпоса: «Фарсалия» Лукана // Вестник МГУ. Сер. 9. 2007. № 1. С. 59–67.
9. Фрейд Зигмунд. Сон и сновидения. М., 1997.
10. Фромм Эрих. Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок // Фромм Э. Душа человека. М., 1998.

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА РУССКОГО СВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ *СВЕРКАТЬ*

О.В. Царегородцева

Томский государственный университет

Глагол *сверкать*, как и глаголы *светить*, *блестеть*, *сиять*, является одним из основных обозначений действия света в русском языке. Этимологический анализ глаголов *светить*, *блестеть*, *сиять* показывает, что все эти глаголы генетически восходят к индоевропейским корням со световой семантикой. Иначе обстоит дело с глаголом *сверкать*.

В современном русском языке глагол *сверкать* зафиксирован со значением «сиять ярким, искристым, прерывистым светом», «ярко блестеть, переливаться, отражая свет, лучи» [1]. В сферу денотации входят как источники света: звезда, огни, молния, солнце: *Одинокая яркая звезда сверкала над лесами и отражалась в глубине озер* [1]; так и не источники: монеты, река: *Все монеты... были новенькие и сверкали на солнце* [1]. Контекст предполагает, что это свет, во-первых, яркий, как и эксплицировано в значении, а во-вторых, прерывистый, т. е. важна частота импульса света, частота изменения его в единицу времени. В этом значении глагол *сверкать* коррелирует с глаголом *мерцать*, где тоже актуальна частота импульсов света, но она ниже и излучаемый свет не является таким ярким: *На небе уже мерцали звезды... тускло мерцала свечка* [1].

В целях анализа становления значения рассмотрим славянское окружение глагола. С русским *сверкать* в славянских языках этимологически связаны: чешское *svrcati*, *svrčeti*, *šverkatì* «жужжать, свистеть» [2], польское *świerkać*, *świerkać*, *świergotać* «чирикать», «щебетать», «трещать» [3], с ними же соотносятся названия сверчка: польское *świerszcz* [3], чешское *svrček* [2], сербохорватское *цврчак*, белорусское *цвыркун*, украинское *сверчок* (*цвіркун*), в русском языке *сверчок* [4], а также глагол в древнерусском языке *свърчати* [5], *сверчать* «издавать звук вроде сверчка», «циркать», «чиркать» [6], «производить стрекочущий звук», «верещать». В балтийских языках тоже находим соответствия такого плана: литовское *švirkti*, латышское *svirkti* «жужжать, пищать, дудеть» [2]. За пределы балто-славянской общности

соответствия не выходят. Восстанавливается общеславянский корень *svьrk- [4]. П.Я. Черных, А.Г. Преображенский указывают на звуко-подражательный характер этого корня. Как видим, в славянских языках не зафиксировано значения «светить, сверкать», за исключением одного контекста, приводимого А. Брюкнером в Этимологическом словаре польского языка: *świerczki w ochach* [7]. Сам А. Брюкнер объясняет это ошибкой употребления: *świerczki* употреблено ошибочно вместо *świczki od świecy* [7]. Вероятно, здесь идет речь о блеске глаз. Возможно, это не ошибка употребления, а указание на присутствие семантики света в этом этимологическом гнезде на материале польского языка. Так или иначе, на связь светообозначения *сверкать* и древнерусского глагола *свѣрчати* (*сверчать*) с приведенными выше соответствиями указывают Ф. Миклошич, П.Я. Черных, А.Г. Преображенский.

Есть основания для сближения *сверкать* и *свѣрчати* (*сверчать*), в семантическом плане это сближение подтверждается аналогиями: перенесение значений со слуховых на зрительные и наоборот – достаточно частое явление в жизни языка: например, украинское *луна* – это «отражение света», «отблеск», а также «отражение звука», «эхо», там же *лунати* «звучать», *лункий* «звонкий» [8. С. 16].

В латинском языке засвидетельствовано прилагательное *clarus*, 3 со значениями «ясный, светлый, блестящий» и «ясный, громкий, внятный, отчетливый», например, *clarus vox* (Цицерон, Цезарь, Квинтилиан) «громкий голос». Лексема возводится к и.-е. корню *kel-, *k(е)lē-, *k(е)lā-, *kļ- со значением «звать, кричать». В индоевропейских языках от этого корня чаще можно видеть производные, обладающие семантикой говорения, звучания, например, русское КОЛОКОЛ, древнегреческое καλέω «звать», древнеиндийское kaladhica «петух», где основанием номинации, очевидно, служил громкий голос этого животного, древнеанглийское hlowan «поричать», древневерхненемецкое hel «громкий». Но можно обнаружить и слова с семантикой света, как, например, в нововержненемецком – hel «блестящий», в современном немецком hell «светлый» и «звонкий», «громкий» [9].

Но аналогии не отвечают на вопрос, как развивалось значение «светить, сверкать» в исследуемом случае. Для реконструкции эволюции значения обратимся к истории слова. В письменных памятниках древнерусского языка глагол *сверкать* в значении «светить» не фиксируется. В словарях его можно наблюдать с 1731 г. Но в «Домострое», памятнике древнерусской литературы, зафиксирован

контекст *губами не сверкати* как одно из нежелательных действий для благовоспитанного человека. А.Г. Преображенский толкует глагол *сверкать* в этом контексте как «быстро двигать, шевелить, чавкать» [6]. В данном примере, на наш взгляд, содержится фиксация промежуточного градуса семантической диахронической шкалы от «щебетать, чирикать, жужжать, шептать» и пр. к «сверкать, светить». Действительно, в примере очевидна связь со значениями такого плана, как «щебетать, жужжать, шептать», выраженная в значении «чавкать», но появляется указание на быстроту действия: «быстро двигать губами». Идея о быстром воспроизведении звука (щебетать, верещать) соединяется с идеей быстроты вообще. Развитие значения «сверкать, светить», по нашему мнению, произошло посредством значения «быстро двигаться». И в данном случае это можно подтвердить типологией развития значений.

В древнегреческом языке также существует лексема *αῤῥός* со значением «быстрый» и «светлый», восходящая к и.-е. корню **ar(e)ǵ-*, **arǵ-*, **rǵi-* «блестящий, беловатый». В словаре И.Х. Дворецкого эти лексемы даются как разные, как омонимы [10]. Но многие исследователи отмечают связь значений «свет, блеск» и значения «быстрое движение». Среди них Б. Бехтель указывает на то, что *αῤῥός* со значением «светлый» и *αῤῥός* со значением «быстрый» одно слово [11]. А также В. Мажюлис выстраивает возможную цепочку развития значений: «светить, сверкать → мигать, дрожать (об источнике света) → дрожать, вибрировать → быстро двигаться» [12]. К тому же подобные процессы наблюдаются в рамках значений дериватов и.-е. корня **aig-*: древнеиндийское *ējati* «колебаться, двигаться», древнегреческое *αἰγίς* «буря» и *αἰγλή* «блеск» [9], так что это явление действительно является частым. В славянских языках эту аналогию можно продемонстрировать на примере: по-сербски, по-хорватски *бистар* «чистый, прозрачный» и «быстрый», в словенском *bister* «чистый, прозрачный», в нижнелужицком *byśny* «светлый», в русском *быстрый* [8. С. 3]. Связь двух значений обусловлена представлением о свете как о явлении, способном быстро распространяться или, подобно свету молнии, быстро мигать.

Развитие семантики от обозначений какого-либо звука к значению «быстрый» тоже встречается в языках: в русском *брюзжать* и литовском *bruzgėti* «шелестеть, производить невнятный шум», *bruzgùs* «быстрый, спешащий» [4], в латышском *bauguot* «мычать, реветь», норвежском *būra* «реветь», в русском *буря* и *бурный*, одно из значений

которого «протекающий с необычайной стремительностью»: *бурный расцвет науки и техники* [4].

Помимо этого в современном немецком языке зафиксирован глагол *schwirten*, который по употреблению сближается с глаголом *сверкать*, его значения: «(про)свистеть, (про)жужжать, (про)лететь (со свистом)» и «дрожать, мелькать», сравним контексты: *es schwirrt mir vor den Augen* «у меня мелькает перед глазами» и в русском языке *выстрелы сверкали, чайки сверкали крыльями, ноги сверкают* (при быстром беге). Последние контексты демонстрируют, что и в современном русском языке у глагола *сверкать* сохраняется память о связи со значением «быстрый». В Словаре русского языка помимо «светового» указывается значение «при быстром движении то показываться, поблескивая, то скрываться»: *чайки сверкали крыльями, ноги сверкают* [1]. В этой фиксации значения демонстрируется соединение семантики света, блеска и быстрого движения.

А.Г. Преображенский высказывает предположение о возможном развитии значений от «верещать» к «светить, сверкать» через контекст *о́кроухъ желѣзьмъ свѣрчжшъ* «о раскаленном железе. Может быть, значение сверкать, искриться, вспыхивать от раскаленных предметов, которые могут сверчать и сверкать» [6]. Но нам это кажется не очень убедительным.

Материал для подтверждения реализации семантической модели от «быстро двигаться» к «сверкать» в рамках этимологического гнезда *сверкать, сверчок, древнерусского свѣрчати* дает и диалектный материал. Например, *сверк* «сверкание» и *свѣрк* «употребляется для обозначения блеска при быстрых, повторяющихся движениях» (Куйбышев), *сверкать* «появляться где-либо, ездить куда-либо на короткое время» (Иркутск), *сверкучий* «сверкающий, блестящий» и «эпитет молнии» (фольк.) [13]. Думается, появление последнего значения также не случайно и связано не только со способностью молнии сверкать, но и ее свойством появляться на короткое время и исчезать. С другой стороны, *сверчок* – это и «кузнечик» (Вологодская область), и «шаловливый, озорной, надоедливый ребенок» (Владивосток). В говорах также четче видна корреляция значений «стрекотать, звучать», отсюда «говорить» и «светить»: *сверкунья* «сплетница» и *сверчить* «стрекотать», «безудержно, непрерывно болтать, говорить» [13]. Исходя из сказанного, можно предположить следующую цепь развития семантики: «издавать стрекочущий звук, шептать, чавкать» → «производить быстрые, повторяющиеся движе-

ния при звучании» (*губами сверкати*) → «быстро двигаться, мелькать» (*сверкать пятками*) → «сверкать, блестеть».

Можно реконструировать общеславянские формы глаголов *сверкать* и этимологически связанного с ним *сверчать*: *svŕkati и *svŕčati (вероятно, из *svŕčeti), форма на -ati развивается, возможно, под влиянием *svŕkati. Сложно установить значение о.-с. *svŕkati. Вероятнее всего предположить его изначальную связь с семантикой *svŕčati «производить стрекочущий звук», «верещать», судя по контексту «Домостроя». И если принять пример А. Брюкнера из словаря польского языка, то эволюция семантики к «светить, сверкать» произошла не только в русском языке. Этот вопрос требует дополнительных разработок, но одно можно сказать с уверенностью – эволюция семантики глагола *сверкать* в русском языке от значений «производить стрекочущий звук», «верещать» происходила посредством значения «быстро издавать звуки, быстро двигаться».

Литература

1. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой: В 4 т. М.: Русский язык, 1983. Т. 1, 2.
2. Miklošich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. 548 с.
3. Большой польско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. Т. 1. 776 с.; Т. 2. 664 с.
4. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык: Медиа, 2007.
5. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 1. 1910 ст.
6. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. Т. 2. 674 с.
7. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1940. 807 с.
8. Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1976. Вып. 3; 1990. Вып. 16.
9. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
10. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. Т. 2. 1900 с.
11. Цит. по: Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970. С. 51.
12. Мажолис В. И.-е. *ghei – «светить, сверкать» // Этимология 1984. М.: Наука, 1986. С. 124–128.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 36 (С – святковать). СПб.: Наука, 2002. 344 с.

II. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К УРОВНЮ ОВЛАДЕНИЯ ДИСЦИПЛИНОЙ «ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ»

М.П. Алексеева

Новосибирский государственный педагогический университет

Курс «Древние языки и культуры» вот уже несколько лет читается на факультетах иностранных языков, где по окончании вуза студентам присваивается квалификация «лингвист-переводчик». Это такие вузы, как Сибирский независимый институт, Новосибирский институт экономики, психологии и права – Классический институт и др.

Данный пропедевтический курс ставит перед собой теоретико-образовательные и научно-прагматические цели, входя в широкое интегративное поле общегуманитарных и общелингвистических дисциплин.

Программа «Древние языки и культуры» предусматривает обучение древним языкам (прежде всего – классическим) в контексте античной культуры и историко-культурного движения в целом.

Среди древних языков ведущее место в программе, бесспорно, отводится латыни, роль которой в истории формирования западно-европейских языков, истории мировой культуры трудно переоценить.

Поэтому на финише овладения программой «Древние языки и культуры» студент должен:

– иметь представление о сущности и структуре языка и культуры, сферах их взаимодействия в рамках лингвокультурологии, об основных хронологических и территориальных границах древних культур, их отражении в языковой картине мира античного социума; об особой роли классических языков и античной культуры в развитии европейских языков и общемировой культуры; о необходимости интеграции историко-культурного и лингволитературоведческого подходов к изучению древних языков;

– знать типологию языков и культур, место классических языков в генеалогической и типологической классификации языков; основные этапы развития античной культуры и периодизацию латинского литературного языка; пути проникновения латинского языка в Западную Европу и Россию;

– овладеть нормами латинского языка на всех уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом) в сопоставлении с русским и изучаемыми иностранными языками;

– освоить лексический и фразеологический словарь, отражающий концептуальную картину античного мира и сыгравший ключевую роль в формировании лексического тезауруса современных языков;

– уметь переводить латинский текст в его классическом античном и постклассическом срезе, анализировать его лингвокультурологическую парадигму и идиостилистические особенности; оценивать законы и факты древнего языка и культуры как важную ступень и базис для развития европейских языков, науки (терминологии) и культуры, применять их в исследовательской работе (докладах, рефератах, квалификационных работах и т.д.) при решении проблем компаративистики, лингвокультурологии, филологии и проч.

Выполнению указанных требований способствует целый ряд факторов и прежде всего теоретический и практический характер изучения древних языков в вузе.

Лекционный курс (около 30 часов), включающий круг культуроведческих, историко-лингвистических тем, опирается на принципы культурно-исторического подхода, критерий целостности при изучении любого этапа в развитии античной культуры. Основными методами при изложении культурологических фактов является метод синхронно-диахронический и структурно-функциональный.

Историко-культурный аспект органично входит в лингвистические темы, связанные с развитием древних языков и их функционированием, конкретным анализом художественных, философских и других произведений античных авторов. При освоении лекционного курса студенты получают сведения о сферах и направлениях взаимодействия языка и культуры, уделяя особое внимание кумулятивной функции языка, расширяя свой исследовательский кругозор в области этнолингвистики, истории ментальностей, мифологии, античной и европейской литературы и т.д. Приемы сравнительно-

типологического и структурного анализа здесь могут стать ведущими. Именно через факты языка студенты познают содержание.

Практические занятия (46 часов) формируют у студентов навыки аналитического чтения, перевода классических текстов, этимологического анализа лексики, лингвостилистической интерпретации произведений античных авторов. Лингвистический анализ, как правило, сопровождается филологическими и социально-бытовыми комментариями.

Постигаемый студентами текст (прозаический или поэтический) на каждом занятии должен представлять собой новое звено не только в грамматике, но и в системе культурологических сведений, воспринимаемое в его неизбежной зависимости от личности автора и его картины мира. Текст, с одной стороны, – это «живое» воплощение древнего языка, его уровней; с другой – это объект постижения культуры и истории античного мира. В связи с этим при отборе текстов для перевода и анализа должны быть четкие критерии: целостность текста; наличие в нем единой сюжетной линии; связь с тематико-грамматическим материалом; культурологическая ценность; требуемая степень адаптированности и др.

Кроме аудиторной (лекционной и практической) работы, несомненно, большую роль в реализации программных требований в курсе «Древние языки и культуры» играет внеаудиторная (самостоятельная) работа студентов, для которой отведено свыше 50 часов. Обязательную часть самостоятельной работы студентов составляют не только закрепление парадигмы склонения и спряжения, задания по лексике и фразеологии, перевод классических текстов, но и работы по проблемам гуманистических знаний (языковые личности античной эпохи и др.), проблемам языка и культуры, рецепции античности в России и Европе и др. Это дает студентам дополнительную возможность вхождения в широкое пространство гуманитарного знания, выработки целостного подхода к лингвистическому образованию, в котором древние языки являются обязательным и важным компонентом.

Какие формы и жанры самостоятельной работы, на наш взгляд, наиболее эффективны и вызывают положительную реакцию студентов? Назовем некоторые из них.

1. *Реферативная* деятельность студентов при усвоении таких тем, как «Античная культура – фундамент европейской цивилизации», «Античная модель мира в структуре Средневековья и Возрож-

дения», «Литература древней Греции и Рима», «Греческий Рим (культурное и языковое наследие)», «Великие художники латинского слова», «Латынь и современность», и других. Каждому студенту предлагаются реферативные темы типа: «Идеал человека в античной культуре», «Греческий и римский театр», «Мифология и Овидий», «Эзоп, Федр, Лафонтен, Крылов», «Цицерон и его язык», «Цезарь и «Записки о Галльской войне», «Гораций, Овидий, Пушкин (интертекстуальное эхо)», «Петроний и народная латынь» и др. Многие рефераты, написанные в аспекте большой темы «Латинский язык и авторы», включают в себя отрывки из оригинальных произведений избранного писателя с переводом, комментариями референта, лингвокультурологическими, грамматическими вопросами к тексту, анализом.

2. *Мини-лекции*, проводимые самими студентами во внеаудиторное время, с предварительной консультацией преподавателя и обязательным его присутствием. Чаще всего мини-лекции проводятся в «малой» аудитории (15–20 человек). Преподаватель передает свои функции лектора студенту для прочтения наиболее интересных тем, вовлекающих первокурсников в сравнительно-сопоставительную лингвистику и лингвокультурологию, в изучаемый иностранный язык с его надстратными явлениями. Среди множества тем можно назвать такие, как «Латинские числительные и их судьба в новых языках» (язык по выбору), «Функции латинского и английского инфинитива». «Латинские причастия в английском и русском языках», «Латинское именное и глагольное словообразование и его влияние на словообразование европейских языков», «Латинская этимология современных лингвистических терминов» (на материале русского и других языков), «Античный компонент в латинской и русской фразеологии» и т.д.

3. Нередко мини-лекции перерабатываются студентами в *доклады и сообщения*, с которыми они выступают на научных и практических конференциях, например, «Латинизмы в английском языке (диакронический аспект)», «Судьба латинского среднего рода во французском языке» и др.

Некоторые студенты продолжают работать над темой реферата в течение последующих лет, углубляя проблематику, расширяя или конкретизируя предмет и объект исследования и совершенствуя научную методику. Такие работы в конечном итоге достигали уровня

дипломного сочинения или квалификационной выпускной работы бакалавра.

Вот некоторые из них: «Судьба латинского супина в английском языке», «Латинский префикс *super-* в современном английском языке», «Латинские дериваты и заимствования в английском языке (ди-хронический и синхронический аспекты)», «Античный компонент в языке произведений Т. Уайлдера», «Словообразовательная категория негативности в русском и английском языках» и др.

4. *Письменный перевод «незнакомо-го» латинского текста.* При-чем в переводе (прежде всего поэтического) произведения допуска-ется определенная доля личностной интерпретации текста и верси-фикационный «modus» переводчика. Нередко преподаватель, оценивая качество перевода, присваивает «конкурсные места» по строго определенным критериям, важнейшие из которых: сохране-ние грамматики имени и глагола оригинала, «узнавание» синтакси-ческих оборотов, лексико-семантической сочетаемости и др. Для студента – будущего переводчика – это очень важно.

5. *Лингвистический анализ художественного текста* с элемен-тами рефлексии. Студент сам выбирает текст (любого автора) и представляет его многоуровневый анализ в письменном виде (по образцу).

6. *Индивидуальные консультации* с целью контроля и проверки перевода и анализа «незнакомо-го» текста (1 раз в семестр). Кроме того, индивидуальные консультации могут носить текущий харак-тер: они проводятся по просьбе студентов, испытывающих затруд-нения в освоении материала.

7. *Проведение письменных работ* после каждой новой темы и одной итоговой работы в семестре.

Эти и другие жанры самостоятельной работы студентов и формы ее контроля являются важным и дополнительным звеном в общей цепи учебно-методических приемов овладения сложной дисципли-ной. Безусловно, ведущей, заключительной, формой контроля и по-казателем уровня знаний студентов является выполнение ими экза-менационных требований. В содержании билетов должен быть отражен весь комплекс программных требований, включая и само-стоятельную работу.

В структуру каждого экзаменационного билета включены 5 во-просов-заданий.

Первый – теоретический вопрос по лингвокультурологии, грамматике, лексике и общелингвистические вопросы.

Второй – практическая задача по переводу и анализу текста.

Третий вопрос требует знания лексики. Задачи составлены в виде этимологических этюдов, тематических вопросников, кроссвордов и проч.

Четвертый – цитирование латинского прозаического или поэтического текста наизусть; рассказ об авторе.

Отвечая на пятый вопрос, студенты должны показать знание ста «кратких и выразительных» латинских сентенций, отражающих быт, нравы, менталитет античного мира. Данный фразеологический минимум, оформленный как небольшой словарь, имеет «открытые» страницы для дальнейшего расширения его объема.

Все экзаменационные вопросы можно объединить в 4 блока: историко-культурный, лингво-литературоведческий, собственно лингвистический, лингвопрагматический.

Вопросы собственно лингвистического цикла должны быть освещены в сравнительно-сопоставительном плане с изучаемым иностранным языком.

Предложенные в статье пути реализации программных требований не исчерпывают всего многообразия методических приемов овладения дисциплиной «Древние языки и культуры», способствующих постоянному поддержанию устойчивого интереса студентов к древнему языку, его культурологической, лингвотипологической и лингвопрагматической значимости.

НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ РАБОТЫ С ЛАТИНСКИМ ТЕКСТОМ НА ЗАНЯТИЯХ СО СТУДЕНТАМИ

Е.Г. Басалаева

Новосибирский государственный педагогический университет

Важнейшая часть процесса изучения латинского языка – это работа над письменным текстом, так как преимущественная форма существования латыни именно письменная. Из этого вытекает первостепенная необходимость выработать навыки и умения работы с латинским текстом.

Важнейшими условиями такой работы являются:

- твердое знание правил латинского чтения и постановки ударения;
- достаточное владение грамматическими правилами и особенностями древнего языка;
- умение работать со словарем;
- способность создавать переводной текст в соответствии с нормами родного языка;
- знание культурологических сведений, связанных с историей, литературой, мифологией и т.п. древних римлян.

Все эти условия связаны с решением собственно лингвистических задач, обеспечивающих успешный перевод и анализ текста.

1. Начинать работу над тем или иным текстом следует с ознакомления с грамматическим материалом, значительная доля которого представлена в тексте. Для закрепления полученных знаний нужно просклонять или проспрягать рекомендованные преподавателем слова, извлеченные из текста, проанализировать предложенные формы, перевести на латинский язык и с латинского новые слова, словоформы. Данный этап можно расценивать как «грамматический подступ» к успешному переводу и анализу текста.

2. Полученные в ходе выполнения грамматических упражнений знания и умения необходимо применить на практике в непосредственной работе с отдельными предложениями и конструкциями.

3. Обязательным элементом при подготовке к работе является чтение латинских текстов вслух, что не только совершенствует про-

износительные навыки, но и активизирует слуховую и зрительную память, способствует закреплению изучаемого материала.

4. После прочтения следует этап перевода. В данном случае можно использовать разные словари – большие (охватывающие обширный лексический материал) и малые (включающие необходимый лексический минимум и помещаемые, как правило, в конце учебника). Студент должен знать, что словарная статья в словаре обычно содержит, кроме перевода латинского слова на русский язык, целый ряд грамматических сведений, которые не позволят сделать ошибку в переводе: сведения об основах, родовых значениях имен, типах склонения и спряжения и т.д.

5. В процессе перевода для студента важно не только правильно «опознать» слово (не перепутать его с другим «похожим»), но и выбрать семантически адекватный русский аналог (особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с многозначной лексической единицей). Поэтому процесс перевода нужно всегда сопровождать детальной работой с семантической структурой латинского слова, тщательным и последовательным подбором подходящего по смыслу значения. В случае, если буквальная передача латинского подлинника невозможна, необходим поиск русского соответствия, особенно тогда, когда речь идет об устойчивых выражениях (например, нельзя дословно перевести фразу *Errare humanum est* «Ошибаться человеческое есть», но необходимо «Человеку свойственно ошибаться»). Только при соблюдении этих условий перевод будет точным и внятным.

6. В процессе чтения и перевода обязательно должно идти запоминание грамматических правил и обогащение словарного запаса, облегчающее дальнейшую работу с латинскими текстами. Поэтому нужно заучивать все слова, приведенные в лексическом минимуме урока, а также сентенции, афоризмы, цитации, не только «увековечивающие» парадигматические свойства слов, но и имеющие культурологическую ценность. Особую роль в процессе работы над лексикой и фразеологией играют так называемые этимологические этюды, показывающие, как происходило пополнение русского словаря латинскими заимствованиями. Поиск латинского прототипа многих русских слов помогает не только запомнить лексическую единицу древнего языка, но и глубже проникнуть в семантический микромир текстовых единиц.

7. Для того чтобы латынь не оставалась исключительно «письменным языком», желательно понравившиеся отрывки из произведений латинских авторов (как прозаические, так и поэтические) заучивать наизусть. Кроме того, каждый изучаемый текст (или изречение) должен сопровождаться «культурологической справкой», т.е. сведениями об авторе, истории создания произведения, героях или божествах, описанных в произведении, и т.д. Данную информацию можно почерпнуть из разных источников энциклопедического характера.

8. После чтения текста, его перевода, работы с грамматикой, лексикой и фразеологией текста необходимо ответить на контрольные вопросы урока, выполнить задание, предложенное преподавателем. Например, при анализе XXX оды Горация после вопросов собственно лингвистического характера обязателен вопрос о средствах, обеспечивающих смысловую связанность и стратегию текста, о роли глагольных форм в раскрытии жанрово-поэтического кода «Памятника».

При переводе и анализе V песни Катуллы («Ad Lesbiam...») следует обратить внимание студентов на способы лексической экспликации важного для автора концепта «amare».

Перевод басен Федра должен сопровождаться такими заданиями-вопросами, как, например: «С какой целью Федр очень часто использует Praesens, следующий за перфектными формами?» («Leo et mus»). Или: «Велик ли процент предложений моралистического характера в заключительной части басен Федра?», «Почему Федра называли “римским Эзопом”?» и др.

Текст «Commentarii de bello Gallico» Цезаря требует обязательной постановки вопроса о роли согласования времен в передаче событий, связанных с первым походом Цезаря в Британию, а также о том, почему Цезарь пишет о себе, используя форму 3-го л. ед. ч. глаголов.

Анализ вагантного текста «Gaudeāmus» может включать трансформационные задания: от Praesens conjunctivi к Praesens indicativi, что позволяет глубже понять семантику сослагательного наклонения.

Перевод отрывка из речи Цицерона против Катилины должен сопровождаться вопросами о стилистической манере оратора Цицерона (инверсия, риторические вопросы, повторы, градация и т.д.).

9. Большую роль играет и сам выбор текстов, основанный на определенных критериях. На наш взгляд, это должны быть отрывки

из произведений знаменитых писателей, творчество которых изучается студентами в курсах античной и зарубежной литературы. Нельзя исключить, особенно на первых этапах ознакомления с латинским языком, и тексты, составленные самим преподавателем, а также тексты, предлагаемые в учебно-хрестоматийном комплексе «Введение в латинский язык и латинскую культуру» [1, 2]. Именно они позволяют вводить интересный материал, расширяющий филологический кругозор студентов: о римском календаре, о частях речи, о богах, о театре, о римских праздниках и т.д.

Если соблюдать названные условия, то освоение и понимание текстов на латинском языке не будет затруднительным процессом для студента.

Таким образом, в данной статье мы предложили лишь некоторые поэтапные методические приемы, апробированные нами на занятиях по латинскому языку со студентами-филологами первого курса.

Литература

1. Подосинов А.В., Щавелева Н.И. Введение в латинский язык и латинскую культуру: В 4 ч. М.: Флинта: Наука, 2000.
2. Тираспольский Г.И. Латинский язык. Работа над текстом: Учеб. пособие. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2002.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА НА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т.В. Вяничева

Томский государственный педагогический университет

В 2004 г. в Томском государственном педагогическом университете была открыта новая специальность «Культурология» на базе Института профессиональной подготовки. Учебным планом этой специальности предусмотрено изучение латинского языка в объеме 144 аудиторных часов в течение двух семестров (второго семестра первого курса и первого семестра второго курса) с промежуточным зачетом и экзаменом в конце. Такой объем не только в два раза больше количества часов, отводимых на изучение латинского языка на филологическом факультете ТГПУ (68 часов), но и превышает количество часов, предусмотренных на изучение латинского языка на филологическом факультете ТГУ (100 часов). При этом на отделении культурологии ТГПУ не изучаются древнегреческий и церковнославянский языки. Составители учебного плана ссылаются на Государственный образовательный стандарт, в котором написано не «Древние языки», а «Древний язык». На наш взгляд, подобный подход страдает буквализмом и подлинное культурологическое образование невозможно без изучения основ языка и культуры Древней Эллады, тем более с учетом того влияния, которое они оказали на язык и культуру Древнего Рима.

Но действуя в рамках утвержденного учебного плана, мы составили рабочую программу по латинскому языку для специальности «Культурология», рассчитанную на 144 часа.

Роль латинского языка как языка народа большой и богатой культурной традиции исключительно велика в истории европейской и мировой культуры. Общелингвистическое и общекультурное значение латинского языка делает его изучение органическим элементом гуманитарного образования. Латинский язык является одной из основополагающих учебных дисциплин, изучение которой расширяет общелингвистический кругозор студентов, способствует выра-

ботке у них научного подхода к изучению современных живых языков и одновременно обогащает их знания по истории и культуре античного мира. Перед курсом латинского языка помимо чисто лингвистических задач стоят также задачи общекультурного развития и эстетического воспитания студентов, которые реализуются путем отбора текстов для чтения, содержащих познавательную информацию по истории, мифологии и культуре античного мира. Знание греко-римской культуры, в том числе мифологии, составляет неотъемлемую часть культурологического образования, тем более что сюжеты и образы античной мифологии буквально пронизывают искусство, живопись, литературу последующих веков.

Во вводной лекции, рассчитанной на 4 часа, мы знакомим студентов с историей латинского языка, с основными этапами развития античной культуры и периодизацией латинского литературного языка, греческими традициями в римской литературе, мифологии и языке; рассказываем о памятниках латинской письменности, о путях проникновения латинского языка в Западную Европу и Россию, о роли латинского языка в Средние века, в эпоху Возрождения, в XVII–XVIII вв., о народной латыни и возникновении на ее основе романских языков; характеризуем романскую группу языков, рассказываем о влиянии латыни на германские языки, о латинских основах международной научной терминологии, о латинском влиянии на русский язык и русскую культуру в различные исторические периоды, о движении «Живая латынь» в наши дни.

В целом изучение латыни в первом семестре на отделении культурологии в основном совпадает с ее изучением на филологическом факультете ТГПУ, помимо того, что больший объем времени позволяет более подробно остановиться на некоторых грамматических темах, традиционно представляющих сложность для студентов, таких как III склонение существительных. Мы имеем возможность познакомить студентов с образованием *nominatīvus singulārīs* у слов III склонения, с правилом рода существительных III склонения. Также отдельное занятие посвящено изучению основных разрядов местоимений, выносимых у филологов по причине нехватки времени на самостоятельное изучение.

В связи с недостаточной укомплектованностью библиотеки ТГПУ учебниками по латинскому языку преподаватели, работающие со студентами-культурологами, используют наше учебное пособие, предназначенное для филологического факультета [1].

При чтении текстов преподаватель сообщает студентам сведения, касающиеся истории, географии, экономики, государственного устройства, мифологии и религии, литературы и искусства, быта и нравов древнего мира. Лингвистический анализ текста должен обязательно сопровождаться филологическим, историко-культурным и социально-бытовым комментарием. Тем более, что познания наших студентов в области античной мифологии, истории, культуры и их рецепций в исторической перспективе крайне скудны.

Как писал А.Ч. Козаржевский [2], при работе с текстом совершенно обязательны реальные комментарии. Все упоминаемые в читаемом тексте события, люди, мифологические персонажи, местности должны стать знакомыми и понятными для студентов. Иногда для этого приходится прибегать к картам, схемам, репродукциям. Для воссоздания в сознании студентов колорита античности полезны книги М.Е. Сергеевко о быте Греции и Рима.

На занятиях постоянно проводится сопоставление фактов латинского языка с аналогичными явлениями в старославянском, древнерусском, древнегреческом, современном русском, а также в западноевропейских языках индоевропейской семьи, выявляются черты сходства и различия в сравниваемых языках.

В качестве составных элементов зачета студенты должны выучить в течение каждого семестра латинскую лексику в объеме 300 слов с русскими дериватами и 50 латинских пословиц и крылатых выражений, знать их источники.

Как известно, заимствованиями из латинского языка обильно насыщен язык современной науки, литературы, искусства, политики любого европейского языка, в том числе и русского. Латинский и греческий языки составляют основу терминологии в области культурологии, теории культуры, искусствоведения, философии, логики, этики, эстетики, психологии, литературоведения и лингвистики.

Нами издан лексический минимум по латинскому языку, предназначенный для студентов, обучающихся по специальности «Культурология» [3], состоящий из двух блоков (по 300 слов, наиболее продуктивных по отношению к русскому и западноевропейским языкам), каждый из которых рекомендуется для заучивания в течение одного семестра. В лексический минимум включены слова, выражающие типично римские понятия и представления, необходимые для понимания культуры, мировоззрения, государственного устройства древних римлян (например, *hospes*, *privātus*, *fatum*, *plebs*, *ludus*,

obses и т.п.). В словарные статьи включены помимо латинской лексики и ее перевода на русский язык также образованные от данных лексем русские дериваты независимо от того, были они заимствованы напрямую из латинского языка либо через какой-либо язык-посредник, а также новообразования, созданные на основе латинских корней и словообразовательных морфем для обозначения новых реалий и понятий, неизвестных древним римлянам. Корпус латинизмов в пособии определяется максимально широко, включая в ряде случаев и слова из романских (чаще из французского) языков: строгое разграничение латинизмов и галлицизмов непринципиально в данном случае.

Важное значение в этическом воспитании студентов имеет использование в процессе обучения латинских пословиц, поговорок, крылатых выражений, которые в сжатом, концентрированном виде доносят до студентов мировоззрение древних, их этические нормы и эстетические вкусы, их философские и религиозные взгляды. Изучение латинской афористики, которая открывает доступ к сокровищнице античной мудрости, является одним из основных направлений гуманистического влияния на личность. Знакомство с фондом латинских паремий и афоризмов способствует расширению эрудиции и кругозора студентов, повышению их общей культуры и играет большую роль в подготовке будущего педагога. Помимо заучивания наизусть мы предлагаем студентам также написать работу реферативного характера по латинской афористике: либо сделать подборку крылатых выражений на определенную тему (например: «Искусство и литература», «История», «Медицина. Здоровье и болезнь», «Политика и дипломатия. Свобода и власть», «Правоведение», «Психология: душа и характер человека», «Религия и богословие», «Деньги. Богатство и бедность. Жадность и щедрость», «Быстротечность жизни. Жизнь и смерть», «Война и мир. Мужество и трусость», «Добро и зло», «Красота. Прекрасное», «Мера и степень», «Злословие и клевета. Молва. Добрая слава», «Наука и учеба. Ум и глупость», «Правда и ложь», «Родина и чужбина. Патриотизм», «Судьба и счастье», «Труд и лень», «Любовь и брак», «Пьянство» и др.) с указанием на источник или автора и кратким историко-филологическим комментарием, с примерами их употребления в произведениях художественной литературы, в научных и публицистических работах, используя ряд вышедших в последние годы сборников латинских пословиц и крылатых выражений [4, 5, 6 и др.], либо написать эссе об изначальном смысле

таких, например, изречений, как *mens sana in corpore sano*; *in vino veritas*; *vita brevis, ars longa* и др. Работы такого рода давно практикует на заочном отделении филологического факультета ТГПУ доцент кафедры теории и истории языка ТГПУ Л.В. Дубина.

Для изучения во втором семестре нами вынесены такие темы, как латинские числительные; римский календарь; времена *coniunctivi*; их употребление в независимых и придаточных предложениях; неправильные и недостаточные глаголы; герундий и герундив. Отсутствие дефицита аудиторного времени позволяет посвятить отдельные занятия изучению основ латинского словообразования, наиболее продуктивных латинских приставок и суффиксов, а также служебных частей речи: предлогов, союзов, частиц и междометий.

Три занятия отведено нами на изучение основ римского стихосложения, на чтение и перевод латинских поэтических произведений: стихотворений Катутлла (например, стихотворение № 51) и од Горация (знаменитая «*Ad Melpomēnam*», а также оды I, 11 и I, 38). Сложившаяся позже литература европейских народов, в том числе и русская литература, очень тесно связана со своей античной предшественницей. Понять достоинства римской поэзии и почувствовать ее красоту легче всего удастся при чтении стихов в подлиннике. К чтению стихов можно приступить только после того, как изучены основы римского стихосложения, в ряде случаев сопровождаемые сопоставлением римской метрики с русской и рассказом о судьбе некоторых античных размеров в русской поэзии.

Из прозаических текстов мы выбрали для чтения «Первую речь против Катилины» Цицерона.

Для заучивания наизусть помимо студенческого гимна «*Gaudeamus*» мы рекомендуем студентам также молитвы «*Pater noster*» и «*Ave, Maria*».

Два-три занятия в рамках курса латинского языка мы считаем необходимым посвятить изучению элементарных сведений из области древнегреческого языка, что позволит студентам хотя бы знать алфавит и уметь читать древнегреческие слова.

Обязательную часть самостоятельной работы студентов составляют реферативные работы по культуре Древнего Рима. Мы предлагаем студентам следующие темы реферативных работ: «Римский дом», «Римская семья», «Воспитание и образование в Древнем Риме», «Вкусы и привычки древних римлян: одежда, пища, развлечения», «Из истории гимназической латыни в России», «Латинский

язык в русской ономастике и топонимике», «Пантеон римских богов», «Римские праздники», «Римское войско», «Римские имена», «Из истории римской эпиграфики», «Римские государственные должности», «Из истории античной скульптуры», «Из истории античной архитектуры. Градостроительство в Древнем Риме», «Элементы латинской стилистики», «Римские системы измерения длины, веса, времени суток. Денежная система», «Медицинская латынь: «*In via est in medicina via sine lingua Latina*», «Латинская письменность и книжное дело в Риме. Римские библиотеки», «Юридическая латынь. Римское право», «Новая жизнь латыни: латынь в Средние века», «Движение «Живая латынь» в наши дни», «Латинские пословицы и афоризмы в наши дни», «Рим – наследник Греции», «Римская риторика и знаменитые ораторы Рима», «Из истории латинского стихосложения», «Римские императоры», «Вульгарная (народно-разговорная) латынь», «Языкознание Древнего Рима».

Преподаватель предоставляет студентам обширный список литературы, которую студенты могут использовать при написании реферата. Наиболее целесообразно, с нашей точки зрения, чтобы студенты не просто сдавали свои рефераты преподавателю, а защищали их в аудиторное время, тогда вся группа может ознакомиться с работами своих товарищей.

Также в качестве обязательного домашнего творческого задания студентам предлагается провести сопоставительный анализ сделанного ими подстрочного перевода оды Горация «*Ad Melpomēnam*» с переводами русских поэтов XVIII–XIX вв. (М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.В. Капниста, А.Х. Востокова, С.А. Тучкова, А.А. Фета, Н.Ф. Фоккова, Б.В. Никольского, П.Ф. Порфирова, В.Я. Брюсова, В.Н. Крачковского, А.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.И. Шатерникова и Я.Э. Голосовкера), которые опубликованы в книге М.П. Алексеева [7]. Можно также использовать современные переводы, почерпнутые из Интернета. Студенты могут попробовать и сами сделать поэтический перевод оды Горация.

Также возможен сопоставительный анализ стихотворения № 51 Каталла, являющегося подражанием Сафо, с переводами В.А. Жуковского, Ф.Е. Корша, В.В. Вересаева, В.И. Иванова, С. Ошерова и др.

Выполнение самостоятельных творческих работ дает студентам дополнительную возможность вхождения в широкое пространство гуманитарного знания, выработки целостного подхода к культурологическому образованию, в котором классические языки являются обязательным и важным компонентом.

Литература

1. *Вяничева Т.В.* Lingua Latina: Учеб. пособие для студентов I курса филологического факультета. Томск: Изд-во ТГПУ, 2003.
2. *Козаржевский А.Ч.* Некоторые сведения по методике чтения авторских текстов // Вопросы классической филологии. М.: Изд-во МГУ, 1973. Вып. 5. С. 217–227.
3. *Вяничева Т.В.* Древний язык: Лексический минимум по латинскому языку: Методические указания для студентов педагогического университета, обучающихся по специальности «Культурология». Томск: Изд-во ТГПУ, 2005.
4. *Самов В.П.* По-латыни между прочим: Словарь латинских выражений. М.: ГИТИС, 1992.
5. Вечные истины на вечной латыни / Сост. С.Б. Барсов. М.: Центрполиграф, 2000.
6. Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю.С. Цыбульник. М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2003.
7. *Алексеев М.П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» (проблемы его изучения). Л.: Наука, 1967.

СИСТЕМА УПРАЖНЕНИЙ ПО ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ВНЕАУДИТОРНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Н.Л. Кацман

Московский государственный лингвистический университет

Двойственный характер целей изучения латинского языка в системе высшего лингвистического образования [1. Гл. I] выдвигает две основные задачи, реализацию которых должны обеспечить упражнения: 1) теоретическое усвоение системы латинской грамматики; 2) развитие навыков и умений, позволяющих как можно раньше перейти к чтению текстов.

Принципиальное различие между этими двумя типами упражнений заключается в том, что первые ограничиваются в основном областью морфологии и направлены на *системное* усвоение *вертикальных* парадигматических рядов имени и глагола, вторые же прежде всего охватывают область синтаксиса, а на уровне морфологии базируются на усвоении *горизонтальных* парадигматических рядов, что необходимо для распознавания именных и глагольных форм в контексте.

Отдельную группу составляют упражнения в словообразовании и словообразовательном анализе, одинаково важные для реализации как теоретических, так и практических задач курса.

В настоящем сообщении рассматривается в основном разработанный нами цикл упражнений, направленных на подготовку студентов к анализу и переводу текстов. Дело в том, что методика обучения чтению, изложению которой уделено много внимания как в нашем учебнике для вузов, где она дается поэтапно [2. Разд. III, VII, X–XV], так и в теоретической работе, где сформулированы основные принципы этой методики [1. Гл. IV. С. 2], может быть полностью реализована только при том условии, что базовые элементы, «кирпичики», на которых она основана, т. е. сами именные и глагольные формы, будут восприниматься студентами в контексте без дополнительных усилий по их распознаванию. Ведь хорошо известно, что часто студент без запинки может просклонять существительное, подчас и словосочетание (типа *hic miles fortis*) или проспрягать глагол в любой форме, но испытывает большие затруднения при оп-

ределении словоформы в контексте. Чтобы определить ее, студенту нередко приходится идти «от печки», т.е. восстановить в памяти всю парадигму. Объясняется это тем, что усвоение *горизонтальных* парадигматических рядов – процесс гораздо более сложный.

Л.В. Щерба, подчеркивая важность знания латинского языка утверждением, что «старая латынь и ее серьезное изучение открывали двери во все языки» [3. С. 49], не заботился о том, *как* достигалось знание латыни. «Достаточно, – говорил он, – чтобы читалось и переводилось значительное количество трудных текстов – и все остальное прикладывается само собой» [3. С. 47]. Именно так в конце 40-х – 50-е гг. нас и, я думаю, еще немало следующих поколений учили на классическом отделении университета наши прекрасные учителя, сами учившиеся в свое время в российских гимназиях. Я сама убедилась в действенности такого подхода при занятиях со студентами, выбравшими латинский язык в качестве второй специальности. Но основную массу наших студентов составляют те, для которых латинский язык является общеобразовательной дисциплиной и изучается в настоящее время только один год, на первом курсе. Именно в таких условиях и возникает потребность в разработке такой методики, которая дает возможность достижения оптимальных результатов в очень сжатые сроки. Это касается как аудиторной, так и внеаудиторной, самостоятельной работы студентов.

В настоящем сообщении, как уже упоминалось, речь идет о системе упражнений, предназначенных для интенсификации самостоятельной тренировочной деятельности студентов. Упражнения собраны в «Сборнике упражнений», который, возможно, будет издан в ближайшее время. Они представляют собой дополнительный материал к учебнику Н.Л. Кацман и З.А. Покровской [2], но могут использоваться и при работе по любому другому учебнику.

По своему содержанию и целям все упражнения «Сборника» подразделяются на две группы:

1. Упражнения в распознавании, анализе и реконструкции грамматических форм и синтаксических структур.
2. Упражнения в словообразовании и словообразовательном анализе.

Упражнения первой группы охватывают весь грамматический материал учебника и распределены по соответствующим разделам; для каждого раздела указаны номера параграфов учебника, на материале которых они построены. Лексический материал упражнений в

основном также ориентирован на словарь учебника. Слова, отсутствующие в словаре учебника, даны в латинско-русском словаре в конце «Сборника». При этом упражнения начальных разделов построены по преимуществу на материале обязательной лексики. В каждом упражнении содержится 25 заданий.

Все упражнения первой группы, хотя и могут выполняться традиционными методами, но предназначены главным образом для выполнения на компьютере (диск и инструкция прилагаются) или на матрице с кодовой панелью. Все упражнения являются детерминированными. Это значит, что каждая задача, входящая в состав каждого из упражнений, может иметь только одно решение-ответ. Выполнение упражнений основано на операции выбора правильного ответа из предлагаемых. Ответы расположены на кодовой панели (КП), которая размещена перед каждым упражнением в «Сборнике» и дублируется на компьютерном диске, т. е. выводится на экран компьютера. Диапазон выбора – от 2 до 7 вариантов. Следовательно, на КП может быть 2, 3, ..., 7 вариантов ответов. Важно отметить при этом, что на КП нет ложных, маскировочных ответов. Каждый ответ является правильным для ряда задач в пределах одного упражнения. Этим предлагаемые упражнения принципиально отличаются от широко распространенных тестов, в которых из нескольких (обычно четырех) вариантов ответа только один является правильным. Нам представляется, что в такой кодовой системе, в которой значимым является подчас не только одна буква, но даже один знак (надстрочный или подстрочный), т. е. в языке, использование маскировочных ответов неприемлемо, поскольку может способствовать стиранию границ между правильным и неправильным ответами.

В предлагаемом «Сборнике» содержатся такие упражнения, в которых операция выбора или распознавания в пределах предлагаемых на КП однородных языковых единиц или дефиниций является естественной, а именно: если целью упражнения является заполнение пропуска предлогом, прилагательным, местоимением, именной или глагольной флексией и т. д., то естественным является набор соответствующих элементов на КП; если целью упражнения является распознавание языковых структур (на любом уровне языка), то естественным содержанием КП являются соответствующие дефиниции.

Рассмотрим это на примере (с демонстрацией на компьютере).

Упражнение 37. Определите время, наклонение, залог глагольных форм.

Кодовая панель

1	2	3	4	5	6	7
Imperat.	Praes. ind. act.	Perf. ind. act.	Imperf. ind. act.	Plusquamp. ind. act.	Fut. I ind. act.	Fut. II ind. act.
1. promiseris	8. quaerebat	14. tulisti	20. statuērunt			
2. respondēbunt	9. delevērunt	15. quaerēmus	21. errant			
3. agam	10. educābit	16. caedit	22. fuērant			
4. cognoverimus	11. portant	17. egērant	23. cognosce			
5. posui	12. venīte!	18. promiserō	24. nolēbat			
6. duxērant	13. voluērant	19. colunt	25. pingē!			
7. vēnit						

Предлагаемые в упражнениях такого типа операции распознавания аналогичны тем, которые производятся при чтении текста. Как справедливо советовал великий юморист Марк Твен, «чтобы перевести латинскую фразу, надо в нее нырнуть и вынырнуть с глаголом в зубах». Но для этого надо не только легко найти глагол, но и быстро определить его форму, прежде всего лицо и число, что направляет в нужное русло поиск подлежащего, затем и дополнения, если значение глагола известно. Если же значение глагола неизвестно, то по его форме в контексте реконструируется начальная форма; для развития такого умения в «Сборнике» также имеется достаточное количество упражнений.

Рассмотрим другой пример, целью которого является развитие у студентов ассоциативных связей, что очень важно, когда нужно дифференцировать похожие формы от разных глаголов.

Упражнение 48. Определите начальную форму глаголов по приведенным личным формам.

Кодовая панель

1	2	3	4	5	6
erro	pono	sum	absum	adsum	possum
1. posui	8. posuēram	14. afuērint	20. potuērant		
2. afui	9. afuēram	15. affuērint	21. posuērunt		
3. erat	10. erāmus	16. errant	22. errābunt		
4. errat	11. errāmus	17. errant	23. erunt		
5. potui	12. potuērit	18. affuēram	24. affuērunt		
6. potuēram	13. potuērant	19. potuērunt	25. afuērunt		
7. affui					

Той же цели служит упражнение на материале неправильных глаголов.

Упражнение 78. Определите инфинитив глагола по приведенным личным формам.

Кодовая панель

1	2	3	4	5	6	7
Ferre	fiēri	esse	posse	velle	nolle	ire
1. fit	8. fiērent			14. possent		20. nolēbant
2. possint	9. potuērunt			15. voluērant		21. fiēbant
3. fuistis	10. fuērunt			16. fuissēmus		22. tulēro
4. tulistis	11. fers			17. tulērant		23. fuēro
5. iērunt	12. issent			18. volēbant		24. vis
6. nolim	13. noluisent			19. irent		25. possent
7. velim						

Имеются также упражнения на определение глагольных форм в контексте, на их реконструкцию путем заполнения пропуска или раскрытия скобок и т. д. Аналогичные упражнения разработаны для обучения распознаванию в контексте именных форм и разносклоняемых словосочетаний. Например:

Упражнение 59. Определите падежные формы словосочетаний и предложных конструкций.

Кодовая панель

1	2	3	4	5	6	7
Acc. sg.	Dat. sg.	Acc. pl.	Dat., abl. pl.	Abl. sg.	Gen. sg.	Gen. pl.
1. huic fabro nobīli		10. quales arbōres pulchras		18. hāc potestāte		
2. eis testībūs justis		11. per totum diem		19. harum domuum		
3. illas res utiles		12. omnium sensuum nos-		20. nullīus hostis		
		trōrum				
4. contra pericūlum commūne		13. hujus itinēris longi		21. huic viro sapienti		
5. harum navium multārum		14. cum vulnerībūs honestis		22. per totam noctem		
6. illīus iudicis Romāni		15. pede levi		23. ad parentes tuos		
7. hāc injuriā gravi		16. eas urbes magnas		24. maximā potestāte		
8. huic legāto Romāno		17. plebem Romānam		25. variis operībūs		
9. cum honorībūs militarībūs						

Имеется также достаточное количество упражнений на узнавание и реконструкцию синтаксических структур, определение типов

придаточных предложений со сказуемым в конъюнктиве и употребляемых в них времен, на определение функционального значения латинских падежей и ряд других.

Выполнение упражнений на компьютере возможно в двух режимах: «Тренировка» и «Контроль».

При работе в режиме «Тренировка» студент последовательно выполняет задания упражнения. После выполнения каждого задания он либо получает подтверждение правильности ответа и тогда переходит к выполнению следующего задания, либо сигнал о неправильном выполнении задания. В таком случае переход к следующему заданию заблокирован. Студент имеет возможность сделать еще одну попытку ответить правильно. Если и эта попытка оказывается неудачной, компьютер дает подсказку. Получив подсказку, студент должен подтвердить правильный ответ, что будет способствовать его лучшему запоминанию. Только после этого он получает возможность перейти к выполнению следующего задания. При этом в любой момент выполнения упражнения студент может вернуться к его началу и выполнять упражнение столько раз, сколько ему необходимо для прочного усвоения данного материала.

При работе в режиме «Контроль» студент должен последовательно выполнить все задания. При этом на экране фиксируется только номер выполненного задания. Никакой информации о правильном/неправильном ответе студент не получает. Только после выполнения всего упражнения высвечиваются номера неправильных ответов и указывается их количество. Если ошибок было немного (до 5), мы рекомендуем проанализировать их и снова выполнить упражнение в режиме «Контроль», чтобы убедиться в том, что ошибки поняты. Если ошибок было больше, полезно прочитать снова те параграфы учебника, на которых построено данное упражнение, выполнить его в режиме «Тренировка» и лишь затем в режиме «Контроль». Только так может быть достигнуто прочное усвоение материала.

Все упражнения этой группы, если нет компьютера, могут выполняться на матрице с кодовой панелью, но методика их выполнения остается за рамками настоящего сообщения. Замечу лишь, что на этот случай ко всем упражнениям даны цифровые ключи, т.е. указаны номера ячеек, в которых содержится правильный ответ, а к наиболее сложным упражнениям даны также ключи-переводы. Наличие цифровых ключей, обеспечивая немедленную обратную связь

даже при выполнении упражнений без компьютера, расширяет возможности их использования для самостоятельной тренировочной работы студентов, в том числе студентов-заочников. Что же касается ключей-переводов, то они одинаково полезны как при работе на компьютере, так и без него.

Вторая группа упражнений – упражнения в словообразовании и словообразовательном анализе. Обилие словообразовательных морфем, особенно префиксальных в системе глагола и суффиксальных в системе имени, выдвигает вопросы словообразования на одно из первых мест при изучении латинского языка, ибо знание словообразовательных моделей и лексико-грамматического значения аффиксов способствует более прочному усвоению обязательной лексики и расширению потенциального словарного запаса студентов, поскольку, по определению И.М. Тронского, древние индоевропейские языки, следовательно, и латинский, по своему морфологическому типу были *«синтетические, притом суффицирующие и флективные»* (выделено автором. – Н. К.) [4. С. 15].

Предлагаемые здесь упражнения выполняются по моделям. В них предусмотрены следующие операции:

1. Образование производных слов и выведение их значения на основе значения слова с производящей основой (которое может быть установлено по словарю) и лексико-грамматического значения аффиксов. При отыменном словообразовании под понятием «производящая основа» имеется в виду, в отличие от индоевропейской основы, та часть латинского слова, которая остается неизменной при склонении. Например, в слове *corpus*, *corpōris* n ‘тело’ основа *corpōrē-*; в слове *altus*, а, um ‘высокий, глубокий’ основа *alt-*; в слове *iter*, *itinēris* n ‘путь, переход’ основа *itinēr-* – и т. д.

2. Расчленение сложных слов на словообразовательные морфемы.

3. Образование словообразовательных рядов.

4. Подбор лексических параллелей из русского и изучаемых западноевропейских языков.

5. Установление латинского прототипа для русских, французских, английских, немецких слов.

В последних двух типах заданий не учитывается ни время, ни способ проникновения слова с латинским корнем в русский, английский или немецкий языки: это может быть заимствование и непосредственно из латинского, и через французский, и через какой-либо другой язык; это может быть также слово, созданное в новое

время из латинских словообразовательных морфем. Во французском языке это может быть как слово, развившееся естественным путем из латинского в период формирования французского языка, так и заимствование, латинизм. Не дифференцируются и слова общего индоевропейского корня. Основная цель этих заданий – выработать у учащихся умение узнавать и выделять латинские словообразовательные морфемы в лексике новых языков. Поэтому лексические параллели должны подбираться строго по моделям: с учетом не только корневой морфемы, но и словообразовательной.

К упражнениям в словообразовании не дается ключей. Это объясняется тем, что ключом-образцом к каждому из этих упражнений служит модель, приводимая непосредственно вслед за заданием, в сочетании с пояснением значения, придаваемого производному слову тем или иным аффиксом. Затруднения могут возникнуть лишь при переводе производных слов на русский язык в случае, когда оно получает немотивированное значение. Например, *factio партия, политическая группировка*. Однако в подавляющем большинстве случаев это касается косвенных значений, развившихся из основного. Задача студента – вывести то значение, которое вытекает из основного лексического значения слова и лексико-грамматического значения аффикса. В приведенном примере ‘делание, действие’, хотя это значение и неупотребительно. Нужно значение подскажет контекст. Что же касается употребительных, но немотивированных значений, то в необходимых случаях их объяснит преподаватель, а при самостоятельной работе любознательный студент найдет их в Большом латинско-русском словаре.

Литература

1. Кацман Н.Л. Методика преподавания латинского языка. М., 2003.
2. Кацман Н.Л., Покровская З.А. Латинский язык: Учебник для вузов. М., 1996 и сл. издания.
3. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1974.
4. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.

ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК И АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА «ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И ОСНОВЫ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ»

О.Т. Михеева

Кемеровская государственная медицинская академия

Преподавание курса «Латинский язык и основы медицинской терминологии» призвано научить будущих специалистов применять медицинские термины на латинском языке, а также термины греко-латинского происхождения на русском языке, понимать способы образования терминов и знать специфику в различных подсистемах медицинской терминологии. Помимо образовательных задач решаются задачи общеобразовательные и общекультурные. Общеобразовательные задачи должны дать представление об общезыковых закономерностях, характерных для европейских языков, общекультурные – представление об органической связи современной культуры с античной и ее историей. Кроме того, курс «Латинский язык и основы медицинской терминологии» должен дать представление о роли античной цивилизации в формировании европейской культуры и науки, об античной медицине, о краткой истории латинского и древнегреческого языков и их роли в становлении и развитии медицинской терминологии.

Давно известно, что античная культура представляет собой культурный фундамент современного европейского мира и важнейшее средство формирования его культурного самосознания. В Древней Греции были заложены основы европейской цивилизации: принципы демократического устройства государства, система образования, наука, в том числе и медицина. По мнению культуролога Ю.В. Андреева, среди цивилизаций Древнего мира греческая цивилизация была первой и единственной, которая во всей своей жизнедеятельности ориентировалась преимущественно на человека, на самоценную и самодостаточную человеческую личность, ставя ее фактически в центр мироздания, и в этом смысле можно говорить о греческом гуманизме или антропоцентризме [1].

При обучении всем разделам медицинской терминологии используется информация, связанная с античной культурой и греческим языком, так как это способствует осуществлению целей и задач преподаваемого курса. Информация о греческом языке (фонетика, акцентология, морфология, лексика, фразеология) и культуре Древней Греции и Древнего Рима имеет утилитарное значение, вызывая интерес к изучению курса латинского языка и способствуя усвоению терминологии. Во вступительной лекции рассказывается об истории греческого языка и его значении для медицинской терминологии. При обучении фонетике латинского языка отмечаются особенности греческой фонетической системы, а также особое произношение звуков в латинизированных греческих словах, передача знака густого придыхания над начальным гласным в латинской транскрипции и т.д. Обращается внимание на правила постановки ударения в латинизированных греческих словах и на трудности, связанные с постановкой ударения. При обучении морфологии латинского языка необходима информация и о морфологии греческого языка. Эта информация относится к имени существительному: словарные формы существительных I склонения в греческих заимствованиях (например, *gripe*, *es f*, *diabetes*, *ae m*), окончание *-on* у существительных II склонения и т.д. При обучении лексике, заимствованной из греческого языка и относящейся ко всем изучаемым разделам терминологии (анатомической, гистологической, клинической, фармацевтической), используются элементы лингвистического анализа.

Лингвистический анализ греческих заимствований в терминологии включает объяснение соответствия букв греческого алфавита буквам латинского и русского алфавитов. Эти сведения необходимы для правильного чтения и правописания ряда терминов. Так, знак густого придыхания, стоящий в начале слова над гласным, произносится как латинская буква *h*, внутри сложных слов придыхание исчезает в греческом написании, но сохраняется при их латинизации. В транскрибированных на русский язык терминах знаку густого придыхания соответствует звук [г]. Лингвистический анализ греческих заимствований сопровождается объяснением происхождения значений слов. По мнению Е.В. Бекишевой, этимология дает возможность не только установить происхождение и первичное значение термина, но и выявить внутренние законы развития медицинской терминологии [2]. Кроме того, знание этимологии слов помогает усвоению,

правильному употреблению терминов и позволяет студентам самостоятельно анализировать производные и сложные термины, а также дает возможность разобраться в семантике вновь возникающих терминов, образующихся на основе классических языков. Так, учеными-терминологами проверено, что в международной анатомической номенклатуре этимологически объясняется более тысячи терминов [2]. Например, название первого шейного позвонка (atlas) этимологически связано с именем титана Атланта, а термин «ахиллово сухожилие» (tendo Achillis) связано с именем греческого героя Ахилла. В структуре термина «эвтаназия» присутствует имя греческого бога Таната, служащего олицетворением смерти.

При изучении терминологического словообразования в клинической терминологии основное внимание обращается на усвоение словообразовательных моделей терминов, а также на уяснение лексического значения греческих терминоэлементов, приставок, суффиксов.

Наряду с лингвистическим комментарием при обучении терминологии используется также историко-культурный комментарий. Так, историко-культурный комментарий помогает усвоить категорию рода в латинизированных словах греческого происхождения, обозначающих названия деревьев. Категория рода (женский род) в данном случае связана с анимистическими воззрениями древних греков, одушевлявших природу и природные явления. Исследователи греческой культуры отмечают, что, согласно представлениям древних греков, в деревьях заключалась магическая сила, дающая жизнь, а воплощением этой силы были древесные существа – дриады [3].

В соответствии с требованиями учебной программы наряду с профессиональными и общеобразовательными целями перед курсом латинского языка стоит задача общекультурного развития и нравственного воспитания студентов. В этом отношении очень полезны латинские афоризмы, изречения и пословицы. Среди них есть изречения и афоризмы, переведенные с греческого языка. Это высказывания писателей, философов, государственных деятелей, врачей-лечителей. Они дают представление о системе ценностей древних греков или являют собой деонтологические заповеди. Чтение афоризмов и изречений также сопровождается историко-культурным комментарием. Комментарий содержит сведения об авторах афоризмов, о мифологии, религии, а также о частной и общественной жизни древних греков. Особенно важна роль афоризмов и изречений, связанных с историей медицины. Так, чтение афоризмов Гиппократов сопровождает

дается рассказом преподавателя о произведениях Гиппократ, клятве, названной его именем, о врачевании в Древней Греции и о богах, покровителях врачевания. Греческие афоризмы о здоровье дают возможность говорить о том, что медицина древних греков ценила умеренность как мудрое житейское правило и рекомендовала умеренность во всем, особенно в употреблении вина [4].

Задача общекультурного развития обучающихся реализуется также посредством самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работы студентов. Эта работа связана с подготовкой докладов по истории античной культуры и истории медицинской терминологии. Разработана тематика рефератов с указанием литературы. Тематика рефератов по истории культуры Древней Греции и Древнего Рима отражает значимые явления истории античной культуры и истории медицины. Задаче осуществления общекультурного развития студентов должны способствовать элективные курсы.

Разработан и реализован элективный курс «Классическая латынь», позволяющий расширить знания античной культуры.

Таким образом, информация, относящаяся к греческому языку и античной культуре, представляется полезной при обучении медицинской терминологии, так как вызывает интерес студентов к изучаемой дисциплине, способствует общекультурному развитию студентов и формированию ценностных ориентиров личности.

Литература

1. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб.: Алетея, 1998. 440 с.
2. Бекишева Е.В. Учебный историко-этимологический словарь медицинских терминов: Учебное пособие для студентов медицинских вузов / Сост. Е.В. Бекишева; Под ред. А.Ф. Краснова, В.Ф. Новодрановой. Москва: Самара: ГП «Перспектива», 2001. 78 с.
3. Посев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Греческая культура в мифах, символах и терминах. СПб.: Алетея, 1997. 620 с.
4. Книга античности и Возрождения о временах года и здоровье. М.: Книга, 1971. 142 с.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГИМНАЗИИ

В.Н. Хохлова

Кемеровский сельскохозяйственный институт

Известно, что латинский язык был введен в программу народного образования России в 1802 г. Его изучали в четырехклассных губернских школах, которые получили название «гимназий». Они были соподчинены университетам, так как преподавание некоторых предметов в начале XIX в. велось на латинском языке.

Князь С.С. Уваров, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, превратил столичную гимназию в семиклассную, где латинскому языку отводилось 32 часа и древнегреческому 3 часа соответственно в двух последних классах. Это и легло в основу планов, которые были утверждены уставом в министерстве (А.С. Шишков) в 1828 г.

С этого времени и ведет своё начало дискуссия по поводу классического образования. В настоящее время, к сожалению, нет особых оснований сказать, что этот спор продолжается. Сторонников классического образования становится все меньше, и они очень редко (особенно после смерти Д.С. Лихачева) выступают на страницах газет и журналов.

Всё это имеет субъективные и объективные причины. Выпускников вузов, имеющих классическое филологическое образование, становится всё меньше. Преподавание латинского языка в большинстве гимназий и лицеев исключили. В университетах, в медицинских и иных вузах работают в этой сфере выпускники романо-германского факультета, те, которые готовились стать преподавателями английского, немецкого, французского и других языков. Изучение же латинского и древнегреческого языков имеет совершенно другой подход, не говоря уже о знаниях. «Умственное совершенствование» являлось основной задачей изучения древних языков, этому была подчинена и вся история России.

С. Джимбинов [1] в статье «Коэффициент искажения» о классическом образовании пишет о двух видах образования – реальном и формообразующем. Два древних народа имели такие языки и куль-

туру, что изучение их было не только «простой гимнастикой ума», но и «генеалогией духа».

Ф. Достоевский в «Дневниках писателя» (1876) писал: «Математика и два древних языка, латинский и греческий, признаны наиболее развивающим средством, умственным и даже духовным. Не мы признали это и не мы это выдумали: это факт, и факт бесспорный, выжитый на опыте всею Европою в продолжение веков, а нами только перенятый...» [1]. Позднее Д.С. Лихачев говорил, что ценности XIX в. – школы, гимназии, реальные училища рядом и с XX в. идут впереди [2].

Большую роль в этом играло изучение латинского и древнегреческого языков. И хотя гимназисты зачастую знали эти языки неважно, но изучение их для учащихся было трамплином, той интеллектуальной базой, благодаря которой они хорошо знали и новые иностранные языки.

Наш 7-летний опыт работы в гуманитарной гимназии № 41 г. Кемерова даёт основание твёрдо сказать, что изучение латинского и древнегреческого языков очень интересно детям. При наличии в гимназии большого числа факультативных занятий по данным анкетирования факультатив по латинскому и древнегреческому языкам оказался самым интересным, что крайне удивило многих школьных педагогов. Прохождение этого факультатива в гимназии, как отмечали уже студенты Кемеровского университета, явилось хорошей базой для успешного усвоения курса латыни при изучении юриспруденции, филологии, истории, биологии и других дисциплин. И это совсем не случайно. Латинский язык имеет огромное формообразующее воспитание в силу особенностей своей грамматики.

Ребята стали лучше учиться, у них расширился кругозор, логичнее и обоснованнее они стали выражать свои мысли, у обучающихся увеличился объем употребления слов, потому что для них раскрылся их смысл. На занятиях постоянно проводились экскурсии в происхождение слов и отдельных выражений.

Известно огромное влияние латинского языка на все европейские языки. Параллели между немецким, французским, английским и русским языками дают возможность лучше усваивать не только латинский язык, но и современные иностранные языки наряду с русским языком.

Большой материал для нравственного воспитания дают латинские пословицы, сконцентрировавшие в себе практический опыт,

принцип морали. Необходимо рассказывать об истории их происхождения, показывать глубинный смысл каждого выражения. Знание вышеперечисленных положений делает речь обучающихся богатой, осмысленной, воспитывает интерес к изучению языков, повышает нравственный и эстетический уровень.

Занятия по латинскому языку в течение 2 лет с детьми 9–10 лет оказались продуктивными и неожиданно для родителей привели к хорошим результатам и по другим предметам, изучаемым в гимназии.

Исходя из изложенного выше, считаем необходимым изучение латинского языка в средней школе, хотя бы для начала в специализированных гуманитарных гимназиях и лицеях.

Культура человека закладывается на этапах начального и среднего образования. Д.С. Лихачев подчеркивал: «Без культуры в обществе нет и нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные и экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука... национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны» [3]. Изучение латинского, а в некоторых школах и древнегреческого языков подняло бы нашу молодёжь, общество на ступень выше в культурном и нравственном отношении.

Не пришло ли время что-то изменить в наших школьных планах?

Литература

1. Джимбинов С. Коэффициент искажения // Новый мир. 1992. № 9. С. 207–221.
2. Лихачев Д.С. Почему у нас такая культура (из выступления на съезде народных депутатов) // Наше наследие. 1989. Т. 2, № 8.
3. Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 1999.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИНГВИСТИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Блинова О.И. Мотивационно-сопоставительный поликомпонентный анализ фитонимов литературного языка и диалекта	3
Братухин А.Ю., Козюкова Н.А. «Древние языки и культуры»: опыт использования греко-латинских ассоциаций на лекциях	11
Вяничева Т.В. Субстантивная сиклексика в русской и латинской медицинской терминологии (сопоставительный аспект)	21
Гончарова Н.А. Классификация латиноязычных номинаций из области городского быта	38
Грищенко Е.В., Лебедева М.В. Из опыта лексикографической работы по медицинской терминологии	44
Данилина Н.И. Согласные морфемы древнегреческого языка: глагольное словоизменение	48
Доровских Л.В. «Повествование о Сибири» («Historiola de Sibiria») Ю. Крижанича как памятник новолатинской литературы XVII в. (I. История создания и публикации. Некоторые особенности орфографии)	58
Елагина А.А. Плиний Младший – литературный деятель римского социума первого века	71
Завьялова В.П. К вопросу о художественно-эстетических принципах alexandрийской поэзии	77
Захарова Л.А. Морфологическая характеристика, этимология фамилий жителей г. Томска (на материале телефонных справочников г. Томска за 2004–2008 гг.)	85
Звонская Л.Л. Синтаксическая семантика апофитических конструкций в древнегреческом языке	92
Конончук И.Я. К вопросу о семантической адаптации заимствованных слов в русском языке XVIII в. (на материале писем А.В. Суворова)	100
Косых Е.А. Грецизмы и латинизмы в структуре современных колоризмов	109
Леушина Л.Т., Ёркина А.Б. Новогреческие прилагательные – цветообозначения с основой на -и-	116
Михеева А.В. Мотивационно-сопоставительный анализ зоонимов русского и английского языков	125
Нечипуренко Н.Г. О термине <i>facies</i>	132
Прокопьева Л.Б. Философско-нравственная концепция жизни человека в переводах М.Н. Муравьева (Гораций. Сатиры, II, 6)	134
Пяткова Н.С. К.Н. Батюшков и С. Проперций (Стихотворение Батюшкова «Тень друга» и 7-я элегия 4-й книги Проперция «Sunt aliquid manes: letum non omnia finib»)	154
Садыкова И.В. Семантическое развитие производных о.-слав. *ѣтъ/-*ѣгъ- в диалектах русского языка	160

Самуткина Л.А. Прорицатель Тиресий в ранневизантийской «Хронографии» Иоанна Малалы	167
Соснина Е.В. Слово и былина в зачине «Слова о полку Игореве»: реконструкция смысла	172
Соснина А.А. Некоторые предположения относительно этимологии нижнеиндигирского каравашка	177
Теперик Т.Ф. Сновидения в античном эпосе: поэтика пространства и времени	182
Царегородцева О.В. Этимология и семантика русского светообозначения <i>сверкать</i>	190

II. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Алексеева М.П. Пути реализации основных требований к уровню овладения дисциплиной «Древние языки и культуры»	195
Басалаева Е.Г. Некоторые рекомендации для работы с латинским текстом на занятиях со студентами	201
Вяничева Т.В. О некоторых аспектах преподавания латинского языка на культурологическом отделении педагогического университета	205
Кацман Н.Л. Система упражнений по латинскому языку для внеаудиторной работы студентов	212
Михеева О.Т. Греческий язык и античная культура в преподавании курса «Латинский язык и основы медицинской терминологии»	220
Хохлова В.Н. Об изучении древних языков в современной гимназии	224

Научное издание

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В СИБИРИ

Материалы VI Всероссийской научной конференции
«Актуальные проблемы классической филологии
и сравнительно-исторического языкознания»
и регионального научно-методического
совета по классической филологии

Редактор *Е.В. Лукина*
Верстка *А.И. Корчугановой*

Подписано в печать 08.08.2008 г. Формат 60х84¹/₁₆.

Печ. л. 14,38; усл. печ. л. 13,37; уч.-изд. л. 13,17.

Тираж 100. Заказ № *1052*

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Издательство «Иван Федоров»», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1

ГАУДЕАМУ

Старинная студенческая песня

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00668092

Так возрадуемся дням
Молодости милой!
Потому что все пройдет.
Нас ревниво старость ждет,
А потом – могила.

Где искавшие до нас
Славы и успеха?
Подымись до райских врат,
Опустишь в угрюмый ад –
Впереди лишь эхо.

Жизнь земная коротка,
Словно миг отрады.
Смерть коварна и сильна.
Всех нас унесет она.
Никому пощады.

Славься, университет,
Высься величаво!
Слава вам, профессора,
Стойким рыцарям пера!
Всем студентам слава!

Нашим девушкам хвала,
Стройным и красивым.
Славу женам воздадим,
Нежным, скромным, молодым
И трудолюбивым.

Пусть Отечество цветет
Светлым и богатым.
Слава тем, кто у руля
Государства-корабля.
Слава меценатам!

Пусть уйдет печаль-тоска,
Пусть отступит дьявол.
Ненавидящие нас,
Знайτε – грянет судный час.
Всем студентам слава!

Пусть могущество страны
Прирастет Сибирью –
Опытом из первых рук,
Светом знаний и наук,
Щедрым изобильем.